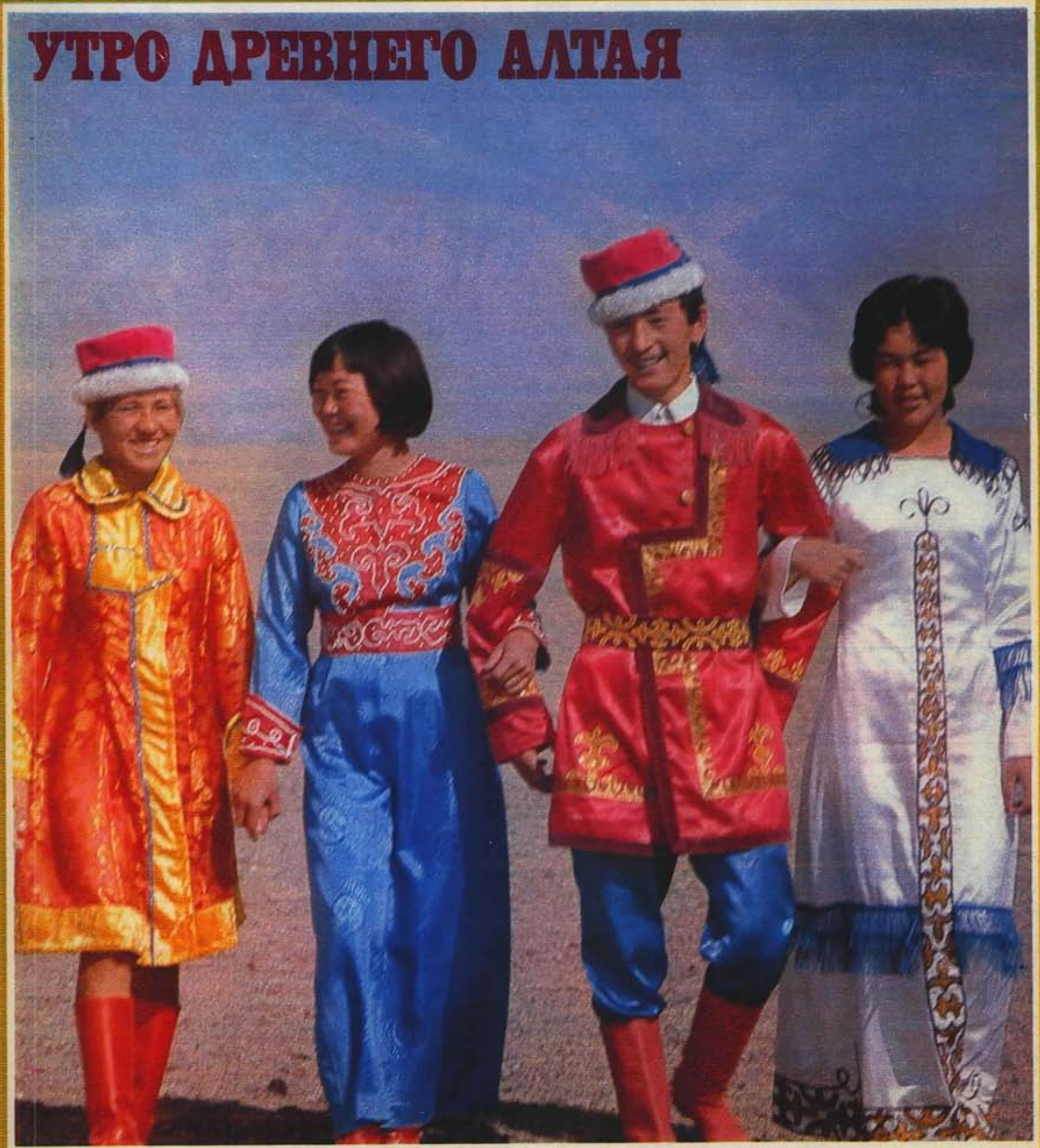

СМЕНА

№ 13 июль 1980

УТРО ДРЕВНЕГО АЛТАЯ

Ираида ПОТЕХИНА.
Фото Бориса ЗАДВИЛЯ,
Виктора САККА,
Валентина СЕЛИГЕЯ

ЧУЙСКОЕ ОЗЕРО

Неуютно на Телецком озере, когда дуют «низовки» — ветры коварные, опасные своим внезапным появлением. Летом они приносят с собой дожди, зимой снегопады и всегда — резкое похолодание.

Вспоминаю прошедшее лето. В узком, между скал, коридоре озера ветер рвется со свистом, ища выхода на равнину. Наша моторная лодка скачет по волнам, как по пашне.

Не рискуя соперничать со стихией, прячутся в заливы и бухточки любители «мореходы», опустела живописная поляна на берегу. Еще несколько минут назад на ней, поросшей высокой травой и усыпанной цветами, азартно играли в волейбол туристы из «Золотого озера». Но вот в северной части неба появилось облачко, другое... Прошли считанные минуты — и не видать за мощным заслоном облаков жаркого солнца. Упругими, злыми рывками прошел северный ветер по прибрежному гулкому кедрачу, загулял по высоким травам, испуганными белыми барашками погнался по воде волны. Разбежались и волейболисты по своим домикам-теремкам, что в трех километрах от истоков реки Бии веселой красочной цепочкой протянулись по северному берегу озера.

Плохая погода по-разному действует на людей. Вот и здесь. Одним туристам она вроде как и ни о чем. Из крохотного домика, до отказа заполненного многолюдной веселой компанией, то и дело ветер доносит чей-то смех, радостные крики, песни...

Другим в такую погоду больше по вкусу уединение. Под шум дождя и ветра хорошо думается, читается или спится...

Но есть среди туристов и люди, случайные здесь, на Горном Алтае. Своими ворчливыми сетованиями на погоду, на неудобства туристической жизни и прочие «непорядки» они нагоняют скуку на себя и на окружающих. Им, рассчитывающим на высокогорное озеро получить климатический и бытового комфорт обжитых южных побережий, труднее всего. Горный Алтай со своей хоть и не суровой, но все-таки строгой природой, капризным климатом, с еще недостаточно обустроенными турбазами не для тех, чья активность во время отдыха сводится лишь к тому, чтобы своевременно переверачиваться на пляже с живота на спину.

Одного из таких туристов я видела на нашем прогулочном катере. Он не вышел из душного салона на палубу, дабы не схватить насморк, даже тогда, когда над успокоенным после дождя озером загорелась диво-радуга. Двумя широченными дугами, яркими и переливающимися, как северное сияние, перекинулась она через воду и занялась, самоцветная, заиграла всеми красками. Красота! Он был перед нами, Горный Алтай. Голубой, солнечный, в цветах, сверкающий бриллиан-

тами дождинок, зелени. А может, это не облака, а причудливые белые птицы? По мановению чьей-то волшебной руки они возникают из ничего над самой водой и плавно поднимаются, растворяясь в небесной голубизне...

Воображение завораживает. И вот уж не шлюпки и баркасы туристов с прямоугольными красными парусами, а древние струги и ладьи заскользили по зеркальной глади озера в неведомую, тающую в знойной дымке даль...

Прошлым летом я побывала впервые на Телецком озере и, очарованная полудикой его красотой, не сразу обрела способность воспринимать все то, что скрывается за ее блеском, не сразу откроется мне и то, что, будто червь, тайно, изнутри, точит эту красоту, грозя ей погубить. Но пройдет время, утихнут восторги и ахи, настанет пора оглянуться назад и... насторожиться.

...И здесь, оказывается, в краю, удаленном не только от железных, но и автомобильных дорог, все те же «следы» человека, следы его небрежного, а порой и бездушного «хозяйствования», которое вредит природе нашей порой страшнее, чем стихийное бедствие.

Яйлю (в переводе с алтайского — «Теплая стоянка») оправдывает свое название. В этом поселке, расположенном между невысокими скалами, окружающими его с запада и востока, климат особый, более теплый, чем в высокогорье или в удаленных от озера районах. Может, именно поэтому здесь расположились и озерная (по изучению Телецкого озера) станция и управление Алтайского государственного заповедника. Организации, как я узнаю позже, замечательные. Каждая в своем роде.

Возле берега, покрытого отшлифованными волнами галечником, катера, моторные лодки. «Флот» довольно многочисленный для небольшого, в три десятка домов, поселка. Слева от пристани, сразу за управлением заповедника, магазин, баня. Справа — гостиница, деревянный одноэтажный домишко, обнесенный низким забором. Впереди, на горе, на самой ее вершине, небольшой бревенчатый домик с двумя входами. Один — на озерную станцию, второй — в жилище начальника и основателя станции Валентина Васильевича Селигея. Он с семьей — старожилы этих мест.

Семнадцать лет из почти сорока прожитых Валентин Васильевич работает в Яйлю, крохотном, зимой малолюдном поселке, не соединенном с Большой землей ни одной дорогой. Несомненно, только человек, поистине увлеченный работой и глубоко любящий эти места, способен так долго выдерживать оторванность от «цивилизации», оставаясь при этом человеком вполне современным, начитанным, неравнодушным. Все, прямо или косвенно касающееся Телецкого озера, волнует его больше всего. Внимание, труд этого человека, знания отданы озеру.

Потому-то среди 760 труднодоступных станций Советского Союза (куда входят островные, глубоководные и поллярные) Телецкое — на первом месте по организации труда и быта. Она носит звание «Станция отличного качества».

Задачи станции обширны. В первую очередь, конечно, всестороннее наблюдение за самим озером. Вторая, и очень ответственная, задача — наблюдение за атмосферой, выявление степени загрязнения ее промышленными предприятиями.

Это здесь я узнала потрясший меня факт: даже в заповедном районе реки Кокши, в специально созданном фондом (эталонном, первозданном) бассейне, обнаружен свинец из выхлопных газов автомобилей, что доказано химическими анализами почвы, осадков, речной воды...

Зимой в Яйлю редки гости. Ни одна дорога не подходит к поселку. Разве что лыжня. Да с наступлением ледостава, где-то во второй половине января, зеркально чистый, гладкий лед Телецкого озера служит недолговечной дорогой, соединяющей Яйлю с «цивилизацией». Коньки здесь не только спорт, но в это время года и средство передвижения. В январе стар и млад становятся на коньки. По льду тридцать километров до ближайшего поселка Артыбаш для местных жителей — не расстояние. А уж оттуда и до Турочака, районного центра, нетрудно добраться и дальше, до Бийска, где берет начало знаменитый Чуйский тракт — автомобильная дорога.

Причудливыми наплесками застыл лед на скалистых берегах озера. В горах видны покрытые снегом гольцы. Там зима наступила рано, еще в октябре. Она пришла в горы, когда на нижних склонах еще жили светло-зеленой полоской кедрачи и темнохвойная пихта, а на равнине ярким, буйным пожарищем полыхали кусты рябины, трепетали на холодном ветру нервные осины и разноцветным, но еще не очень пыльным ковром шуршали под ногами опавшие листья берез.

Для чуткого уха человека, привыкшего к лесу, каждый звук в нем наполнен значением и особым смыслом: и трубные призывы марала, вызывающего соперника на бой, и треснувший под лапами сытого, а потому добродушного осеннего медведя валежник, и бестолковое громкое хлопанье крыльями еще не пуганного охотниками глухаря. Он сорвался с разлапистой сосны, к которой только что подошел человек.

Зима на Алтае начинается с гор. И там, в горах, кончается лето. Даже в самые жаркие его месяцы, когда и студеные воды глубоководного Телецкого озера нагреваются так, что можно купаться, там, на альпийских глугах, лишь подняться повыше, весна... Цветут огненные жарки, нежные фиалки и подснежники, сверкают на солнце еще не расплывшиеся его лучами снежинки. А если хотите посмотреть тундру,

поднимитесь еще выше. Скучная растительность, мох... Ну неудивительно ли вот так, сразу, побывать в столь разнообразных климатических и растительных зонах?.. А вот и пустынные курумы (крупнокаменные осыпи). И снова альпийские и субальпийские луга, покрытые высокой травой и цветами: голубыми, бело-розовыми, желтыми... И травы целебные растут здесь. Всех не перечислить: знаменитые маралии и золотой корень, володушка золотистая, черемша, княжик сибирский, жимолость... От одних названий голова кругом.

Тысячи туристов принимают за сезон турбазы Бийска и Артыбаша. Переправы через горные реки и перевалы, крутые спуски и подъемы, чистейшие и непередаваемые по красоте высокогорные озера и грохочущие водопады — все встретит на своем пути любознательный, неравнодушный к природе и жизни человек. Устанет в нелегком походе, остановится на привал и зачерпнет из реки ли, озера высокогорного чистую, как слеза, воду и выпьет из пригоршни, не отрываясь, утолит жажду: хороша водица... Но не всякий задумается: отчего так чиста эта вода? А гигантский фильтр вот он — шумит кронами над головой кедровая тайга...

Название озера Телецкое произошло от названия племени алтайцев — телесов, когда-то проживавших на его берегах. Но есть и другое название — Алтын-кель, что в переводе с алтайского означает «Золотое озеро». Здесь и гора Золотая есть — Алтын-ту.

Легенда так рассказывает о происхождении этих названий. Бедно жил народ в этих краях. Однажды какой-то пастух нашел большой самородок золота. Обрадовался. Наконец-то он купит себе пищу и одежду. Но напрасно ходил он по аилам в надежде найти покупателя на золото. Не по карману была бедным людям находка пастуха. Отчаявшись, забрался обладатель бесценной, но никому не нужной находки на гору и бросил золотой самородок в озеро.

Грустная легенда...

Есть и третье название у озера — маленький Байкал. Надо сказать, что роднит их не только «видовая» похожесть (сочетание высоких гор и бездонной глубины). Те проблемы, которые и сейчас актуальны на Байкале (а именно: сохранение чистоты озера), касаются и Алтын-келя. И надо сказать, решение этих проблем не легче оттого, что в отличие от Байкала Телецкое озеро удалено от ближайшей железной дороги на 270 километров (это сдерживает развитие промышленности в районе озера). Ну, а лесоразработки на реках, питающих озеро? А склады горюче-смазочных материалов и «заправочные» с допотопным техническим оснащением? Только в истоке Бии, в конце Телецкого озера их пять (у каждого ведомства своя). Скажете, мелочи? Но их немало, а совокупность таких «мелочей» привела к тому, что Телецкое озеро, когда-то второе после Байкала по чистоте, цветет... А в мутных водах рек, на берегах которых ведутся лесоразработки, уже не поймешь благородного хариуса, совсем недавно в изобилии водившегося здесь. За одиннадцать лет наблюде-

**ДЫМЯТ ЗАВОДСКИЕ ТРУБЫ,
БЛЕКНУТ ЯРКИЕ КРАСКИ АЛТАЙСКОГО НЕБА
И ЛАЗУРНОЙ ВОДЫ АЛТЫН-КЕЛЯ**

озер Советского Союза, пятое после Байкала. Расположено оно на высоте 434 метра над уровнем моря. Огромная чаша живительной пресной воды в северо-восточной части Горного Алтая. Это отсюда берет свое начало бурная, полноводная Бия, от слияния которой с Катунью образуется великая Обь. Бия — единственная река, которой отдает свои воды Алтын-кель. Все остальные (более семидесяти рек и речушек) наполняют его чашу. Самый крупный приток Чульшман. Почти все реки, питающие озеро, берут свое начало из многочисленных больших и малых высокогорных озер. Обязаны эти озера и озера своей чистотой да и самим существованием могучим кедровым лесам. Каждым своим корешком, каждой травинкой, живущими под их кронами, участвуют кедрячи в воспроизводстве чистой воды и формировании ее стока. Недаром ученые называют кедровую тайгу «одной из ценнейших растительных формаций». Это определение особенно справедливо по отношению к кедровникам Горного Алтая. Они произрастают в условиях высокой влажности и потому являются особо мощными влагорегуляторами.

Для меня кедр — это еще и воспоминания детства...

Небольшая, но удивительно красивая роща сибирского кедра в Макарьевской пустыне (ныне хутор Горка) на Соловках дено и ночью охранялась сторожем, стариком, казалось, таким же древним, что и кедр. Мы, соловецкая ребятня, знали, что дед изрядно подслеповат да и на ногу не скор, но ружья его, заряженного солью, боялись. А посему операция «Орех» проводилась с большими предосторожностями...

Дома шишки калились на горячих печках, а на руках, на животах и коленках «добытчиков» еще долго черными несмываемыми пятнами держалась смола, изобличающая нас в незаконном промысле.

Тогда, детьми, мы не понимали, отчего так серчал сторож, увидев нас в его святая святых — «саду акклиматизации растений». «Что ему, орехов жалко?» — думали мы. Лишь позднее

**ПУСТЬ ВСЕГДА
БУДЕТ ПРИВОЛЬНО
НА БЕРЕГАХ ТЕЛЕЦКОГО
НАШИМ
«МЕНЬШИМ БРАТЬЯМ».**

ний, которые ведутся на озерной станции, количество нефтепродуктов в Телецком озере увеличилось.

Печальная быль...

Загрязняется Алтын-кель — Золотое озеро, но никому, видать, так и не приходит в голову сделать заправку довольно многочисленного маломерного флота централизованной. Специалистами подсчитано, что даже если сейчас закрыть существующие «заправочные», бензин, который пролит на землю, еще лет десять будет вымываться грунтовыми водами в озеро. Не мешает подумать местным властям и об ограничении количества маломерного и большого флота. Совсем без него в этих местах не обойтись, но биологам надо определить экологическую нагрузку (допустимое количество судов) для озера и реки Бии. Ненечислимое множество идет их летом из Бийска, Новосибирска, Барнаула. А у местного населения? Почитай, у всех моторные лодки. А многие ли из их обладателей задумываются над тем, какой они наносят вред? Даже те, кто понимает «в общем» необходимость сохранения чистоты озера, себя почему-то в расчет не берут, а ссылаются на других: «Что моя лодка? Вон их тут сколько...» И так рассуждает большинство.

Быстро загрязняется озеро. А вот самоочищение — дело долгое, требует даже не десятков, сотен лет. Объясняется это тем, что озеро (относящееся к полярному типу) холодное, и потому все биологические процессы в нем сильно замедлены. И то сказать, даже в самые жаркие летние дни температура его глубин не превышает четырех градусов. Максимальная глубина его 325 метров. Это одно из глубочайших

**ТАК НАЧИНАЕТСЯ РОЖДЕНИЕ
АЛТАЙСКОГО КАРАВАЯ.**

Николай МУХИН

Как светлая память о близких,
Как символ утрат и тревог,
Погибшим бойцам обелиски
Стоят у развилке дорог.

Под Вязмой, Москвой, Сталинградом,
В чужой ли земле—все равно
От выживших павшим в награду
Им вечно стоять суждено.

Бессмертным солдатам России
На плиты, прикрывшие прах,
Цветы положил полевые,
Такие, как в наших лугах...

И мысль мне приходит порою,
Хоть строй ветеранов не мал,
При жизни зачислить в герои
Всех тех, кто с врагом воевал!

Русь

Зори, росы и туманы
Да души российской ширь,
Марьи, Дарьи да Ивановы—
Весь народ наш богатырь.
Все, чем исстари богаты—
Удаль, песенность, и грусть,
И рассветы, и закаты,—
Обвенчало слово Русь.
И куда ни бросишь взгляда,
Все былинные места...
Мудрых слов искать не надо—
Русь, как истина, проста.
Словно птица вольной стая,
Знаю Родину свою.
Всю любовь к родному краю
Никому не подарю.
Попаду в края чужие,
Загрущу, не скрою слез...
Не могу жить без России,
Без черемух и берез.
Если мать позовет сына,
Он спешит развеять грусть.
Только ты не кличь, Россия,
Я всегда к тебе вернусь.

Родное село

Люблю я праздничными днями,
Когда кругом белым-бело
И снег глаза слепит огнями,
Входить в родимое село.

Как будто рота для парада,
Во всей заснеженной красе
Оно построилось в два ряда
По обе стороны шоссе.

Зима обильными снегами
Село закутала в тулуп,
А избы дышат пирогами,
Их запах тянется из труб.

В прозрачной иневои накидке,
Дополнив праздничный уют,
Гостям желанным у калитки
Березы руки подают.

Память

Кричали радостно мальчишки,
Когда под вечер на гумно
Механик с кинопередвижкой
Привез показывать кино.
Заря спустилась над лесом,
Замолк машины барабан,
И под соломенным навесом
Механик вывесил экран.
Прорезал луч прохлады ночи,
Погасли звезды в вышине,
И вот крестьянка и рабочий
Предстали нам на полотне.
О прошлом кадры побежали,
Замолк многоголосый зал.
Серпами люди поле жали,
И вдруг я маму увидал.
Она сгибалась устало,
Поклоны делая земле,
И за собою оставляла
Снопья ржаные на стерне.
Сменился кадр, в нем сердобольно
Кует серпы лихой кузнец,
А мне припомнился неволью
Молотобоец—мой отец.
Как после праведного боя
Росистым тихим вечерком,
Устав, домой спешили двое:
Она—с серпом, он—с молотком.
Быть может, скульптор на минуту
Их в это время увидал,
И маму, Мухину Анюту,
С отцом вознес на пьедестал.
Мастеровой с веселым взглядом,
Крестьянка, знавшая страду,
Они стоят навечно рядом
Как символ вечному труду.

Ивушка

Над рекой тоскующая ива
Плачет в воду утренней росой,
Ей вспорхнувший ветер молчаливо
Гладит косы ласковой рукой.

Может быть, о юности далекой
Загрустила ты, безмолвный друг?
Или скучно стало одинокой
Без своих развесистых подруг.

Я тебя ничем не озадачу.
Мне обидней было и больней.
Только я о прожитом не плачу.
Слезы—это слабость у людей.

Верность

Уснувший берег пахнет ивой,
В воде луна купает лик,
Средь ночи жалобно-тоскливый
Неспящей птицы слышен крик.

То лебедь в горестной надежде
Подругу верную зовет,
Но нет ее, к нему, как прежде,
Она, играя, не плывет.

Стал тесен пруд, заросший тиной,
И он, собрав остатки сил,
Поднялся с песней лебединой
И, смолкнув, крылья опустил.

Когда заря алела утром,
Затих камыш ветрам назло.
Волна, играя перламутром,
Ласкала мертвое крыло.

Однажды в жизни выбрав друга—
И если друг, любя, умрет—
Не ищет лебедь вновь подругу,
И знаем, долго не живет.

В стане

На колхозном поле, в стане,
Где сошелся с речкой лес,
Разыгрался на баяне
Тракторист из МТС.

Он окончил «Три танкиста»
И прошелся по ладам,
И, вздохнув, сказал басисто:
«Ну, даю кадрили для дам».

Закружились в танце пары,
Музыкант приник к мехам,
И включил прицепщик фары
Для подсвета женихам.

За рекой туман клубился,
Заслоняя небосвод.
И по парам расходился
Под «Страданье» хоровод.

Еще весна

Старик мороз кряхтит ночами,
А утром тешатся грачи,
И солнце топчет снег лучами,
Пуская в дальний бег ручьи.

Давай пройдем с тобой простором
Туда, где дыбится река,
Где греет полем, косогором
Земля остывшие бока.

Где солнце дышит в ветке каждой,
Где лес весной обворужен,
Где ветер, вымученный жаждой,
По горло влагой напоен.

Где жизнь бежит в движеньи вечном,
Законом истины верна...
А на спидометре сердечном
Еще отсчитана весна.

И я смотрю на неба просинь,
И что-то больно давит грудь...
Хотел бы я остаток весны
По руслу в юность повернуть.

Утро

Сотами медовыми
Пахнет сенокос,
Искрами липовыми
Брызжут капли рос.

Легкими туманами
Курится река,
Ивами духмяными
Дремлют берега.

Спит, склонившись свечками,
В заводи камыш,
Лишь звенит кузнечиками
Утренняя тишь.

Загляделось бликами
Солнце в гладь реки,
Только будят криками
Утро петухи.

С утренней росой
Май душистый летяся,
Ива над рекою
Зеленью смеется.

В воду загляделась
В праздничном наряде,
От красы зарделась,
На сережки глядя.

Кружится над кручей
В дружном хороводе...
Отчего ж плакучей
Ты слывешь в народе?

Знать, тебя девчата
В дни своей печали
У реки когда-то
С грустью обвенчали.

пойдем: там, на хуторе Горка, каждый цветок, каждое деревце в саду, кустарник—результат кропотливой работы соловечкиных садовников.

Тружеников тех давно уж нет в живых, но остался преображенный ими уголок земли и добрая память об этих людях. Не за орехи переживал старик сторож. Боялся, поломаем, потопчем мы «по детскому неразумению» то, что надлежит сохранить для нас же и для тех, кто придет за нами.

И сад сохранился. До сих пор ни один турист, побывавший на Соловках, не обойдет стороной этот уединенный уголок Приполярья, где, по словам В. И. Немировича-Данченко, «...и воздух, и небо, и земля—все напоминает юг Швейцарии». Здесь цветут

маргаритки и гималайские розы, тянутся к солнцу пихты и лиственницы, плодоносят яблони, удивляют своей пышностью кусты нарядной туи и курильского чая, жимолости... Жива и кедровая роща. Могучими корнями вросли красавицы деревья в эту святую землю. И шишки на них тугие, смолистые, соблазнительные. Точь-в-точь как те, из детства...

Споры о том, быть или не быть кедру, о методах правильного и более полного использования этого природного богатства, ведутся уже не одно десятилетие.

И я опять возвращаюсь в прошлогоднее лето. Поселок Артыбаш. Южный ветер, «верховка», обещает яс-

ную, безоблачную погоду. Примета не обманула, но прекрасная погода продержится всего два дня, пока в темном, без окон, деревянном клубе турбазы (почему не на лужайке, что рядом?) будет идти Всесоюзная научно-производственная конференция по «проблеме кедра» (название ее сложное и длинное—«Современное состояние кедровых лесов и пути их рационального использования»). А на третий день, когда закончится конференция, словно в отместку за то, что опять не решена «проблема», задует холодная «низовка» и на землю обрушится дождь.

За долгие годы споров о кедре, размышлений о том, как же взять от него максимум полезного, не нанося ущерб-

ба самой тайге, эта конференция—третья. Но основную остроту спорам придают, как и прежде, факты нещадного истребления кедра—пятихвойной ореховой сосны «пинус сибирка». Так сказать, «под шумок», пока лесохозяйственники, промысловики и лесопромышленники спорят о том, как объединить свои усилия и наладить комплексное ведение лесного хозяйства. Вырубаются не устойчивые или поврежденные деревья, а урожайный, сырорастущий кедр—«хлебное дерево» юга Сибири.

И все же что такое кедр? О том, что это орехоплодное дерево, знают все. Многие слышали и другое, что смола его, живица,—ценное лекарственное сырье. Издревле ходит

Алексей СОФРОНОВ

Облако

Я скользил по реке,
сливаясь с водой...

Плыло по небу
облако...

Тень упала передо
мной.

Вздрыгнул:
она
очертаниями
напомнила
мне

Ту,
которую прочно забыл.
Рябь пошла,
пошла по воде,
кругами
искажая тень ее.

О тень прошлого!
Прости меня—
не помню...
не помню.

Память рябится,
расходясь кругами...

Ничего особенного

Ушла...
Горбатится переулочек
за окном...
В комнате
я и отчаянное отражение в зеркале...
Смех...
А вообще
ничего особенного не произошло...
Тополы ветками
чешут свои стриженные головы...
Весна.

Другой случай

В. Г.

Сколько в походных кострах
сгорело мыслей?

Когда мы,
усталые,
смотрим на огонь...

А здесь—
другой случай:
На чистом поле,
в ясную погоду,
внезапно вспыхнул
и сгорел дотла
сноп мыслей...

И ветер разнес
пепел сгоревших мыслей,
оставив нам гарь
да и горечь...

...Сколько в походных кострах
сгорело мыслей,
когда мы,
усталые,
смотрим на огонь?..

Заросший сад

Кинулся обратно,
в последний оплот детства,
откуда шагнул
в яростный информированный мир...
Привез я тебя,
память,
смотри и дыши...

Видишь ту березу?
Видишь те поля?
Видишь тот мостик?

Они все видели...

Помнишь, как я любил?
Помнишь, как ты гладила
успокаивающе меня?
Помнишь, как ты ушла?

Насовсем?!
Ушла
сразу,
не оглянувшись...
из нашей тайной крепости—
заросшего сада.

Остался тогда в саду
один странный чужак,
который любил тебя
всю жизнь...
И верил отчаянно...
и надеялся наивно...
что все вечно...

Привез я тебя,
память,
смотри и дыши...
...И дыханьем памяти
мой запоздалый
плач заглуши!

Стечение

Памяти Евгения ПОПОВКИНА

Спрыгнула дождевая капля
с облака—
парашютист
со сверхзвукового МИГа.

Парашюты не раскрылись...

Бывает.

Погиб человек—
отец дочки,
муж жены...

Капля также разбилась...
На точке
ужасающего стремительного
соприкосновения
человека и земли—
обелиск.

Там, где исчезла дождевая капля,—
колос.

Колос,
обдуваемый крымским ветром,
который
осторожно
смахивал соленую каплю
со щеки дочери парашютиста...

среди людей молва о ее чудодейственной целебной силе. Отсюда и название—живица... Но ценность кедрового поставщика орехов, лекарственного и технического сырья—этим далеко не исчерпывается. Пушнина и дичь, грибы и ягоды, мед, ценнейшие виды флоры и фауны, сбереженные в недрах тайги,—все это дары кедровников. Я уже упоминала о кедре как мочегонном фильтре, его водообразующей роли. А это значит, что в условиях районов Сибири и Дальнего Востока, где произрастает это чудесное дерево, и жизнь ценнейшей пресноводной рыбы и наполняемость рек и озер водой—в прямой зависимости от кедров. Казалось бы, всего этого с лихвой достаточно, чтобы понять, что истреб-

ление кедровых лесов может иметь тяжелейшие последствия не только с точки зрения экономической (ущерба, наносимого народному хозяйству), но и с точки зрения экологической (нарушения равновесия в природе).

Мне не кажется преувеличением высказывание директора Института леса и древесины Сибирского отделения Академии наук СССР, члена-корреспондента АН СССР Александра Сергеевича Исаева о том, что «от состояния, в каком будет находиться кедровая тайга, зависит судоходство на реках и работа гидроэлектростанций, цветение садов и урожайность полей, чистота воды и воздуха, богатство и красота нашей земли...». Конечно же, крупный ученый, секретарь

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 13 (1275) ИЮЛЬ 1980

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
молодые участники
алтайского
национального
фольклорного
ансамбля.

Фото Виктора САККА

Очерк
Ираиды ПОТЕХИНОЙ
«ОЗЕРО, БЕРЕГ,
ЧЕЛОВЕК»
на 1-й странице.

1 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
«ОЗЕРО, БЕРЕГ, ЧЕЛОВЕК».
Проблемы комплексной охраны алтайской жемчужины.

2 Стихи Николая МУХИНА.

3 Стихи Алексея СОФРОНОВА.

6 «А ЧТО У ВАС?»
Информационная страница «Смены».

8 Рассказ Калдарбека НАЙМАНБАЕВА
«ЛЕТНЕЙ НОЧЬЮ».

10 «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».
Конкурс одного стихотворения.

12 КОЛЛЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ:
РАБОТА В ТЯГОСТЬ, РАБОТА В РАДОСТЬ.
«ПРОФЕССИОНАЛИЗМ:
КВАЛИФИКАЦИЯ ПЛЮС ОТВЕТСТВЕННОСТЬ».
Статьи, интервью, высказывания.

18 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ.
«ХОЧУ ВАМ СКАЗАТЬ...».

20 Повесть Николая ОГАНЕСОВА
«МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ».

24 СИЛУЭТЫ.
«ВЛАДИМИР ДАЛЬ».
Очерк Владимира ПОРУДОМИНСКОГО.

28 КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ...
«МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ».

31 ЭКСКЛЮЗИВ «СМЕНИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1980 г.

ЗАПОВЕДНЫЙ КРАЙ КРАСОТЫ ЗЕМНОЙ.

Комиссии по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов Совета Национальностей Верховного Совета СССР судит об этом с глубоким знанием дела.

Богатейшая флора и фауна заповедных лесов Горного Алтая насчитывает около полутора тысяч видов растений. Из них тринадцать (поистине роковая цифра!) под угрозой исчезновения. В Красную книгу занесены золотой и маралий корни, пионы, венерин башмачок... Под живительным пологом кедровой тайги обиталище великого множества (более трехсот видов!) звонкоголосых птиц. Здесь места гнездовий алтайского улара, беркута, сапсана, сокола, лебеда-кликлуна. Пятнадцать видов птиц, а также особо редкие животные, как ирбис (снежный барс) и архар, тоже нынче «обитатели» Красной книги. Редкими стали в этих местах и многочисленные когда-то стада северных оленей, кабанов. Все реже встречаются рысь, колонок...

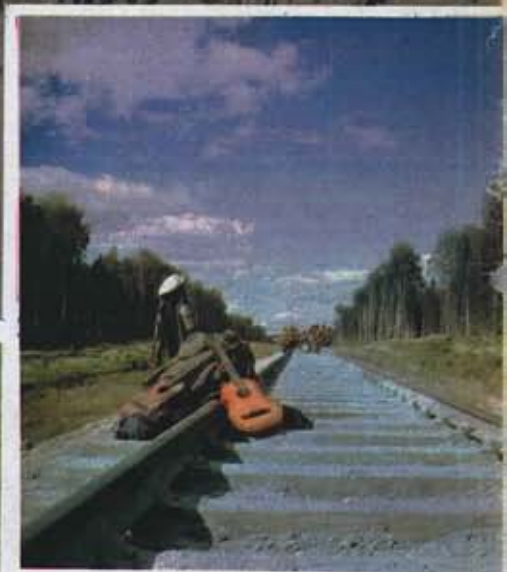
Эталоном природы Горного Алтая является Алтайский государственный заповедник, расположенный на правом берегу реки Чулышман и Телецкого озера. Он один из крупнейших в Советском Союзе, одно из немногих мест, где сохранилась почти нетронутой кедровая тайга. Этим обстоятельством и некоторыми другими особенностями природных условий, по словам заместителя директора заповедника по научной работе Алексея Ивановича Олигера, объясняется разнообразие флоры и фауны именно в заповедной зоне.

Охраняется она строго, как и положено. Все «дикие» маршруты, проходившие ранее по заповедной территории, ныне закрыты. Остался лишь один (по хребту Торот), да и там лишь в

одном месте тропа ненадолго пересекает границу заповедника. Чтобы пройти здесь, нужен специальный пропуск. Но вот парадокс. Все эти строгости распространяются лишь на правобережную часть бассейна Телецкого озера и Чулышмана. Если правый берег охраняют четыре кордона и два лесничества (в общей сложности восемь человек), то левый (те же 90 километров береговой линии) — всего два лесника. Да и эти «охранники» находятся в подчинении леспромхоза, организации, которую больше интересуют «кубики» спиленной древесины («Что делать, план...»), чем охрана тайги. То есть практически на левом берегу нет никакой охраны. Нудейственно, что могут сделать два лесника, охраняя такую огромную территорию, большая часть которой в горах?.. — Раньше хоть рыбнадзор был... — говорит Олигер, — теперь и его по необъяснимым причинам ликвидировали...

Ну а что же рыба? Она границ не знает. Таймень, к примеру, в период нереста скапливается как раз в неохраемом устье Чулышмана. Лови все, кому не лень. В результате за 12 лет средний вес этой благородной рыбы уменьшился на восемь килограммов. Раста таймень не успевает... Нелегко догадаться и о печальной участи других редких рыб, таких, как хариус, ленок (их нерестилище тоже здесь, по Чулышману). Как этого избежать? Вывод напрашивается сам — соединить разорванные границей части прителецкой тайги и вернуть заповеднику левобережье озера и Чулышмана. Или сделать левобережную часть прителецкой тайги Национальным парком... Это необходимо не только для того, чтобы сохранить рыбу, животных и растительный мир, но и само Телецкое озеро.

Впрочем, двенадцать лет назад правительство уже решило этот вопрос.

АЛТАЙ —
ЭТО И РОМАНТИКА
ДАЛЬНИХ ДОРОГ
И УДАРНАЯ
КОМСОМОЛЬСКАЯ РАБОТА.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОВЕРКА:
СЕГОДНЯ РЯДОМ С ОПЫТНЫМИ
МЕХАНИЗАТОРАМИ-
ПЕРВОЦЕДНИКАМИ
САМООТВЕРЖЕННО
ТРУДИТСЯ МОЛОДЕЖЬ.

Граница заповедника проходила по левому берегу Чулышмана. Как же получилось, что областные власти «забыли» об этом? Степи, отобранные у заповедника, нынче в распоряжении предприятий сельского хозяйства. А там, на левом берегу, по подсчетам ученых, произрастает, между прочим, пятьдесят видов эндемиков (то есть таких видов растений, каких нигде больше нет на Земле). И на них пасется совхозный скот! Местами земля настолько вытоптана копытами «пуховых» козочек, что на ней уже ничего и никогда не сможет расти.

И еще интересный факт из истории заповедника. В 1932 году (дата рождения заповедника) его территория составляла миллион двести тысяч гектаров, а к 1968 году сократилась до 863 тысяч гектаров. Но не это главное, а то, что и на эти земли у заповедника нет полных юридических прав, поскольку нет главного документа — «Акта на землепользование», подтверждающего твердые границы заповед-

ной зоны. Кому выгодна такая задержка с выдачей документа? Конечно же, не работникам заповедника. Но в крае и области, куда они обращались за помощью неоднократно, в поддержке было отказано.

Не зря же, подумалось мне, директор заповедника так часто меняются, знать, не выдерживают борьбы. Старожилы взялись однажды подсчитать, сколько их тут было, «начальников», да после пятнадцати со счета сбивлись...

Вот и Алексей Иванович Олигер говорит, что у него руки опускаются: — Сколько ведь бьемся... Все бесполезно. А что вы думаете, в крае есть люди, которые считают, что от заповедной зоны «нет никакого толку», мол, «зря земля пропадает»...

Им бы помнить слова В. И. Ленина о том, что «заповедник является национальным достоянием, предназначенным для разрешения научных и научно-технических задач страны...». Достоянием!

Я понимаю, развивающимся совхозам нужны земли пастбища, а леспрохозам — кедр, превращенный в древесину (которую, кстати сказать, они не всегда используют по назначению). Те и другие дают продукцию, ценную в самом прямом «бухгалтерском» смысле. Но согласитесь, что ни за какие деньги не нужны нам отравленный воздух, разоренная земля, мертвые озера и реки. Природа жестоко мстит своему дитяти — человеку за легкомысленно-потребительское отношение к ней. Примеров тому немало в истории да и в современной жизни.

СОЛНЕЧНОЕ НАСТРОЕНИЕ.

**БУДТО НА ЮЖНОМ
ПОБЕРЕЖЬЕ КРЫМА,
УТОПАЮТ В ЗЕЛЕНИ И ЦВЕТАХ
ТУРБАЗЫ ГОРНОГО АЛТАЯ.**

**НАВСЕГДА
ОСТАНЕТСЯ В ПАМЯТИ
ЭТОТ ХРУСТАЛЬНЫЙ,
ИСКРЯЩИЙСЯ ВОДОПАД...**

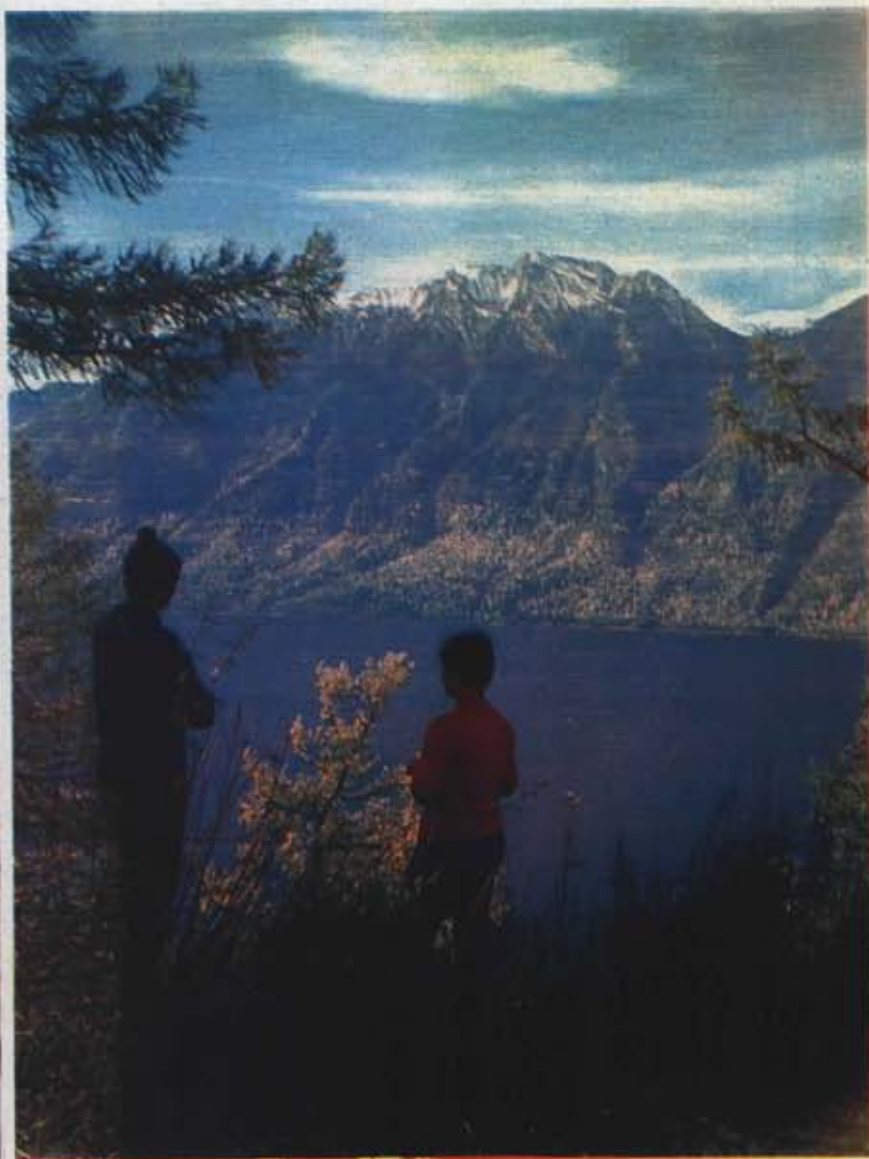
Разрушить всегда легче, чем создать. — это аксиома. Спилить кедр, даже если это 800-летний исполин, таежный «мамонт», при современной технике — минутное дело. А вот вырастить...

В естественных условиях это происходит так. Есть в тайге такая птица — кедровка. С ее помощью разносятся семена кедра. Три-четыре года семечко сидит в земле, набирая силу. Затем очень медленно начинает расти, и, если не заглушат слабый росток травы таежные, да свет пробьется сквозь буйные кроны соседей, да убежит случай и усилия лесоводов от вредителей и пожаров, пойдет деревце в рост. Но лишь через двести лет (!) достигнет спелости, сможет давать орехи... А ну, как придут в тайгу лесорубы? У лесопромышленников план, им нужны «кубики». На конференции в Артыбаше они во главе с

тем выращивания-сеянцев его в питомнике, об естественном возобновлении кедровых лесов на местах вырубок. Но результаты пока очень скромные. И происходит это, очевидно, потому, что внедрение научных разработок в жизнь в три раза отстает от появления самих разработок. А это, в свою очередь, происходит по той причине, что многие из работников леса (всех категорий значимости) не хотят доверять науке.

Подводя итог разговору о кедре, хочется повторить слова заместителя министра лесного хозяйства РСФСР Рэма Васильевича Боброва, сказанные им на конференции в Артыбаше:

— Проблема кедровых лесов — это проблема грамотного отношения к лесу, и возникла она от нашего неумения быть рачительными экологическими хозяевами. Пришло время, когда и в тайге нельзя работать по старинке...

**ВОТ ОНА,
ЖЕМЧУЖИНА КРАЯ
АЛТЫН-КЕЛЬ —
ЗОЛОТОЕ ОЗЕРО.**

начальником Алтайского управления лесного хозяйства В. С. Вашкевичем достаточно бурно отстаивали свои позиции.

Так вот, придут лесорубы, и настанет конец таежным долгожителям. Сплошная рубка не различает, где молодняк, где старец, где плодоносящее дерево. «Выбрекут» плешину в тайге, захлывят лес — и дальше... Я видела с вертолета эти плешины. Словно язвы на здоровом теле тайги.

Начнут на местах сплошных рубок расти березы, осины, сосны, вытесняя кедр с его законной территории, и пойдет на убыль кедровая тайга.

Говорят: лес рубят — щепки летят. Ничего себе «щепки»... Уже сейчас в кедровых лесах всего три процента приходится на молодняк!

Надо отдать должное ученым. Великое множество их трудов посвящено кедрю, разработаны рекомендации. Долгие годы думают ученые над тем, как сохранить его, ломают голову над вопросом воспроизводства кедра пу-

В природе все взаимосвязано и взаимно обусловлено. Нельзя охранять только зверей и птиц или только леса и воды. Если мы говорим об охране Телецкого озера, нельзя забывать обо всем, что его окружает. Тогда охрана будет не только словом, но и делом. И еще: защита природы не может быть уделом кучки энтузиастов, а должна превратиться в общее дело. Это необходимо не только для нормального течения всех процессов в биосфере, не только для нашего физического здоровья. Природа обогащает духовно нашу жизнь, воспитывает в нас чувство прекрасного, доброту, любовь ко всему живому.

А без этого не может быть истинной любви к Родине.

ДА БУДЕТ СВЕТ!

Стальной мембраной крыши, будто листом фантастических размеров кувшинки, одним махом — без единой промежуточной опоры — перекрыто тридцать тысяч квадратных метров! Четыре футбольных поля, секторы для прыжков, метаний молота, диска, толкания ядра, беговые дорожки, трибуны для 45 тысяч зрителей — это крытый стадион на проспекте Мира в Москве.

Двести человек — инженеры, мастера, электромонтажники — занимались устройством освещения самой крупной в стране крытой спортивной арены. Но прежде около года разрабатывала оригинальный проект этого устройства группа специалистов из «Минмонтажспецстроя». Реализация же проекта была поручена спецгруппе первого Челябинского управления треста «Южуралэлектромонтаж».

1350 прожекторов вмонтированы в потолок главного зала. Два кольцевых мостика, наружный и средний, как бы повторяют главный модуль каркаса — эллипс. Над ареной нависает огромный эллипсоидный «центральный плафон».

Многоступенчатая система «Старт» позволяет освещать арену в трех режимах: повышенная освещенность — для трансляций цветного телевидения, менее высокая — для черно-белого, а освещенность «средних режимов» вполне достаточна для проведения спортивных игр без трансляции их по телевидению.

Кроме этого, программы, заложенные в «Старт», имеют еще девять систем «локального света». То есть при необходимости можно высветить только то место, где происходит состязание по боксу, хоккею, прыжкам, баскетболу... Словом, дистанционная система освещения неплохо экономит электроэнергию.

...Настанет праздничная минута, пропоют спортивные фанфары, и хлынет поток теплого золотистого света на олимпийскую арену.

Николай ТКАЧЕНКО
Фото Юрия УСТИНОВА

ЗООГОЛОК Модный мишка

В этом году самым модным, самым популярным зверушкой стал медвежонок. «Родившись» в мастерской московского художника В. Чижикова и не успев вырасти, он быстро «расплодился» по всему белому свету и даже побывал в космосе. А много ли вы знаете о живых родичах олимпийского Миши?

Бурые медведята рождаются в самые лютые морозы в берлогах, куда их мамы забираются поздней осенью, накопив за лето жирку, чтобы за его счет выкормить свое потомство. На свет появляются мал мала меньше: вес новорожденных — всего лишь 300—500 граммов, в то время как медведица весит 150—180 килограммов, а папаши нередко и все 500. Встанет такая лохматая машина на задние лапы и будет возвышаться над землей на целых два с половиной метра.

Ну, а каков он, мишка, по характеру? Бурый медведь — хищник, но меню у него «универсальное»: мясо зверей и птиц, рыба, насекомые и их личинки, мед, травянистая растительность, побеги деревьев и кустарников, ягоды, орехи, овес, овощи, фрукты, корневища...

Лютый ли мишка зверь? Прежде всего он очень сильный и вопреки бытующим представлениям очень ловкий и быстрый: хорошо лазает по деревьям, отлично плавает и бегает.

Так что не случайно стал мишка символом нашей Олимпиады.

Игорь СОСНОВСКИЙ,
заслуженный работник
культуры РСФСР
Фото Анатолия АНЖАНОВА

А ЧТО У ВАС?

«Борщ-пятиминутка» и... другое

Больше половины столичных вузов стали участниками выставки НТТМ — традиционного смотря научно-технического творчества молодежи на ВДНХ. В нынешней экспозиции московских студентов есть одна особенность: значительная часть работ имеет прямое отношение к главному спортивному событию года — XXII Олимпийским играм. Некоторые из них уже получили путевку на международные соревнования, выдержав экзамен на VII летней Спартакиаде народов СССР.

Автоматическое устройство для соревнований по прыжкам в высоту родилось в лабораториях Московского энергетического института — оно устанавливает планку на нужную высоту. Раньше это делалось вручную и в общей сложности занимало немало времени. В накале спортивной борьбы автоматика экономит драгоценные минуты судьям и легкоатлетам.

Изобретение студентов Инженерно-физического института займет свое место в медицинских кабинетах. С помощью измерителя параметров дыхания — так называется прибор — врач может быстро установить готовность спортсмена к выступлению.

Приборы, устройства, аппара-

ты на выставке научно-технического творчества — привычные для глаз экспонаты. А вот таблички с надписями «Шницель Олимпийский», «Борщ-пятиминутка», «Супле рыбное» могут вызвать удивление. Но это тоже результат научной работы будущих инженеров-технологов Института народного хозяйства имени Плеханова. Прошло время, когда новые блюда изобретал обычный повар, ориентируясь на один показатель: вкусно или нет. Современный инженер учитывает множество условий, и главное из них — рациональность.

В Древней Греции спортсмены были вегетарианцами. Теперь фруктами и овощами не обойтись: энергозатраты спортсмена в XX веке в три раза больше, чем у сталяра. На олимпийском обеденном столе будет немало новых продуктов. Среди них — морская капуста. Из нее получается... отличное мороженое.

Олимпиада стала хорошим стимулом научно-технического творчества. Но все созданное для нее не утратит своего значения и после окончания соревнований. Изобретения студентов распространятся по спортивным центрам всей страны, с ними мы встретимся и в повседневной жизни.

Елена ГОЛОВАНЬ

ЭТО БЫЛО...

ОЛИМПИЕЦ- ДОЛГОЖИТЕЛЬ

На минуту представьте себе: Стокгольм 1912 года, жаркое лето, улицы одеты в яркие плащи афиш, с которых загорелый мускулистый атлет зазывает вас на Олимпийские игры.

Пролетело время, поухли краски афиш, в историю вошли газетные статьи. И трудно представить, что нынче, спустя без малого семьдесят лет, живет в Москве, среди нас, и еще в полную силу трудится участник тех далеких Игр. В прошлом летчик, пловец, легкоатлет, посвятивший большую часть жизни отечественному физкультурному движению, доктор педагогических наук Дмитрий Александрович Крадман хорошо помнит о своей поездке на V Олимпиаду.

— Помощь на Олимпийские игры мне помог случай. В те годы я служил в Петербурге, в правлении страхового общества «Русский Ллойд», которое возглавлял Макферсон — большой любитель и меценат спорта. Он и был одним из организаторов поездки русской команды на Олимпиаду. Однажды Макферсон увидел меня на спортивной площадке и предложил в составе команды пловцов поехать в Стокгольм.

— Просматривая программу V Олимпиады, невольно обращаешь внимание на несколько непривычные для нас олимпийские виды спорта.

— Да, в программе нынешних Игр не встретишь состязаний по перетягиванию каната, метанию копы и диска правой и левой рукой, выступления гимнастов по так называемой скандинавской системе, соревнования по плаванию с препятствиями... Вот и вы удивляетесь — плавание с препятствиями. А ничего хитрого в этом нет: на голубой дорожке «расставлялись» са-

мые обычные бочки, и спортсмен должен был подныривать под них...

— Как выступила российская команда?

— К сожалению, неудачно. В команде было много случайных людей, чье присутствие на Играх можно было объяснить не спортивными достижениями, а лишь аристократическим происхождением. (Ведь тогда простому человеку дорога в спортзалы, на стадионы была заказана.) Но надо отметить, что все же истинные любители спорта выкладывались до конца. Соревновательный дух Игр был очень высок. И хотя я не стал олимпийским чемпионом, участие в Играх, можно сказать, определило мою дальнейшую судьбу: я посвятил себя развитию спорта в нашей стране. И, конечно же, сам не прекращал активно заниматься физической культурой.

В библиотеке Дмитрия Александровича я увидела книгу «Какая физическая культура нужна пролетариату» с дарственной надписью Подвойского: «Опытному и преданному соратнику в деле физического воспитания трудящихся».

Именно физическое воспитание трудящихся и стало делом всей жизни этого замечательного спортсмена, ученого, нашего старейшего олимпийца.

Елена САМОУКОВА
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ПОЛОТНЯНАЯ ДОРОГА

Лежневка... Для сибирских просторов, для слабых болотистых грунтов она была до недавнего времени самой надежной дорогой. Но, похоже, лежневка отживает свой век. Необычные автотрассы

протянутся скоро к нефтепромыслам Тюменщины.

...Расстилается рулон нетканого полотна. Его засыпают слоем гравия и песка, который разравнивают бульдозером, — и дорога готова. Несложная технология, не правда ли?

Нетканое полотно — дорнит — имеет перед обычной дорогой неоспоримые преимущества: ему не страшны тюменские морозы, затяжные дожди, вечная мерзлота. Полотняная дорога

служит гораздо дольше, чем лежневка.

А делается дорожное нетканое полотно из отходов текстильного, трикотажного и швейного производства.

И уже более миллиона квадратных метров дорнита изготовлено на новой поточной автоматической линии, которая установлена на Ростокинском производственно-заготовительном предприятии треста «Мосгорторсырье».

А ЧТО
У
ВАС?

БИБЛИОТЕКА
«СМЕНЫ»
В УРЕНГОЕ

И СНОВА ПРАЗДНИК

Майские дни этого года были не совсем обычными в Новом Уренгое. Три разных — по значению и содержанию — праздника встретились здесь. Всенародный День Победы. Трудовой праздник — добыча 50-миллиардного кубометра уренгойского газа. И совсем «семейное» торжество — первая годовщина поселковой библиотеки.

В эти дни к уренгойцам приехала творческая бригада нашего журнала «Смена» и молдбедж, работающую на обустройстве Уренгойского газоконденсатного месторождения, связывают давние узы дружбы.

Зримым воплощением этой дружбы стала открытая год назад в приполярном поселке газодобывчиков и строителей библиотека, получившая имя журнала «Смена». По инициативе редакции вся страна собирала 25 тысяч томов книг для уренгойцев, комсомольцы Нововятского завода древесных плит в нерабочее время из экономленных материалов построили здание библиотеки, молодые летчики перебросили его в Уренгой, где оно было смонтировано. Известные советские писатели, общественные деятели, работники искусств, военачальники прислали в библиотеку свои лучшие

книги с дарственными надписями. Четыре книги со своим автографом подарил уренгойцам Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев.

В день открытия библиотеки один из ее первых почетных гостей, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт Виталий Севастьянов оставил в памятной книге надпись, выразившую общие чувства: «С поклоном доброте человеческой».

И вот прошел год.

60 000 книговыдач. Такую цифру можно было увидеть на выпущенной в эти дни в библиотеке «молнии». А это значит, что каждый среднестатистический уренгоец, включая грудных младенцев, четырежды в год взял в руки книгу со штампом «Библиотека имени журнала «Смена».

Год жизни — это немного. Но за этот год библиотека, увеличившая свой фонд до 31 тысячи томов, стала любимым всеми культурным центром.

Однако в тот вечер она при всей своей гостеприимности не смогла вместить всех желающих поздравить ее с днем рождения. На выручку пришел клуб «Факел» с самым большим (по-

ка!) зрительным залом в Новом Уренгое. Но и здесь не только яблоку, кедровому орешку упасть было негде. Люди стояли в проходах, толпились на улице, возле открытых дверей.

В президиуме — партийные, советские, комсомольские, хозяйственные руководители поселка и организаций, работающих в Уренгое, передовые рабочие, наиболее активные читатели, здесь же делегация «Смены», возглавляемая заместителем главного редактора журнала В. Луцким. Много теплых слов было сказано в тот вечер в адрес библиотеки, играющей важную роль в коммунистическом воспитании молодежи. Слова благодарности были обращены к работникам библиотеки, ко всем, кто помог создать ее. А значит, и к вам, наши читатели.

На этом торжественном собрании были вручены переходящие призы, выпеллы, дипломы «Смены» лучшим производственным коллективам, победителям социалистического соревнования, образцовым общежитиям, активистам библиотеки.

А в заключение состоялся устный выпуск журнала, в котором приняли участие члены выездной творческой бригады «Смены» — поэты Олег Беликов и Владимир Шленский, музыканты и певцы уже знакомого тюменским зрителям по сменовским поездкам, но впервые выступающего в Уренгое лауреата Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване, московского вокально-инструментального ансамбля «Гармония» под руководством заслуженного работника культуры РСФСР Юрия Яновского.

Выступление творческой бригады журнала состоялось также в библиотеке-именинице, для которой вечера поэзии, читательские конференции, встречи с интересными людьми, выставки стали уже доброй традицией. Традицией, родившейся за год жизни.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

ЭТЮДЫ О ПРИРОДЕ

ВЕСЕЛОЕ РАЗНОГОЛОСЬЕ

Солнечное, теплое утро.

Я вновь стою на сельском угоре возле школьного сада, и неописуемый восторг охватывает меня, хочется все видеть, слышать, уловить каждый миг жизни...

Вот, будто не желая уступить друг другу, заливаются птицы. Они сидят на каждом дереве сада, возле своих гнезд, и щелкают, свистят, заливаются — ну, чего только не выделывают! Настоящий оркестр! Не скоро уйдешь отсюда: заворожил!

Смотри, как звенят в небе серебряные колокольчики — жаворонки. Они повисли под солнцем и не замолкают ни на минуту. Сколько же их там, в вышине?

А вот слышится мелодичная песенка пеночки-веснички. Тоже старается как может. Не молчит и пеночка-теньковка — звенит-звенит...

Вдруг из глубины леса донесся голос кукушки. Я приготовился считать, а кукушка вдруг умолкла: видимо, не тот настрой. Зато в ближнем ельнике все распеваля дрозды. Уж как только они не ухитрялись: «Тю-лю-лю, тю-лю-лю... чув-тю-ти, чув-тю-ти... чу-врлю, чу-врлю...» Нет, тут все колена не запомнишь.

Барашком прокричал над речкой Осетровкой бекас. Он пронесся в сторону перелеска, и оттуда стало слышно его слабое блеяние. Ну и песню себе подобрал... В чернолесье, левее просеки, тронул струну дятел. И, будто сговорились, его подхватил голубь вязирь: «У-у, у-у...» Странные, однако ж, музыканты.

И тут, заглушая все вокруг, пропел на реке пароход: сначала басовито и протяжно, потом два раза отрывисто. Пропел — и снова птиц веселое разноголосье!

Николай МАРИХИН

ВЫСТАВКИ

Ай да гусары!

Оловянные фигурки, будто сошедшие со страниц Андерсена. Механические игрушки — «арлекин», «концерт», «птицы у ручья», созданные умельцами петербургских мастерских. Барабанщик, литаврщик — brave музыканты из папье-маше — двигаются, бьют в барабаны, гремят литаврами. А рядом — солнечная радуга на глиняных свистульках и игрушках, чем славилась знаменитая Дымковская слобода...

А вот и они — гусары в киверах, бешенные, лихие усачи.

...Лучшие образцы русской игрушки XVIII — начала XX века представлены на выставке в Государственном Эрмитаже.

НА КНИЖНОЙ
ПОЛКЕ

«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»

Воспоминания, дневники, письма обладают удивительной властью покорять современного читателя. Это можно сказать о серии «Полярная звезда». Мы уже сообщали («Смена», 1978, № 17), что эту серию выпускает Восточно-Сибирское книжное издательство. Напомним, что ее содержание составляет мемуарное и эпистолярное наследие сосланных в Сибирь декабристов, а в некоторых случаях и материалы их следственных дел.

Эта серия уникальна — в ней публикуются новые, еще не печатавшиеся документы. Все материалы носят строго научный характер: тексты тщательно выверены, прокомментированы, предисловие ко всем томам написал академик М. В. Нечкина и доцент С. Ф. Коваль.

В первый том — «М. А. Фонвизин» — вошли дневник декабриста, который он вел во время заключения в Петропавловской крепости; письма за 1814—1853 годы, большая часть которых до сих пор оставалась неопубликованной. Во второй том серии — он выходит в ближайшее время — также войдут документы и материалы, принадлежащие перу этого замечательного человека.

Михаил Александрович Фонвизин — член Союза спасения, один из организаторов «Военного общества» в Москве, а затем Союза

благоденствия, один из инициаторов Московского съезда 1821 года и автор обсуждавшегося на нем проекта конспиративной реорганизации общества. То, что создано им в Сибири — на каторге и в ссылке, — важнейший источник для изучения идеологии декабризма как этапа русского революционного движения.

Публикация документального наследия М. А. Фонвизина, а затем и других декабристов, сосланных в Сибирь, послужит хорошим стимулом для еще более глубокого изучения славного прошлого нашей Родины, биографий ее замечательных сынов.

Владимир КОЛОСОВ,
заместитель главного редактора
массово-политической
литературной
Госкомиздата РСФСР

Происшедшее в ту ночь до сих пор стоит у меня перед глазами. С тех пор, как я научился садиться на коня, то есть по степным традициям мог уже считаться взрослым, я многие свои поступки измерял именно этим, хотя порой мне казалось, что ничего особенного вроде и не произошло.

Расскажу, как все было.

...Поздним вечером, когда мы по обыкновению своему укладывались спать, отец стал спешно одеваться.

— Надо бы осмотреть снова этот проклятый арык, — сказал он. — Как ведро дырявое, понимаешь, вода в нем не держится.

Бабушка сидела у нас.

— Только ведь пришел. Зачем тащиться? — сказала она.

— Э-эй, апа, раз уже надел хомут, тащи! — Собирается, хотя бабушка и удерживает его.

И правильно делает. С тех пор, как наступил зной, хлопкоробы перешли на ночной полив хлопчатника. До рассвета бедняги не смыкают глаз. А какие, думаете, силы выходят в военное-то время? Старики, бабы да подростки. Мало того, что не спят, а попробуй строптивую воду направить как надо, все равно что с упрямыми быками возишься. Изматываешься вконец.

Надев единственный сапог, отец сказал:

— Люди там ночь по грязи мотаются, а я дома прохлаждаться буду — неудобно.

Мать молчит.

— Дай, зять, чаю напиток как следует, дьявол тебя гонит, что ли? — сказала бабушка.

— В предосторожности греха нет, — отозвался отец, повторяя слова деда-председателя.

— А, дело твое! — обиделась вдруг бабушка. — Взрослый человек и...

Костыли скрипнули раз-другой. Поглядев через окно, отец бросил:

— Хорошо хоть ночь лунная.

— Я тоже пойду, — сказал я.

Калдарбек
НАЙМАНБАЕВ

ЛЕТНЕЙ НОЧЬЮ

РАССКАЗ

— Ты погляди на них! — сказала бабушка и рассмеялась.

— Вот гляди и помалкивай себе, — наругил я.

Идем привычной тропинкой не спеша. Кругом тихо. Только потревоженные нами лягушки выпрыгивают из-под ног и плюхаются в воду. Собаки, которые обычно настороженно следят за каждым шорохом, тоже сегодня молчат. Арбакеш*, которым нет покоя ни днем, ни ночью, тоже не попадают.

— Куда они подевались все? А то ведь от крику их тошно было, — сказал я, желая избавиться от молчания.

— На станции, поди, задержались, — ответил отец. — И так бывает.

Покойную тишину грубо нарушает скрип костылей. Мне даже как-то неловко. «Болит у него, наверное, под мышками», — подумал я. Я это мог предположить, потому что в один из дней тренировался передвигаться с палками, как с костылями. Здорово я натер себе тогда подмышки, хотя никому об этом не проговорился.

— Износились костыли-то, — сказал через некоторое время отец, будто угадав мои мысли. — До чего надоел этот скрип. По мозгам бьет.

— Может, жиром их смазать? — вставил я.

Он рассмеялся.

— Не надо никакого жира.

— Тогда подкрути их так, чтоб не скрипели!

— Это можно.

Отец — ужасный молчун: не подтолкнешь — не заговорит. Надо опять мне какую-нибудь тему для разговора подыскать. Вспомнил одно-другое — не подходит. Наконец, сказал то, что нашел.

— На костылях трудно, оказывается, ходить.

Он остановился.

— А ты почем знаешь? — Мог ведь подумать, что я вижу, как ему ходьба дается, но тон у него был другой, будто заподозрил меня в чем-то. Или мне показалось?

— У меня тоже костыли есть, — сказал я.

— Какие костыли? — Голос его прозвучал глухо.

— Соседский сын сделал их для меня.

— Зачем они тебе?

— Попробовать хотел. Пропали они пропадом! Под мышками до того заболело...

— Ну и игры у вас! — произнес он сквозь зубы. — Вернемся — немедленно уничтожь их.

Вот, как говорится, нажил себе беду. Отец не успокоится никак.

— Костыли — это что, игрушка?! Хотя бы подумали над этим сначала! Чтобы больше я не слышал ничего подобного. Как вернемся, прямо ночью и уничтожь их. Чтобы глаза мои не видели...

Кое-как успокоился.

Когда мы выходили из дому, мать сказала: «Чего я буду сидеть в одиночестве? Поставлю снова чайник и не отпущу бабушку до тех пор, пока не придете». «Теперь, поди, сидят и пьют чай», — думаю я. Бабушка поначалу все аульные новости выложит. Мать про дела на хлопковом поле расскажет. Погорюют о тех, у кого кто-то погиб. За других, у которых все благополучно, порадуются. За это время успеют пролить и осушить по нескольку раз слезы.

Отец шел, не сводя глаз с арыка, и вдруг остановился.

— Пропали все! — процедил он холодно и припустил вперед. Костыли уже не скрипели, а пели.

— Что случилось? — спросил я, насилу поравнявшись с ним.

Будь он проклят, этот арык! Чувствовал я. Опять, кажется, прорвало.

Оглянулся я кругом, ничего подозрительного нет. Очень уж я напуган был тем днем, когда арык прорвало: сердце застучало, дрожь. Все у меня перед глазами. Ужасный поток, уносящий с собой охапку травы, — прожора, и только! И отец, бросающийся в исходящую хрипом пучину. Бросился, а у самого дыхание, что ли, перехватило, замахал руками — еле добрался до пролома в запруде... Короче, напугался я в тот день до смерти.

— Давай сначала посмотрим, — говорю я.

— Нечего смотреть. Шагай живее!

Взгляд мой упал случайно на тень, показалось, что кто-то следует рядом. Совсем меня обуял страх.

— Не бойся, — приговаривает отец. — Может, опять, как тогда. Так это ничего, сделаем заслон.

— Где мы траву найдем среди ночи?

— И это причина?

Это же ужасно — в темноте лезть в воду. Лягушек ведь полно. И змеи могут быть. Мать не раз страшила меня: «С утра до вечера из воды не вылазите, а вдруг змея ужалил?»

Я, видно, отчаялся совсем, говорю отцу:

— Вернемся.

Отец, спешивший к месту предполагаемого прорыва, огрызнулся:

— Устал я от твоего хныканья. Прекратишь или нет?

Иной раз окрик отца для меня все равно как если бы он меня побил. Мать ругается — я и ухом не ведаю. А отцу стоит только зыркнуть глазом, я реву, будто несчастнее меня нет никого на свете.

Вот и сейчас его «прекратишь или нет» страшно задело меня.

Слезы полились из глаз. Думаю: «Чтоб я еще пошел с тобой!»

Мало-помалу обида проходит. Я останавливаюсь, то и дело прислушиваюсь. Одно хорошо — пока что никаких звуков: ни посвиста зловещего, ни всхрапа, ни шума течения. Поглядываю и на пыльный большак рядом с арыком. Воды, как тогда, не видно.

Все, что ночью кажется близким, оказывается на самом деле труднодоступным. Ну, а наш конечный пункт, считай, на краю света. Попробуй разгляди ночью, где может прорвать этот длинный, тянувшийся, как кишка, арык?! Хорошо, если где-то рядом. А до канала еще идти и идти.

В такие минуты, когда и без того встревожен, всякое лезет в голову.

И бабушка нарисует всякого. «Чего мы не видели?» — скажет она и вздохнет, а потом и начинает. Как-то среди ночи она нагнала страху, припомнив свою встречу с шакалами.

...С поезда сошла поздно, транспорта не было, потянула пешком до аула. Расстояние между станцией и аулом таково, что если арбакеш с заходом солнца выедет, только после полуночи и будет в ауле. «Единственная моя надежда, значит, дорога, — начала бабушка. — Знаю, что она не даст заплутать. Не смею и по сторонам посмотреть, спешу. В те времена степь до самого аула тянулась. Камыш да камыш всю дорогу. Да и тот отдельными островками растет. Вдруг где-то за спиной раздался посвист. Не похоже ни на собачий лай, ни на волчий вой. До того испугалась, шагу ступить не могу. А тут в камышах справа шорох. Шорох и опять этот звук. Вот тогда и вспомнила: в ауле рассказывали, что на эту дорогу выходят шакалы. Бывали даже случаи, говорят, когда они на одиноких

* Арбакеш — возчик (казах).

путников нападали. Ох, и голоса у них противные. «Точно — они! Что же делать? Даже палки в руках нет. Вот где, значит, погибель пришла. Только я так подумала, неподалеку от холма, за которым наш аул, дорогу мне перерезали четыре шакала. Испугавшийся первый лезет с кулаками», — говорят. «Проваливайте!» — закричала я. Сильно, видно, закричала, помчались они от меня. Но недалеко ушли. Остановились в отдалении и давай лапами землю рыть. Думаю, покричу-покричу, авось, за тот холм перевалю, что впереди, а там, может, и огонек засветит. Подбадриваю себя. А то ведь каждый шаг, представляешь, мука... Не знаю, откуда они взялись, но вдруг три шакала прямо передо мной оказались. Чего человек не сделает в предсмертном страхе? Ринулась опять на них. Как ослепла вроде, не вижу ничего. А потом пригляделась — бегут они. И я бегу, бегу. Кто знает, сколько я бежала, только очнулась, когда сзади послышался скрип арбы. Так и опустилась я на корточки прямо на дорогу. Гляжу по сторонам, думаю, если шакалы, побегу на них. Арба приблизилась настолько, что я вскочила. Лошадей перепугала, они от меня как от нечистой силы рванулись. И арбакеш едва с телеги не полетел. Не успела сказать ничего — арба с глаз исчезла. Никогда, наверное, я не досадовала так. Опять побежала и только к рассвету добралась. Назавтра узнала, что арбакеш, который удрал, был аульный забияка Дайрабай. Я, говорит, сам испугался, думал, что ведьма. Как погнался потом лошадей, так в ауле только и пришел в себя...

В ночь, когда услышал этот рассказ, я видел ужасный сон. А теперь вот этот рассказ вновь ожил в памяти. Я содрогнулся, представив, как на нас может напасть свора шакалов.

— Что-то темнеет вдали... — сказал было я, но тут отец, споткнувшись, тяжело грохнулся всем телом, как подрубленное дерево.

Он, видно, хотел вскочить тут же, но не получилось.

— Надо ж так! — простонал он.

— Нога? — спросил я.

— Поясница, свело всю.

— Потянуть за руку?

— Погоди, двинуться не могу.

Я замер озадаченно. Только-только отец спешил так, что я едва поспеивал за ним, а тут на тебе — пошевелиться не может.

Потом он все-таки очень медленно поднялся. Помню до сих пор, как пот проступил у него на лбу. Ноздри сжались, и скулы резко обозначились...

— Что стоим? Пошли.

Костыли скрипнули. И он тотчас заковылял вперед. Я — трусцой следом. Спусти некоторое время я не выдержал.

— Опять упадешь, — говорю. — Если еще упадешь...

Молчит. Только костыли поскрипывают тише прежнего. Вся тяжесть как будто сейчас на этих костылях. Чем дольше он молчит, тем больше распалюсь я.

— Чего ты злишься, что я тебе сделал?

Молчит.

— Домой пойду, — хочу я напугать его.

Обернулся тотчас.

— Иди.

— Один?

Опять молчит.

— Боюсь.

— Нету у меня времени сопровождать тебя.

— Пойдем вместе.

И неожиданно он заорал:

— Не пойдешь! Не пойдешь! Надо будет, так в одежде в воду полезем. И в грязь. Пока не кончим, не вернешься. — И добавил: — Первым ты в воду полезешь.

— Не полезу.

— Полезешь, — повторил он твердо.

И без того я шел, готовый разрыдаться в любую минуту. Как же тут выдержишь — расплакался я. Всхлипываю и говорю:

— Что ругаешься? Почему кричишь на меня?..

Он идет и не думает вроде останавливаться. Посматривает на арык и все прибавляет шаг, прибавляет.

Не сдаваться же мне, говорю:

— Бабушке скажу. Погоди, придешь домой, увидишь.

Молчит.

— Я не буду теперь «коке»* тебя называть...

Глянул он на меня.

Глаза! Я испугался его глаз. И все равно еще надеялся, что он приласкает меня тут же. Я хотел, чтобы он меня приласкал.

Молчит.

Я поднял голову и у источника впереди заметил что-то темное. Забыв про все обиды, я спросил, растерявшись:

— Что это?

Он тоже, видимо, обратил внимание.

— Стой! — закричал он. — Эй, стой!

— Ты погляди, он улизнуть хочет!

— Кто это?

— Кто бы ни был, а человек, пользуясь ночью, рушит арык!

— Удрал уже, поди.

— Все равно поймаю, в какие бы одежды ни обрядился.

Кругом тихо, только рокот стекающей снизу воды доносится ясно. Мы уже приблизились к источнику.

Навстречу нам вышел кто-то уж очень громадный.

— Ассалаумагалай-ку-ум!

Не сразу я и различил. Наш Дайрабай. Арбакеш Дайрабай! Босой. Штанины закатаны.

— Друг, я тут вольность себе некоторую позволил, — сказал он. Сказал так, как про какую-нибудь ерунду.

— Подлец ты со своей вольностью! — бросил отец и закрыл шлюз.

Дайрабай не ожидал, видно, подобной вспышки, заорал:

— Не смей меня оскорблять!

Отец потряс костылем.

— Пес эдакий, как у тебя рука только поднялась!

— Убыло с тебя, что я немного водички позаимствовал?

— Ступай домой, пока жив! — Отец, присев на край арыка, свернул самокрутку. Сворачивает, а руки трясутся. То махорка сыплется, то бумага рвется.

* Коке — ласкательное слово, с которым обращаются к отцу (казах).

Дайрабай все в той же позе стоял возле шлюза.

Сейчас вот я подсчитал: ему тогда было лет 45—47. Здоровенный мужик был с острой бородкой и впальными глазами. И по сию пору жив: около восьмидесяти ему, а то и больше. Все в том же ауле. Семья большая у него, дети, внуки, дом, хозяйство. Бодр и здоров до сих пор. Ничуть не сторбился.

Я его всегда помнил арбакешем. Запряжет двух гнемых в арбу и раскатывает себе меж аулами. Мы, мальчишки, стоило нам завидеть Дайрабая, мчались ему навстречу. Если он бывал в хорошем настроении, то непременно сажал нас всех в телегу, и мы весело катили вниз по склону. Такие мы довольные были тогда! Сколько он выслушивал тогда за это от председателя. Ругает его тот, а он:

— Ну мальчишки же, какая им еще забава! Жалко, что ли...

— Не прекратишь, сниму с арбакешей в один прекрасный день!

— Прекращу, обязательно прекращу! — уверял Дайрабай. А стоило председателю скрыться из глаз, он забывал про все свои обещания.

И вот перед нами он, Дайрабай! Он поднял заслонку шлюза, при этом грозно крича на отца:

— Кто видит это твоё самопожертвование?! Что прискакал сюда среди ночи? Или дома потоп?

Отец только и сказал в ответ:

— Дайрабай, ты не должен этого делать.

— Бахча у меня с дынями, совсем маленькая бахча. Поспевают дыни-то. Погоди, не закрывай шлюз, — попросил он жалостливо.

— Это что за произвол? Кто тебе позволил колхозной водой распорядиться?

— Говорят, можно поспориться из-за понюшки табака. Чего ты мелочью какой-то попрекаешь? — сказал Дайрабай. В голосе его дрожь. Видно, досадует, что встретился с эдаким упрямым.

— Мы целое лето только и думаем о том, как бы хлопок не остался без воды. Председатель волосы на себе рвал бы, увидев такое воровство! Давай проваливай отсюда, пока не опозорился!

— Куреке, не жадничай, — спокойно проговорил Дайрабай.

Казалось бы, отец наглухо закрепил кран, однако воды, уходившей из арыка, было достаточно для полива дьнь Дайрабая. Отец, видно, только заметил это.

— Чего застыл? — прикрикнул он на меня. — Давай ключ!

Я стоял наготове, подал ему ключ.

Он начал заворачивать кран до предела. Руки дрожат.

— Воровать в такое время! Пропади пропадом вместе с дынями своими! Знаешь ведь, как трудно колхозу, как бережем воду, — и все о своем, о себе! Проваливай с глаз, пока цел!

Дайрабай даже рот раскрыл от изумления.

— Кончил костерить? Выговорился, наверное? — сказал он. Сказал и еще выше закатал штаны.

— Уйдешь ты или нет? — сказал отец, почернев весь.

— Эй, друг, злость глаза ослепляет, а разум просыпается потом. Ты меня уже вон сколько оскорбляешь. Старше я тебя, но и слова в ответ не сказал. Надо ценить уважение, Куреке!

— Плевал я на такое уважение, — бросил отец.

— Вода не твоя собственная, течет себе и течет. Погоди немного, сейчас закончу.

— Ты что — опять?!

— Я тебя считал порядочным человеком, а ты, оказывается, глупец, с которым никак не договоришься. Смотрю, скажут тебе, сними волосы, а ты и голову срежешь.

— Ишь, умник!

— Мы ведь из одного аула. Опомнись. Чего нам делить?

— Слышал я такое... Чем идти на кражу, лучше уж пошел бы нищенствовать по свету!

Слова отца задела Дайрабая, и он вдруг ухватился за ключ, не давая отцу окончательно завернуть кран.

— Убери руку! — рявкнул отец. — Ослеп, что ли?

— Ну, ты! — закричал и Дайрабай.

— На колхозное добро зарисься, пес? — сказал отец и отбросил руку Дайрабая.

— Не дам я тебе закрыть воду, — вскинул Дайрабай и опять потянулся к ключу. — Лопну, а не дам. Я тоже член этого колхоза.

— Гляди-ка, и не дрогнет ведь!

— А ты тоже выискался... чистенький! — Некая пробка, каким-то чудом сдерживавшая, видимо, гнев Дайрабая, отлетела теперь в сторону. Ох и разбушевался он! — Где же ты был, когда этот самый арык прорвало недавно? Хорошо, что председатель дело замаял. И учти, я свои дыни полью, чего бы мне это ни стоило. Понял?!

Я дрожу весь.

Перевел было глаза на отца, еще больше испугался.левой рукой кран держит, а правой за переключатель костыля ухватился.

— Ни капли воды больше не получишь. Исчезни по-хорошему, не то... — Отец задохнулся.

На Дайрабая и вовсе страшно смотреть: глаза сверкают, борода трясется, еще миг, и, кажется, живьем сожрет отца.

А отец тут говорит:

— Настоящие мужчины кровь свою проливают на фронте. Колхозники себя не жалеют, дни и ночи работают, чтобы им, фронтовикам, помочь, а ты в это время...

Дайрабай тем временем выхватил ключ и начал раскручивать кран. Вода, застывшая под большим напором, разом хлынула в арычок, ведший к дьнному участку.

Только он это сделал, отец сильно толкнул его в грудь. Дайрабай едва удержался на ногах.

— Эй, хромой, да ты что?

— Не говори потом, что не предупреждал!

— Ну, дорогой, вини сам себя! — сказал Дайрабай, заикаясь. Густые брови грозно сошлись.

Отец успел уже снова закрутить кран.

— Вини сам себя! — повторил Дайрабай.

Я глянул на отца, тот стоял черный-черный. Уголки губ дергались.

А Дайрабай, гляжу, прет на него. Если промедлю... Я кинулся к Дайрабаю и повис на нем.

— Не трогай коке! Уходи, уходи!

Дайрабай откинул меня в сторону и в два прыжка очутился рядом с отцом, ухватил его за ворот. Ухватил и поволок в яму, которая зияла у источника.

— Расквасался, понимаешь, раскомандовался. А я сейчас покажу тебе, как командовать. Ну-ка, кто заступится за тебя.

Ну и силач этот Дайрабай! Отец отбрыкивается, а он тащит его, как мешок. Понял я: дотащит до ямы и будет дубасить. Ясно, что отцу несдобровать.

Хоть я и боялся, а опять же вцепился в него из последних сил.
— Отпусти, говорю! Отпусти! Вот расскажу про все председателю!
— Убирайся, пока цел! — прохрипел он.
— Отпусти. Отпусти отца!
— Убирайся!..

Когда Дайрабай поволок отца, один костыль упал в воду. Сгоравший от ярости, я схватил этот костыль и что есть силы ударил Дайрабая...

Помню до сих пор: хочу закричать, а голоса нет. Молчать тоже нельзя. Руки-ноги дрожат. Хочу подойти к отцу... Боюсь, что Дайрабай схватит меня. Считаю, пропал тогда...

— Ата-а-а! — Голос у меня будто из-под земли вырывается. Как ни желал я этого, а не смог побегать в аул. Не от страха — просто не мог. И кричать опять же нет сил. Истоптал все вокруг арыка, мечусь туда-сюда... Уже, видно, от злости я заорал:

— Коке! Коке!

Забыл про недавний страх, тормозу и Дайрабая. Тот застонал, пробормотал что-то...

— Эх-хе, эх-хе... — всхлипываю я и приговариваю: — Вставайте же, вставайте! Иначе пойду к деду-председателю.

Наконец отец пришел в себя. С возгласом «коке» я обнял его.

«Айналайын»** — проговорил он.

Голос тихий-тихий. Мне хотелось ему сказать что-нибудь. Но нужных слов не находилось, и, пока я сидел так, он проговорил:

— Где эти костыли проклятые?

Они лежали в разных местах. Тотчас подал их.

Скрипнули костыли. Едва дотащился до арыка, присел на краю. Ворот гимнастерки растерзан. Одного рукава нет и в помине. Простоволос, бог знает где кепка. Одна штанина распустилась. Болтается, пустая, на ветру.

Молчит. Все это время и головы не повернул к Дайрабаю.

— Коке, а что с этим делать будем? — спросил я, не выдержав.

— Посмотри, как там кран. Где ключ?

Еще через некоторое время Дайрабай поднял голову. Поднял и опять уронил. Отец промолчал...

Что недавний его окрик? Ерунда, оказывается. Видели, наверное, всяких во гневе — до неузнаваемости, бывает, меняется человек, глядеть страшно. Дайрабай точно такой был недавно. А сейчас он поднял голову и уронил ее. «Умер», — решил я. Перед глазами встали смуглая, невзрачная жена Дайрабая и его дети. Я содрогнулся. Жена Дайрабая сидела у арыка. Я ясно ее видел. Вот уже и причитает. Точно тысячи иголок впились в мое тело. Я закрываю руками уши, но ее вой слышится еще сильнее...

Весь аул уже плачет, растроженный воплями жены Дайрабая. Бабушка моя тоже в голос причитает. Она всегда так. Кто бы ни умер в ауле, она в три ручья разливается, по неделям не выходит из дому, в который пришла «черная бумага». Вот и сейчас дайрабаевская жена давно успокоилась, а она причитает, причитает...

Председатель хмурится.

— Хватит! — кричит он вдруг разъяренный. — Хватит же! Дорогая! — Это он к жене Дайрабая. — Кому, думаешь, сладко сейчас? Слезами-то ничему не поможешь...

Люди начинают расходиться...

— Коке, чего же ты сидишь?! Заставь встать этого Дайрабая, — говорю я. Говорю и тормозу его за рукав. Голос у меня, видать, отчаянный со страху. Отец обнял меня.

— Сейчас, сейчас, родной...

А тут и сам Дайрабай поднялся, грузно, тяжело поднялся и, громадный в ночи, как великан в сказке, уже шел к нам.

— Убьет он тебя! — вскрикнул я.

Отец продолжал сидеть, не шелохнувшись.

А Дайрабай дотащился до нас и давай вдруг рыдать:

— Ку-ре-ке-е...

Ревет, как бык, и все тут. Не знаю, что и сказать. А отец, словно столб врытый, сидит недвижно.

Что это за штука — душа! Мне вдруг стало жаль Дайрабая. Да и было за что пожалеть его: могучий Дайрабай сейчас съёжился, стал совсем маленький. Хотел было даже обнять его. Бросьте, мол, рыдать, но не решился. Поглядываю украдкой на отца. Почему он молчит? Взрослый человек сидит рядом и плачет. Можно ведь и смягчиться, простить, раз уж такое дело...

Меня то в холод, то в жар бросает. Ни Дайрабая не могу утешить, ни отцу что-либо сказать...

Дайрабай потом встал, перекинул кетмень через плечо и пошел. К аулу пошел.

Я почувствовал, как мне полегчало сразу.

Как только Дайрабай удалился, отец вдруг схватил ключ и отвинтил кран. Вода пошла на бахчу Дайрабая! И это после ссоры — разве я мог такое понять?

— Вот так, сынок, вот так... — Голос у отца дрожал.

Дома мы легли молча.

А ночью я увидел сон. Вдвоем с отцом мы пришли на дынный участок Дайрабая. Дынь-то у него немного — всего-то шесть арычков между рядами. Бежит по ним вода, и дыни прямо на глазах растут.

— Уж и не знаю, чем отблагодарить тебя, — увивается вокруг отца Дайрабай.

— Не согреей мне душу твоя благодарностью, — отвечает отец. — Вон, погляди на колхозный хлопок. До пояса вымахал. Вот чему радуюсь, вот чем греюсь.

— Э-эх, такого простачка, как ты, впервые вижу. Что тебе дался этот хлопок? О себе, о сыне подумай.

— Уж какой уродился. Как бы ты ни старался, меня теперь не скроить заново. Да и тебя, Дайрабай, не перекроить — поздно, так и не понял ничего ты в жизни...

В глазах Дайрабая закипает гнев, вот-вот кинется с кулаками. Я тяну отца за рукав.

— Коке, пошли! Пойдем скорее!

Первым, развернувшись круто, ушел Дайрабай.

Мы тоже отправились своей дорогой.

Через какое-то время мы потеряли друг друга из виду...

Не знаю, отчего я проснулся, но, когда открыл глаза, увидел, что отец сидит в ногах моей постели и курит.

* Ата — дедушка (казах).

** Айналайын — ласкательное обращение (казах).

Конкурс одного стихотворения

ПОЮ

Юрий КУКУШКИН,
радиоинженер,
Ленинград

Мать солдата

Ночь. Изба.
Над трубою дымок.
Тишина да сверчок голосистый за печкой.
Затерялись дома среди мерзлых дорог.
Месяц звезды считает на речке.

Здесь весной
соловьями округа звенит,
а сейчас тишина, посидели дороги.
Одинокая лодка из снега торчит,
и собака скулит на пороге.

Здесь солдат в сорок первом
в смертельном рывке
за страну, за березку родную
встал со связкой гранат
в еще детской руке
на громадину танка стальную.

Ты солдат, комсомолец!
И во все времена
ты трудом и отвагой чеканил страницы,
в них делами вписал ты свои имена —
так тебе завещали отцы-коммунисты.

Сколько их полегло
там, у края села,
знают поле да ветры степные.
Уходящая ввысь обелиска стрела —
память матери вечна отныне.

Здесь весной
соловьями округа звенит.
А все думы старушки о сыне.
И подолгу она у гранита стоит,
мать солдата —
святыня России.

Иван НОВИЦКИЙ,
журналист,
Ростов-на-Дону

Не сразу подошла армейская пора.
Не сразу.
В середине ноября.
В окно взглянула строгая заря,
и, встав, я понял:
«Все. Уже пора».
Пора! — гудели гулки ветра,
и было все иначе, чем вчера.
Пора! — оркестр на площади играл,
и было все иначе, чем вчера.
И даже тополя в тиши двора
шептали листьями:

Пора.
Пора.
Пора.
Пора.
Пора.
Пора.

И городок встревоженный с утра
нам тоже повторял:

Зеленый поезд прогудел:
Пора.
И детство кончилось,
и кончилась игра.

Вячеслав КУТЕХОВ,
инженер,
Московская обл.

Песня о кораблях

Я рисовал двухпалубные шхуны
И голубые бриги рисовал.
А море было ласковым и шумным,
И был великим Тихий океан.

На глобусе пунктирные кривые
Вели суда в далекие края.
И широко раскинулась Россия,
И звезды ночью плавали в морях.

Отец глядел на бриги и на шхуны
И говорил мне строгие слова:
«Я вижу, сын, рисуешь ты не худо,
Но ты берешься за чужой штурвал».

А за селом хлеба заколосились,
Опять июль ромашкою пропах.
И это все была моя Россия,
И звезды ночью плавали в прудах.

И я теперь нисколько не жалею,
Что жить пришлось мне посреди земли,
Что мой штурвал мой ладони греет:
Комбайны — это тоже корабли.

Лиля ЛИЛИНА,
журналистка,
Ташкент

Шефский концерт

Взметнулись палочки чангистки —
О чудо-песня,

волшебство!
Глаза усталые танкиста
Ласкают девичье плечо.
И легких палочек удары
Бьют солнца диск — о торжество!
Златистым ливнем залило
Поля и пастбища земли.
В горах бегут,

шумят ручьи,
И звонкий смех,
и клекотанье...

Усердно девичье молчанье.
И руки, точно изваянье,
Взметнулись вверх,
И вновь дробит
Янтарный дождичек гранит!
И неожиданно — гроза,
Блеснули молнией глаза,
И радуга, цветы земли
На плечи девушке легли.
Ее дыханьем чанг согрет.
Тиха мелодия, рассвет...
О, виртуозная игра
Солдату снится иногда...

МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Анатолий ИВАНОВ,
учитель,
Нововинск

На родине

Я не забыл, я помню вас,
Края смоленские льняные,
Поля, под солнцем золотые,
Крестьянской жатвы звездный час.

Земля Смоленщины моей,
Уже видна ты за холмами.
Целую, как целуют знамя,
Простой цветок твоих полей.

Михаил КАГАРЛИЦКИЙ,
лаборант,
Ташкент

Стройка в пустыне

Лавиной котлованов
Пустыня перепажана.
Литые вышки кранов
Вросли в опоры накрепко.
Новейшее сказание,
Последняя легенда—
Мы строим мироздание
Из стали и цемента.
Пускай за сорок градусов
Уходит ртутный столбик—
Здесь будет место старта
Гигантских новостроек!
Ну, а пока жарница,
Пылает небосвод,
И бригадир привычно
Со лба стирает пот.

Олег БУЙНИЦКИЙ,
инженер,
Минск

Партизанский лес

Землянки.
Коновязи.
Все истлело...
Здесь по-особому застыла тишина.
Но лязгнул под ногой кусок железа,
И лесу кажется,
Что лязгнула война!
И что сейчас, сжимаясь, воздух вззоет
И вздрогнет обожженная земля!
Тревожно здесь вечернею порою,
Как в стенах опустевшего жилья.
Лес замер в оцетинившихся елях.
Стою, не шелохнувшись. У лица
Березы в тишине зашелестели.
Лишь дятел—
Словно палочка слепца.
Да гильзы под ногою зазвенели...

Жанна РЖЕВСКАЯ,
инженер,
Амурская обл.

Сибирь

Что ж,
Вот теперь понятно:
Зачем здесь
так неба много.
Чтоб в темноте непроглядной
В звездах
светились дороги,
Чтобы лесов верхушки
синим огнем
горели;
Разговорясь,
чапушки
шире неслись,
звенели.
Чтобы потом,
с рассветом,
солнцу
пройтись где было.
Затем,
чтобы литься свету
с миллион-
киловаттной силой,
Чтобы синели болотца
и белоус купался;
Чтобы воде в колодцах,
дрожа,
о края плескаться.
Чтобы в волну горизонта
в удивленьи
глаза окуная,
Ты навсегда запомнил:
Нет у Сибири края.

Николай БУБЕЛЕВ,
журналист,
Наро-Фоминск

Тишина

Ночной привал окутала
прохлада,
Пехота ног не чувствует
под собой.
Ей большего, пожалуй,
и не надо,
Как дух перевести
и снова—в бой.
Вот так всегда:
привалы и тревоги.
Вот так: и на войне
и без войны...
Суровые солдатские
дороги
Во имя приграничной
тишины.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

Юрий КОТОВ,
слесарь,
Набережные Челны

Было

Давно,
Много лет назад:
Удирал я из детдома с Пашкой.
Каждый, знали,
сам себе—казак...
Плыли в Сталинград...
На Волгу...
К нашим...

Нас качала темная река,
И мечты в атаку уносили...
Мы и в снах видали:
сын полка!—
Маленькие
Сыновья России.

И на гулких подступах к фронтам
Нас ловили,
Как цурят,
Руками...
От начальства попадало нам.
Здесь уже
У бакенов.
На Каме...

...Я причаю к юркому ключу,
Для палатки распланою место,
Сухари в ушце размочу,
Как мочил их
в недалеком
детстве.

Геннадий ЗАЙЦЕВ,
инженер,
Саратов

Бабье лето...
Бабье лето...
Затерялась тропка где-то...
Где-то там, где тихо-тихо,
Пожелтела облепиха,
Где-то там, за косогором,
Где чуть слышен гул мотора,
Где в лугах, у синих окон,
Дремлет рыжая ороска,
Где летят,
блестят в низинке
Три поющих паутинки,
Где к серебряной полоске
Вдаль бегут, бегут березки,
Озаряя
бабье
лето
Белоствольным тихим светом.

Валерия СИТНИКОВА,
журналист,
Кирово-Челецк

Вятка

Мягким солнцем залучила,
Тишиною завлекла.
С родниками обручила,
Росным лугом повела.
В роце—серые осины,
В Вятке—серая вода,
А, пожалуй, мест красивей
Не увижу никогда.
В селах—серые домишки,
В поле—серая стерня...
Сероглазый мой сынишка
Ловит серого коня.
Знаю, реки есть теплее,
Живописнее края,
Но споет ли кто милее
Серой птахи-соловья!

Валерий ЛЮЛЮКИН,
аспирант,
Ленинград

✿
Я не был на этой войне,
Не вышел годами, но все же
Живет она где-то во мне,
Под сердцем, ночами тревожа.

И, орден отцовский храня,
Я слышу, как снова стреляют
И целятся прямо в меня,
Да только в отца попадают.

Людмила СИМОНОВА,
журналист,
Чебоксары

✿
Москва особой мерой мерит
В нее въезжающих людей.
И коль слезам она не верит,
То верит истинной беде.
И верит искреннему чувству.
И здесь я, как нигде, учусь
Такому важному искусству—
Великой сдержанности чувств.

Татьяна ЛИТВИНОВА,
учительница,
Северодонецк

✿
Поливает женщина цветы.
Есть ли что привычнее и проще?
Но ее движений легкий росчерк
Вечеру добавил красоты.

Вот несет наполненный кувшин,
Бережно несет, неторопливо,
Окатив нас,
Как волной прилива,
Мигом приоткрывшейся души.

Без разговора о профессионализме и профессионалах наша дискуссия под рубрикой «Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость» была бы неполной.

Что значит работать современными методами? Как добиваться высоких качественных результатов труда? В век научно-технической революции эти вопросы встают перед каждым. Наше время, обстановка в нашем обществе не терпят не только халтуры, но и любого неумения, незнания, дилетантизма. Параметры современного труда — интенсивного, качественного — требуют профессионализма: выверенной высокой квалификации и ответственности за свою работу.

Ориентация партии на такой труд предполагает массовый профессионализм тружеников всех отраслей народного хозяйства, всех сфер деятельности советских людей, где бы они ни трудились. Особенно это важно для работников молодых, еще только осознающих себя в профессии, хотя профессиональная зрелость, как показывает жизнь, — черта не только опытных, но и достойные молодости, если она неуемна в постижении своего дела как дела жизни...

Сложный и интересный вопрос о профессионализме мы хотим рассмотреть с разных точек зрения и потому в этом номере «Смены» предоставляем возможность высказать свое мнение людям различных профессий: знатному рабочему-бригадиру, комсомольскому журналисту, ученому-философу... Мы вновь приглашаем читателей дополнить разговор своими письмами.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ. КВАЛИФИКАЦИЯ ПЛЮС

Было такое время, когда и слова-то этого не знали: «призвание»... Медленно к малограмотным людям приходило общественное сознание, потребность уяснить, для чего ты на белый свет появился. Но уж если ты начинал задумываться над этим, значит, созрел до чего-то большего, чем до тех пор считал себя способным...

Ну, кем я был первое время? Смышленным деревенским парнем, старательным работником... Чего хотелось достичь? Сначала высокого заработка, потом людского уважения, еще потом — доказать, что ты можешь быть полезен шахте, всему нашему делу.

Алексей СТАХАНОВ,
Герой Социалистического Труда

Я никогда не гонялся за заработком, хотя, естественно, хотелось мне лучше одеться и больше денег давать на семейные расходы. Но я знал, что заработок придет сам, если овладеешь профессией.

Алексей ЧУЕВ,
токарь,
дважды Герой Социалистического Труда

Казалось бы, нехитрая работа у шлифовальщика: снял со шпинделя обработанную деталь да надел новую. Но посмотрите, как это делают десять, двадцать человек. И вы увидите, что один работает свободно, красиво, может, даже артистично, другой напряженно, с натугой, третий и вовсе через пень-колоду — не он за станком следит, а станок его подгоняет...

Часто меня просят рассказать, как я понимаю свою роль, роль рабочего в НТР. Может, ответ мой кому-то покажется нескромным. А все-таки потому, видимо, и появляются Герои Труда, что думают о своем деле больше и видят дальше, чем те, кто живет спокойно...

Анатолий ДОНЧЕНКО,
Герой Социалистического Труда,
бригадир шлифовальщиков
завода «Арсенал» имени В. И. Ленина

ТУФЛИ НЕ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

Анатолий СУРОВЦЕВ,
Герой Социалистического
Труда, лауреат Государственной
премии СССР, заслуженный
строитель РСФСР, член
исполкома Моссовета, брига-
дир ДСК-1 Главмосстроя

...Были и есть уникальные таланты вроде тульского Левши. Но не о вершинах мастерства — о более простых на первый взгляд вещах хочется поговорить. Отдавая дань умельцам, могущим блоху подковать, на маковом зернышке картину выписать, в пустой бутылке великолепный дворец выстроить, мы все же осознаем, что не они играют самую значительную роль в повседневной жизни. Потому что некому жить в тех великолепных дворцах, равно как и на подкованной блохе ездить некому...

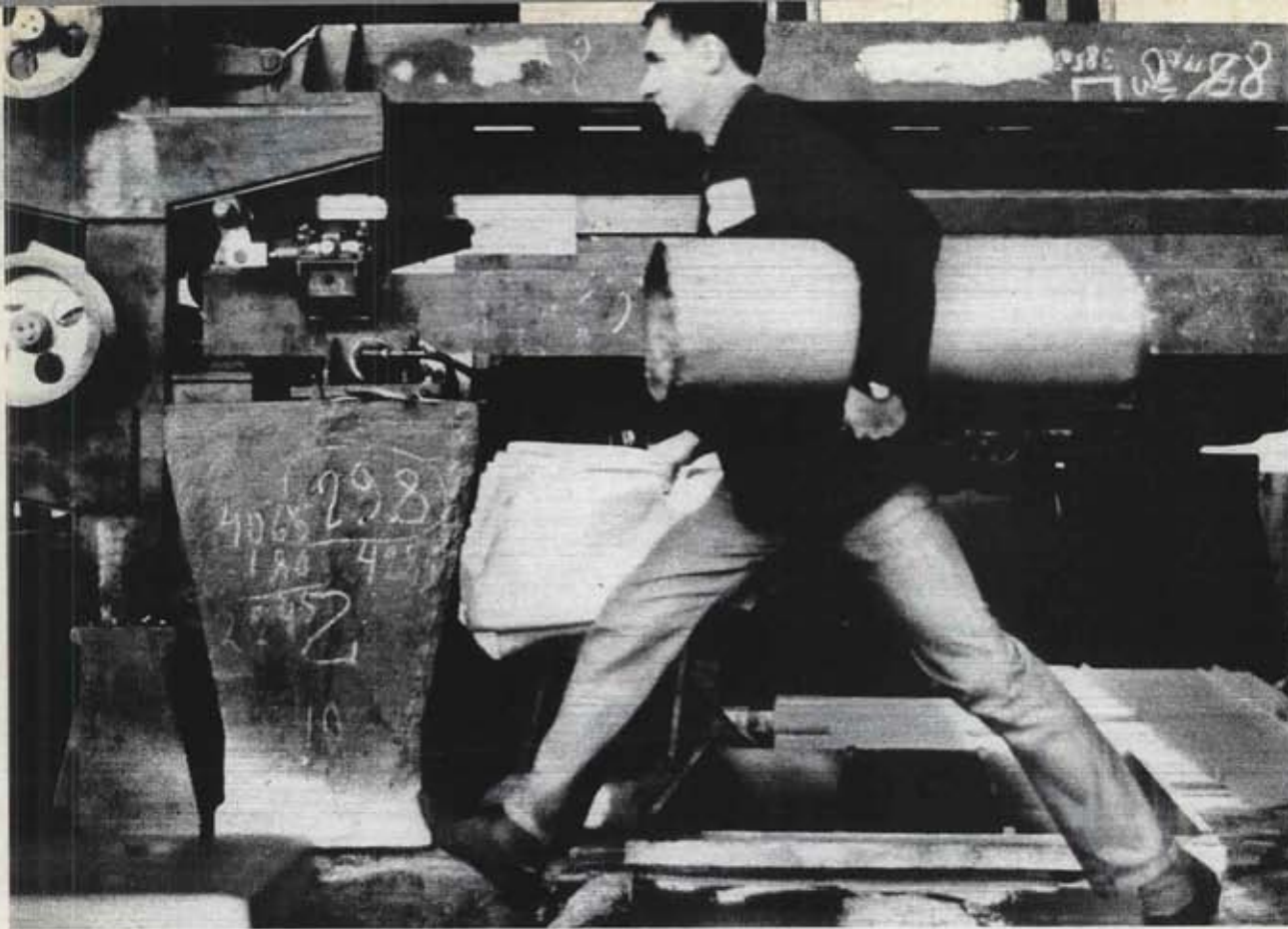
Пусть извинит читатель мой невольный практицизм, но ведь я всю жизнь только тем и занимаюсь, что делаю для людей практически нужные «вещи» — дома. Обыкновенные серийные дома по типовому проекту. Тысячи

рабочих заняты тем же: вытачивают стандартные детали, шьют обыкновенные костюмы, делают туфли не для Золушки, а для обыкновенного пешехода. Значит ли это, что труд их менее ценен? Ни в коем случае! Их труд не для музеев — для людей. Что может быть более ответственным делом?

Но вот парадокс: иногда складывается впечатление, что изготовление разного рода простых вещей труднее, чем создание шедевров. Вспомните свои собственные переживания — по поводу перекошенного пиджака, незакрывающегося шкафа, разошедшегося паркета и т. п. Вы сердитесь: учили же, наверное, бракоделов, а они вон что сотворили... Даже простую работу — и ту как следует выполнить не могут.

Да, учили и даже разряд присвоили — может быть, не самый низший. Только квалификация сама по себе, не подкрепленная чувством ответственности, еще ничего не решает. Беда в том, что испортившие вам настроение бракоделы не были настоящими профессионалами в своем деле. Я говорю о том профессионализме, который заставляет работать качественно не от случая к случаю, по настроению — изо дня в день и при любых обстоятельствах. К сожалению, и в нашей

отрасли, в строительстве жилья, бывают ситуации, которые вызваны не чем иным, как безответственностью. Сошлюсь на несколько примеров.

Пример первый: строительный брак.

Однажды прочел в газете об одной невеселой истории. В сильные морозы на стенах квартиры нового дома выступил... лед. Когда потом вскрыли внутренний стык у температурного шва, то увидели: вместо специального утеплителя в стык между панелями заложены всякий хлам — тряпьё, пачки от сигарет, пакеты из-под молока...

низация труда, для планировщиков — разумное расходование стройматериалов, для рабочего — выполнение заданной технологии строительства. И только! Ничего сверх положенного по «штатному расписанию». Но во всех трех случаях явно непрофессиональный подход к делу. От него и следствия — брак, беспорядок, бесхозяйственность. На какой же почве расцветает непрофессионализм? Здесь многое взаимосвязано.

Я уверен, что рабочий, захихавший в шов вместо утеплителя всякий хлам, знал, что он нарушает технологию (если не сказать боль-

ше) бригады управления. И не замедлил этой возможностью воспользоваться.

Профессиональная организация труда должна включать в себя также контроль за ведением работ. Без этого и представить нельзя ни одно промышленное предприятие — на любом заводе есть отделы технического контроля. Какому же токарю или слесарю придет в голову сдать откровенный брак? На стройке же, как мы видели, кое-кому это удается. Почему? Нет контроля. Функции ОТК практически переложены на комиссию, принимающую дом. А приемка происходит, когда

одной панели? Только ли потому, что в ней собрались люди высокопрофессиональные? Нет, просто нам больше деталей, чем нужно для монтажа дома, не дадут, да мы и сами не возьмем. У нас хозрасчет, бригадный подряд — зачем же расплачиваться за лишние стройматериалы?

Подряд диктует бригаде все: темпы, качество, экономию материалов. Вдумайтесь: весь объект, большой жилой дом, предоставлен в наше полное распоряжение. Примерно то же самое происходит и на промышленных предприятиях, где внедрен хозрасчет, — бригаде доверяется полностью сделать тот или иной агрегат, деталь, узел. Конечно, при этой системе, как никогда, требуется высокий профессионализм каждого рабочего. Но он базируется на прочной основе, на профессионально выверенной организации труда, планировании, снабжении. В таких условиях мы избавлены от необходимости **требовать** безусловного исполнения обязанностей. Бригадный подряд все ставит на свои места, показывает, кто есть кто и чего он стоит. Грубо скалтуришь здесь невозможно — этим ты ударишь по самому себе: за халтуру спросит не «начальство» — твои собственные товарищи.

Бригадный подряд снимает проблему дисциплины. Если уж я заговорил о дисциплине, то мы иногда понимаем ее нарушения упрощенно — как опоздания, прогулы и т. п. Но главное зло недисциплинированности, по моему, в другом — **в неисполнении своих обязанностей**. Это не всегда так бросается в глаза, как прогул, но вред приносит не меньший. В какой бы отрасли я ни работал, если б пришлось выбирать между мастером-виртуозом, способным **при желании** поразить мастерством, и человеком средних способностей, но наделенным чувством ответственности, то без колебаний выбрал бы второго. **Профессионал — это прежде всего человек надежный**. Поэтому и вещи, сработанные им, всегда надежны, будь то дом или шкаф... Так вот: при бригадном подряде коллективная ответственность воспитывает ответственность личную — в этом, наверное, нравственный смысл бригадного подряда.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Пример второй: плохая организация труда.

Приходит бригада на новый объект, а там ни подъездов, ни разворотов, ни разгрузочных площадок, одни горы вязкой глины. У строителей альтернатива простая: или гробить на колдобинах технику, или приводить в порядок дороги. Последнее хотя и разумней, но по плану по монтажу не предусмотрено. Наша бригада все на себе испытала, порой до недели теряли на строительстве дорог. А неделя — это три этажа! Потом наверстывали. Квалификация всех членов бригады позволяла уложиться в плановые сроки; но насколько лучше было бы, если б свое мастерство ребята могли направить не только на темпы, а и на качество строительства...

Пример третий: бесхозяйственность.

Какой профессиональный и нравственный урок может преподать молодому человеку наставник, если его рабочее место забросано отходами, раскидан ценный материал, дорогие заготовки брошены в мусорный ящик? Для кого-то — вопрос нелепый, для строителей — весьма больной. Мне рассказывали, как на практике ученики строительного ПТУ забывались... раскалывая кирпичи пополам. Их, конечно, пожарили. А что толку, разве ученики никогда не видели, как строители после окончания стройки бросают груды хороших кирпичей, панелей, труб, блоков? Или зарывают их бульдозером в землю, с глаз подальше? Это, конечно, тоже профессиональный урок, только с отрицательным результатом. И неудовлетворительную оценку за него надо ставить не ученикам, а учителю.

Что общего в этих внешне несхожих примерах? Ни от одного из виновников происходящего не требовалось никакого сверхъестественного мастерства. Требовалось другое: профессиональное исполнение своих обязанностей. Для инженера это правильная орга-

низация труда, для планировщиков — разумное расходование стройматериалов, для рабочего — выполнение заданной технологии строительства. И только! Ничего сверх положенного по «штатному расписанию».

Мы привыкли считать, что всякий труд воспитывает сам по себе. Всякий ли? А если это труд неорганизованный? По моим наблюдениям, ничто так не развращает, как плохая организация труда. Наверняка та бригада начинала строить дом на неподготовленной площадке, испытывала трудности со стройматериалами. Нет, я вовсе не оправдываю бракоделов, я хочу подчеркнуть одно: мало заниматься призывами к рабочей совести, мало на словах требовать качественного исполнения обязанностей — надо вначале создать для этого условия. Иначе говоря, создать такую обстановку, когда работать непрофессионально было бы нельзя.

Многим, конечно, известно имя строителя В. Е. Копелева. Став начальником нашего комсомольско-молодежного монтажного управления № 5, он начал с подготовки производства. Уж сам-то Копелев достаточно помесил сапогами грязь на новостройках, знает, во что обходится лишняя трата времени. Одним из первых введенных им новшеств в организации труда было создание службы перебазировки. Выделили группы рабочих, вооружили соответствующей техникой; они заранее прокладывают дороги к новым площадкам, делают подъезды, развороты для панелевозов. Теперь, приходя на новый объект, мы не теряем ни дня, сразу приступаем к основной работе. При этом я не считая, что Копелев совершил революцию в строительстве: он «всего лишь» профессионально, квалифицированно решил проблему. А мог ли он поступить иначе? Как бригадир, строитель-профессионал, Копелев хорошо изучил, что ему мешает в работе. Работая в новом качестве, он получил возможность по-новому, инженерно грамотно организовать труд всех

многие орехи уже закрыты обоями. Если на заводах — продолжу аналогию — личные клеймо имеют только абсолютно надежные рабочие, то на стройке, получается, такое клеймо выдается всем автоматически. А если оно попадет в руки безответственные?

Профессионализм рабочего — это умение и привычка любое задание выполнить строго по правилам и качественно. Но эта привычка не приходит сама по себе, ее надо воспитывать. Чем? Не в последнюю очередь — профессионально организованным контролем. Контролем ежедневным, когда все узлы — на виду. Такой метод проходит проверку в нашей бригаде: в маршрутный журнал выставляется оценка всему, что сделано за день. Не стану скрывать, оценка не всегда высшая, порой что-то приходится переделывать. Но это все же лучше, чем потом выслушивать нарекания жильцов. А главное — ни малейшее отклонение от нормы не остается без внимания, брак не доходит до сдачи дома. И бригаде несомненная польза: маршрутный журнал наглядно подсказывает, на что нам следует обратить особое внимание, дает возможность бригадир оперативно принимать верные решения. Хорошее новшество? Без сомнения. Впрочем, какое же тут новшество? Тот же в принципе ОТК, как и на заводе. И задачи те же самые: поставить заслон плохо выполненной работе.

Существуют стандарты на различные изделия. Таким же «стандартом», только применительно к качеству, стилю работы, является профессионализм. Но так ли уж редко мы видим отклонения от этого «стандарта»? Если вернуться к примеру бесхозяйственности, приведенному мной, то тут наличие бессмысленное истребление ценностей. Но прежде чем заклеймить строителей — виновников бесхозяйственности, попробуем разобраться в сложившейся ситуации.

Почему наша бригада не бросит зря ни

...Если спросить любого рабочего, что ему мешает больше всего, он наверняка скажет: неритмичность. Простой, чередующиеся с физическими перегрузками, нарушения плановой и технологической дисциплины — все это никак не может вызвать желания работать лучше. В самом деле: не кто иной, как рабочий, расплачивается за ошибки других. Скажем, подвели снабженцы, а на вторую смену — спастись план — остается рабочий...

Недавно, когда мы строили два шестнадцатизатжных корпуса на Алтуфьевском шоссе, я видел «классический» пример беспорядка в строительстве. По соседству возводила дом бригада из ремстройтреста. Так им привозили стройматериалы навалом, без счета, без определенной последовательности. Бригада еще на третьем этаже, а ей везут... чердачные перекрытия. Я не знаю, какая квалификация у этих строителей, но в любом случае беспорядка при таких условиях им не преодолеть, многих ценных материалов не сохранить. А о ритме в работе и речи нет. Бригада расплачивается за неправильно, безответственно организованную работу.

Я смотрел и невольно сравнивал со своей бригадой. Почему же мы можем работать в ритме, монтировать дом «с колес», получать детали по часовому графику? Ответ простой: наша бригада является частью домостроительного комбината — предприятия, объединяющего строителей и заводы-изготовители конструкций домов. График — а следовательно, ритм, отсутствие простоев — возможен только там, где строители и заводчане связаны одной целью: конечным результатом труда. То есть вводом в строй жилой площади.

Итак, могут спросить меня, вся проблема в правильной организации труда, а личный профессионализм рабочего мало что решает?

ТИХ

Разделять эти понятия было бы неверно. Успех дела в равной степени зависит и от организации труда и от личностных качеств каждого рабочего — тут должно быть неразрывное единство. Любой самый совершенный станок можно испортить неумелым обращением; любую НОТ загубить плохим исполнением. И наоборот, противопоставить трудностям личный профессионализм.

Я помню, как нам довелось строить в Москве экспериментальный дом новой серии. Многие элементы дома изготавливались и монтировались впервые; то, что на чертежах не вызвало сомнений, в натуре не вписывалось в контур здания, не состыковывалось с нужной точностью. Плановый график «горел». И тогда по ходу монтажа стали поступать предложения от рабочих — как исправить конструктивный узел, улучшить технологию строительства. Опытный штукатур, инструктор треста «Мосортехстрой» Алексей Михайлович Пиванов и наши рабочие Леонид Худяков и Евгений Вишняков сделали новую опалубку — бетонирование пошло в три раза быстрее. Я думаю, на интересную мысль их натолкнул не только многолетний опыт работы на стройках. Полученные знания сами по себе могут быть и бесполезными, мертвым грузом. **Настоящего же профессионала отличает способность критически анализировать свой опыт, чтобы в нужный момент из суммы накопленных знаний выделить самое рациональное решение.** Так и произошло в данном случае.

Потом обнаружилось, что если сдвинуть санузел к одной из наружных стен, то размер кухни можно увеличить на целых четыре метра. То, что не увидели инженеры и проектировщики, «руками» почувствовал рабочий. В результате изменили (хотя очень нелегко было этого добиться) готовый проект. А всего на строительстве этого дома члены бригады подали 30 рацпредложений. Вот вам и цена профессионального чутья рабочего, коллективного опыта бригады.

Правда, экспериментальные дома приходится строить не каждый год и даже не каждую пятилетку. Уникальность задания, повышенное внимание к бригаде, простор для эксперимента, возможность проявить индивидуальность обостряют чувство ответственности. Куда трудней «рассчитать» это чувство, интерес к делу на многолетнюю серийную работу.

Мне повезло: десять лет назад я принял у Героя Социалистического Труда Геннадия Масленникова коллектив прекрасных специалистов. Первому среди строительных бригад Москвы ему было присвоено звание коллектива коммунистического труда. Люди не просто хорошо работали — они были настоящей опорой друг другу. Если бы у нас собрались непрофессионалы, то не могло быть настоящего единения людей. **Профессионализм пробуждает высокие нравственные качества:** дружбу, взаимовыручку, способность жертвовать своими интересами ради товарища. Например, сварщик Царьков несколько лет работал только во вторую и третью смены, чтобы его товарищи могли учиться в институтах, техникумах. Кстати говоря, со дня образования бригады 27 человек получили дипломы о высшем образовании. Но, став инженерами, люди перешли на другую должность не сразу, сначала они помогали тем, кто еще учился, тем, кто начинал трудовую деятельность. Таким образом, профессионализм у нас всегда как бы передавался от поколения к поколению. Все в бригаде старались передавать новичкам не только профессиональные навыки по какой-либо специальности. Есть вещи, которые зависят не столько от знаний, сколько от внутреннего отношения к делу. К примеру, позаботиться об отоплении корпуса, убрать после себя мусор, остатки стройматериалов, чтобы отделочники могли спокойно заняться своими обязанностями. Иначе говоря, новички в бригаде учились ценить не только свой труд, но и труд коллег. Все это нельзя даже считать особым достижением бригады — **обычный порядок, культура работы.**

Работа у строителя не из легких. Я не буду подробно расписывать, как мы работаем в жару и мороз под открытым небом, под дождем и снегом. — это каждый может наблюдать. Здесь речь о другом: как при всех испытаниях не позволить себе халтуры, бросить неоконченную работу, потому что холодно, ветер на высоте и так не хочется возиться

с замерзающим раствором... Я думаю, основы профессионализма наставник должен закладывать с первого знакомства с новичком, ничего не оставляя «на потом». И ни в коем случае нельзя быть снисходительным! Как часто именно снисходительность губит даже талантливых ребят! Ученик допустил оплошность, недоделал что-то. Наставник смолчал или, еще хуже, «подбодрил» — ничего, мол, и так сойдет. Насколько легко привыкнуть работать тяп-ляп, настолько трудно отучиться от такой привычки. Вообще-то ко всем профессиям это относится: в любом изделии качество должно гарантироваться чувством ответственности.

Но одними словами, убеждением, конечно же, его не воспитаешь. Нужна система, такая, в частности, чтобы любая халтура даже случайно не прошла незамеченной. Но что говорить, если и заводские ОТК иногда пропускают дефекты? Уже давно наша бригада, как коллектив Владимира Затворниченко и других строителей, сдает дома с гарантийными паспортами. **Это значит, если жильцы со временем обнаружат скрытые дефекты, мы бесплатно, по первому требованию их исправим.** Срок гарантии два года, но только формально. Этой весной мы послали двух монтажников на ремонт дома, сданного семь лет назад. Что с того, если срок гарантии давно истек, а столбы, поддерживающие козырек над подъездом, осели по чужой вине — фундамент строителей? Дом — наш. **Профессионал не будет искать виновных. Просто придет и исправит.**

Привычка к высокой требовательности помогала нам избегать конфликтов, даже когда посторонними они казались неизбежными. Был случай, когда государственная комиссия намеревалась принять дом с оценкой «отлично», но наша бригада не согласилась. Еще до комиссии мы обсуждали свою работу и пришли к такому выводу: вроде все сделано на совесть, но из-за дефицита некоторых стройматериалов не удалось красиво отделать дом снаружи, выглядит он все-таки не очень хорошо, не радует глаз. А потому заслуживает не больше «четверки». **Оценка, которую профессионал выставляет сам себе, может быть занижена, но никогда — завышена.** Это уже следствие равнодушия к собственной работе.

Хотя в бригаду к нам попасть нелегко — мы люди разборчивые, — не следует думать, будто набираем только асов. Кстати сказать, до соприкосновения с делом человек подчас сам не подозревает, в чем его профессиональное призвание кроется. Сергея Полякова мы приняли в бригаду, когда он в строительстве вообще ничего не смыслил. Обучили его монтажу, смотрим — справляется. Но однажды взялся за сварочный аппарат — и сразу получилось почти профессионально! Знаю людей, которые годами занимаются сваркой, а такого ровного и чистого шва не выводят.

И таких ребят, понятия не имеющих о стройке, мы приняли, отказав обладателям высоких разрядов, немало. Приняли, потому что почувствовали в них **характер, интерес к делу.** В то же время — может показаться странным — брали к себе парней с судимостями и так называемых «трудных». Ничего, справились. И вообще, на наш взгляд, любая индивидуальность лучше, перспективнее, что ли, чем человек, абсолютно равнодушный.

...Я не хочу, чтобы подумали, будто единственный долг профессионала — автоматически исполнять технологию, слепо копировать чужие проекты. Разве рабочий — только механический исполнитель чужой воли? То, что это не так, мы доказали сами себе на экспериментальном доме. Но даже в «обкатанных» в серии домах, машинах, вещах рабочий имеет возможность улучшить их внешний вид, эстетический уровень, если те же типовые проекты исполнять с максимумом старания, взыскательности к своему труду. Это неременная черта характера уважающего себя профессионала.

Нам, работающим для миллионов людей, требуется мастерство иного толка, чем у тульского Левши. Поставить качество работы «на поток» — может, это и петруднее будет, чем блестяще сделать уникальную вещь. Между тем большинство строителей — и мы не исключение — работают все-таки ниже своих возможностей. Мы убедились в этом особенно наглядно, когда решили построить дом, эталонный по качеству. Москвичи, должно быть, знают: он расположен в Ивановском, типовой девятиэтажный дом. Для консульта-

ции мы пригласили все того же Алексея Михайловича Пиванова, «профессора» штукатурного дела. Он приехал со своим инструментом, обеспечил бригаду шпателями новой конструкции, пенопластовыми терками, металлическими гладилками, хорошими отделочными смесями. Пиванов не только консультировал. Надев рабочий халат, он часами трудился рядом с нашими штукатурами. Глядя на них, нельзя было не увидеть, что даже в самом простом рабочем деле могут быть свои открытия, новизна... В тот дом, скажу без преувеличения, ребята вложили душу, блестяще мастерством. На сей раз комиссия поставила полноценное «отлично».

Можем, значит, так строить? Можем. Но... больше не строим. Для эталонного дома и панели на заводе готовили особенно тщательно, а доставляли в полиэтиленовой упаковке. Обычно панели делают несравненно худшего качества. Очевидные дефекты мы исправляем сами. Но «вылизать» до блеска каждую деталь не в состоянии. Поневеле наша продукция получается чуть хуже, чем могла быть. Как сборщик не соберет отличного механизма из некондиционных деталей, так и строитель не возведет отличного здания из недоброкачественных деталей. Иногда даже и не скажешь, что явный брак: отклонения в пределах ГОСТа. Но могли же, постаравшись, сделать эталонные детали? Значит, мастерства заводчанам не хватает. Чего же не хватает? Профессионализма...

Возможно, на каком-то заводе оборудование поизносилось, штампы устарели или оснастка из некачественного металла. Но одними техническими причинами всего не объяснишь. **Разве качество не зависит также от культуры производства, старания и добросовестности людей?** Проблема еще и в психологическом настроении: даже за отклонение от стандарта могут простить (монтажник кувалдой исправит!), за срыв плана — никогда. Ясно, что всех без исключения смежников нужно больше заинтересовывать в высоком качестве труда, теснее связать заводчан и строителей единой целью: сделано отлично — смонтировано отлично. Для этого необходим настрой на отличную работу. Если искать резервы, то в человеке, его профессиональные возможности, а не только в технике или технологии. Возможности эти используются не полностью, как показывает пример с эталонным домом. Сработав однажды лучше обычного, надо делать шаг вперед, а не назад.

Есть профессия, представителям которой мы доверяем полностью и безоговорочно. Я имею в виду авиационных техников. Придет ли в голову пассажиру самолета, что техник «забыл» в моторе отвертку, что дернул гайку, не осмотрел двигатель? А ведь и эти люди не всегда работают в идеальных условиях. Конечно, планировку, инженеру, столбю, монтажнику мы не вверяем свою жизнь. Но разве для них такой же высочайший профессионализм в принципе недоступен? Доступен, если есть главное — повышенное чувство ответственности и требовательности к себе. И еще — умение работать кое-как.

1. ЧТО ЗНАЧИТ «СЕРЕДНЯК»?

Письмо из Нижнего Тагила пришло, когда я уже его перестал ждать. И, конечно, сразу вспомнился случай, который произошел два месяца назад.

Для того, чтобы улучшить распространение почта «Ни одного отстающего рядом», Свердловский обком комсомола решил «нарисовать» социальный портрет отстающего. Во все концы области поехали посланцы, чтобы изучить не только самих отстающих, но и причины, сделавшие их такими. Мне было поручено провести эту работу на нижнетагильском Уралавагонзаводе. Два дня командировки пролетели быстро, и вечером, перед отъездом, решил побывать на отчетно-выборном комсомольском собрании на ремонтно-механическом заводе. Во время собрания, которое, кстати, было очень скучным, я скорее от нечего делать, чем сознательно, начал записывать на листке блокнота все фамилии, которые упоминались в докладе, отчетах, выступлениях. А после собрания подошел к секретарю и спросил, почему именно эти комсомольцы были названы сегодня. Через пару минут он все 36 фамилий разделил на две группы. В первой — 22 передовика, во второй — 14 отстающих.

— А середняки, — спрашиваю, — почему о них не было сказано?

— Чего уж тут говорить? Ни плохого, ни хорошего.

Тогда прошу работницу отдела труда и заработной платы завода З. И. Железцову ответить на вопрос, что значит для завода передовики, середняки и отстающие.

— На этот вопрос сразу трудно ответить.

Договорились так: сбором данных она займется в свободное время и свои расчеты пришлет мне письмом. И вот оно пришло.

«...Если считать передовиками тех, кто выполняет задание на 110 и выше процентов, то таковых у нас 7 процентов, отстающих — 11, а середняков — 82 процента. Продукции завод выпустил на 820 тысяч рублей. Передовики на — 90 тысяч, отстающие — на 35, середняки — на 695 тысяч рублей. Передовики обеспечили заводу 10 процентов плана, а середняки — более 80. Расчет по некоторым бригадам показал, что те же тенденции сохраняются и среди молодежи.

За эти же шесть месяцев в различных приказах, стенных газетах, на

СНАЧАЛА СПРОСИ СЕБЯ

«Что зависит от личности?»

Этот вопрос, вынесенный в заголовок статьи в «Смене» № 3, представляется мне более широким и глубоким, чем может показаться на первый взгляд. Потому что в наше время от конкретного человека зависит очень многое на каждом производстве.

Но кому из нас в жизни приходится встречать предприятия и учреждения, где все без исключения трудилось бы с одинаковой отдачей, не хуже, чем этого требует дело? Давайте задумаемся, почему же это происходит? И поговорим, скажем, о новичке на производстве, недавнем школьнике или выпускнике ПТУ — о челове-

ке, начавшем самостоятельную профессиональную жизнь.

Я очень большое значение придаю воспитанию. Не собираюсь отрицать необходимость и полезность участия общественных организаций в формировании личности молодого рабочего. Но я не хочу свои собственные недостатки, промахи в деле перекладывать на чьи-то плечи. У меня же есть свои.

Раз вопрос стоит так: что зависит от личности каждого? — то давайте не будем уклоняться от ответа.

В жизни каждого человека наступает такой момент, когда он должен задуматься о смысле своей жизни, о своих принципах и убеждениях, о том, как и зачем он работает? И человек отвечает. Сам выбирает, как и ради чего.

Я не верю в фатальность судьбы, в роковые обстоятельства. Беру в самого человека — от него и только от него зависит, каким путем идти. И пусть баловали родители, пусть школа махнула на тебя рукой, как на безнадежного, а на работе тебя зачис-

летучках и т. д. называлось свыше 120 человек. Все они относятся либо к передовикам, либо к отстающим. Ни одного середняка в них не упоминалось...

Кстати, данные, приведенные в письме, удивительно точно совпадают с данными по всей комсомольской организации области. Вот только по области отстающих не одиннадцать процентов, а около девяти. Но если количество передовиков и отстающих из года в год колеблется, то процент середняков стабилен.

Бывает, что молодой рабочий попадает в поле зрения комитета комсомола только в двух случаях. Во-первых, если он ставит трудовые рекорды или совершил что-то важное для организации, во-вторых, если он не выполняет норм или допустил какое-либо нарушение. Таким образом, мы вправе говорить, что под постоянным вниманием комитетов комсомола, случается, находится всего лишь пятая часть комсомольцев организации. Но откуда берутся передовики и отстающие? Конечно, из середняков. Утверждение не голословное, оно основано на анализе шести крупнейших организаций Свердловска.

Нисколько не стараясь принизить роль передовиков, мы все же должны сделать справедливый вывод: их «веса» в производстве значительно меньше «веса» середняка. А если так, то мы, может быть, напрасно ломаем копья: роль середняка так важен, так весом, то он нужен, и нет никаких проблем. Честь ему и хвала. Не могут же все быть первыми. Все вроде бы логично и все же неверно.

В области сотни тысяч человек работающей молодежи. Свыше 80 процентов в середняках. Не нужно обладать большими познаниями в математике, чтобы при решении задачи получить такой ответ: если середняки повысят свою производительность труда на 10 процентов, то передовикам, для того чтобы добиться такого же прироста продукции, придется повысить производительность труда на 100 процентов.

2. ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВИДИМОСТИ

О середняке говорят сейчас много. Но в основном только говорят. Поскольку подступиться к середняку очень трудно. Нет или почти нет форм работы с ними. Кто участвует в слетах, едет на другой завод за опытом, изби-

рается в актив, выполняет ответственные поручения, направляется на учебу, получает поручения или выступает с трибуны и так далее? Конечно же, передовик. Другие формы работы рассчитаны на отстающего. Так ли это? С таким вопросом я пришел к заведующему отделом комсомольских организаций обкома комсомола А. Вострецову.

— Действительно, в любом комитете комсомола могут называть десятки форм и методов работы с отстающими или передовиками, — ответил он, — а вот глубокого изучения середняка не проводится. До сих пор приходится сталкиваться с мнением, что необходимость такого изучения спорна. Почему? Считается, что, пропагандируя передовой опыт, рассказывая о передовике, мы уже тем самым воздействуем не только на отстающих, но и на середняков. Отчасти верно. Но все же такие рассуждения — один из способов отмежеваться от большой и важной проблемы. Сейчас мы решили заполнить этот пробел. Важно знать, почему комсомолец ходит в середняках и что мешает ему идти вперед.

Ну что же, настала пора поговорить с самим середняком.

Полевод Нина Ермишина работает в совхозе «Байкаловский». Туда она приехала после окончания Режевского сельскохозяйственного техникума и вот уже полтора года прочно «удерживает звание» середняка. С ней мы и встретились. Своим положением она явно недовольна. Более того, стесняется. Называет много разных причин. Говорит, что в трудное время адаптации в совхозе ей никто не оказал помощи.

— В совхозе сильный комитет комсомола, — говорю ей, — пошла бы ты туда со своими бедами и заботами. Наверняка помогли бы тебе.

— Да что там комитет, — Нина как-то горестно улыбнулась, — знаю я эти комитеты. В техникуме насмотрелась.

О многом говорили мы с ней тогда, но эту фразу я запомнил. Не правда ли, несколько неожиданный источник середнячества — слабый комитет комсомола?

Но этих неожиданностей впереди было значительно больше. Утверждение, что середнячество — следствие лени, безынициативности и так далее, оказалось несостоятельным. В ста анкетах, розданных середнякам, был вопрос: «Хотели бы вы стать передовиком или повысить производительность труда?» И все ответили на него утвердительно. **Выходит, что середняк — это не вполне состоявшийся по какой-то причине профессионал. Это пока еще не дотянувшийся до него работник.**

Надо сказать, что довелось услышать такое мнение: комсомольцы, мол, не дети и на каждого няньки не напасешься. Работает человек нормально, и незачем ему мешать, охватывать какими-то мероприятиями. Вот если он отстал, то надо бить тревогу.

А ведь это далеко не новый способ уклониться от забот. Работа не с человеком, а с «массой» по многим позициям уступает индивидуальной работе. Вот передовик — маяк, светит, отстающий — тормоз, мешает. А остальные забот не требуют. Действительно, не требуют. А если такую заботу проявить без требований? Так решили на Северском трубном заводе имени Меркулова. Здесь взяли под постоянное наблюдение 39 середняков, проявили заботу об их постоянном приобщении к общественной работе и опыту передовиков. И вот первые результаты. Десять человек «нарушили»

стабильность середнячества и повысили производительность труда на 10—16 процентов. Значит, все-таки можно найти подход к середняку. Но с чего начать? Знатный металлург, наставник Н. С. Ходырев высказал такую мысль:

— Нередко понятие «середняк» отождествляется с понятием «посредственный». И несмотря на то, что происхождение этих слов одинаковое, второе имеет отрицательный оттенок. А разве это справедливо: честно работающего человека, выполняющего свои обязанности, но не ставшего передовиком, называть посредственностью? Есть хорошая поговорка, что если человека сто раз назвать свиньей, то на сто первый раз он захрюкает. Да простят меня, так иногда и случается с середняком. Он терлет в себя веру из-за того, что его долгое время считали посредственностью.

Мысль, несомненно, верна. Тем более, что середнячество постепенно поражает все стороны жизни человека, а не только его производственную деятельность. Для подтверждения можно привести такие данные: насыщенность поручениями передовиков втрое превышает количество поручений середняков. Мы проанализировали сведения по отчетно-выборным собраниям четырех районов Свердловска и вместе с комсомольскими работниками единодушно пришли к выводу: середняк в прениях участия не принимал. Можно привести еще много примеров, доказывающих, что середняк является таковым не только на производстве.

3. ПРОШУ ВНИМАНИЯ

Куда «качнется» середняк, передовиком он станет или отстающим? Как найти ответ на этот вопрос? Как планировать это качание? Ведь от этого в конечном счете зависит судьба производственной деятельности всей организации. Качнется середняк в сторону отстающих, все планы будут сорваны, никакие рекорды передовиков его не спасут, выйдет часть середняков в передовые — будут победы. Значит, нужны формы работы, регулирующие эти колебания. Касаясь этого вопроса, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов в отчетном докладе XVIII съезду комсомола отмечал, что середнячество стало тихой заводью, жизнь в которой устраивает некоторых комсомольцев.

Возьмем, казалось бы, не имеющую никакого отношения к обсуждаемой проблеме ежегодную сверку состава комсомольской организации. Иные секретари, увлекаясь наведением порядка в комсомольских документах, совершенно упускают из виду весьма существенные строчки из рекомендаций. А там сказано, что надо обращать внимание не только на документы, но и «уточнить, где и как работает или учится член ВЛКСМ... выявить его интересы, наклонности...» Что же получается на практике? В середине 1979 года на комбинат «Ураласбест» из учебных заведений пришли работать 59 комсомольцев. В течение трех месяцев комитет комсомола даже не поинтересовался, где и как работают они, в чем нуждаются, что мешает им лучше трудиться.

А вот пример из Шалинского района. За два месяца сюда приехали и поступили на работу 76 комсомольцев. А в райкоме комсомола уверены, что только... 20. Остальные 56 остались вне поля зрения райкома комсомола.

Значит, надо все начинать с того дня, когда комсомолец впервые переступит порог проходной завода. А затем? Не

Он ненавидит в людях раздвоенность, то, что теперь принято называть с противной умильностью «вторым талантом». Чепуха все это! Не бывает никакого второго таланта. Талант вообще редкость, достаточно, если ты хороший профессионал. В старое время встречались люди, разносторонне одаренные, да ведь и жизнь была куда проще, охватнее. Но дала-лось это либо гениям, либо дилетантам... В наше время, дифференцированное до последней степени, такие номера не проходят.

Юрий НАГИБИН

стоит перечислять. Лучше рассказать об опыте, например, комитета комсомола Среднеуральской электростанции.

Здесь тоже долго искали такие формы работы, которые касались бы каждого комсомольца. Но ничего найти не могли. Тогда комитет комсомола раздал всем комсомольцам и молодым рабочим станции анкеты, в которой был прямо поставлен вопрос: что все-таки нужно сделать для того, чтобы каждый имел возможность повысить производительность труда? Мнение было одно: необходимо наладить ежедневное подведение итогов. Но предлагать всегда легче, чем претворить в жизнь это предложение. И все же руководство станции увидело в нем рациональное зерно. Можно представить, какого труда стоило добиться выделения трех штатных единиц экономистов для группы учета, закупки сложной вычислительной техники. Но учет наладили. Уже через несколько часов после окончания каждой смены в комитет комсомола поступают данные по итогам работы в смене каждого комсомольца. Кстати, такие же сводки, только уже по каждому работнику станции, поступают и к руководству. Стоит середняку качнуться в сторону отстающих, как через несколько часов это становится известно комитету комсомола и можно, быстро разобравшись в причинах, принять меры. Что дало это на практике? Во-первых, уже почти два года на ГРЭС нет ни одного отстающего, во-вторых, число передовиков за это же время увеличилось почти втрое. А самое главное: **возрастает профессионализм людей.**

На «Уралмаше» сейчас испытывается другая форма. Раньше передовики вызывали на соревнование только отстающих, одновременно и помогая им. Теперь в таком соревновании принимают участие и середняки.

Когда писался этот материал, на заводе шла подготовка к интересному рабочему собранию, на котором не должно присутствовать ни передовиков, ни отстающих, а только середняки. Почему именно так?

Дело в том, что в середнячестве есть такие стороны, которые условно можно назвать интимными, какой-то психологический барьер, который важно перешагнуть без посторонней помощи. Нет, мы вовсе не будем отмечать утверждение, что середняку нужна помощь. Тут совсем другое. Поэтому, не называя фамилии, приведем высказывание одного середняка:

— Мне кажется, что в каждом из нас, а во мне точно, утвердилась привычка жить в стороне от быстрины. Нас не ругают — хорошо. Но и похвалой мы не балованы. На собраниях сидим молча на галерке, делегатами и активистами не бываем. Постепенно складывается такое положение,

лили в заурядные середнячки, но сам-то ты о себе что думаешь? Можно ли тебя положить в деле или нет? И если человек не хочет работать во всю силу, не хочет быть действительно профессионалом в своей специальности, то он только тем и занимается, что ищет себе оправдания. Для такого работника наши рассуждения о виновности школы, недоработках в производственных коллективах и т. п. — просто напросто находка.

И дела Николая Фирсова, о котором рассказана в «Смене» В. Любимова, подтверждают эти мысли. Парня не сломили отношения, сложившиеся в коллективе, не сбили с толку насвистки и халтурная работа окружающих. И таких у нас много.

Быть настоящим человеком, настоящим мастером своего дела и не быть жалкой заурядностью, от которой никто ничего не ждет, может каждый. В наше время жить и работать недостойно попросту стыдно.

Федор ЧЕРНЫХ,
техник-механик, г. Донецк

когда поучения или призывы начинают раздражать. Поскольку, бывает, из-за ложного комплекса неполноценности мы завидуем лучшим. А на человека, которому завидуешь, всегда немножко злишься. Злишься за то, что ему уделяется больше внимания, за то, что в ведомости против его фамилии стоит большая сумма, за то, что где-то в глубине души чувствуешь свое несостоявшееся равенство ему. Откровенного разговора об этом при передовиках не получится. Их помощь нам потребуется потом.

Пожалуй, верно. Но надо добавить, мой собеседник, исходя из его высказываний, в душе уже не середняк, хотя и остался таким по производственным показателям. Пока.

И наконец, я должен признаться вот в чем. Поскольку изучение этой проблемы начал в тресте «Свердловскоблстрой», то главными героями статьи должны были стать члены типичной средней бригады этого треста, которой руководит Л. Смурич. Дважды побывав в этом коллективе, замечательные факты записал, интересные данные, изучил судьбу одного середняка, но вдруг узнал, что в бригаде самый настоящий бунт. Она отказалась выполнять выгодное для нее задание. Что-то не похоже на середняков. Они обычно спокойны и покладисты. Хотя бы внешне.

Еду в бригаду. А там вместо бунтарских речей подают мне копию заявления членов бригады, в котором они протестуют против оценки, которую поставила приемная комиссия построенному ими дому. Но не в этом главное, а в том, что комиссия поставила оценку «хорошо», а бригада настаивала на оценке «удовлетворительно». Вот так случай. В пух и прах разлетаются все мои рассуждения о середняке, коли он способен на такое. Но потом все встало на свои места.

После окончания строительства дома один из тех, кто получил ордер на вселение, пришел в бригаду и устроил скандал. Оказывается, в выделенной ему квартире образовались сразу три трещины. Новосел-неудачнику популярно объяснили, что бригада тут ни при чем. Среди привезенных на стройку кирпичей было больше половинок, чем целых, у блоков отбиты углы, фундамент закладывали зимой и так далее. Новосел все выслушал, махнул рукой и, уходя, сказал:

— Себе бы так не строили. Совести у вас, строителей, нет. А в газете написали, что сдали дом на «хорошо».

Вот тут-то бригадир и предложил: — Ребята, от того, что снизят оценку, мы премии за сдачу дома не лишаемся. Так что ничего не потеряем. А если и потеряем, то самую малость. Но, добившись снижения оценки, мы заставим наших руководителей о многом подумать. Рисковать?

Рискули. Шум действительно получился большой, тем более что бригада отказалась работать на другом объекте, где положение с материалами было таким же.

Уезжал я из бригады убежденным в том, что больше она не будет в середняках. Не было счастья, да несчастье помогло. Нет, не так уж прочна стабильность середняка. Бывает, одного толчка достаточно, чтобы двинуть его вперед. Вопрос только в том, кто делает этот толчок. Ведь не ждать такого же ЧП, какое произошло у строителей.

И хотя середнячество можно назвать явлением, захватывающим сразу несколько сфер деятельности человека, оно не становится жизненной позицией. Есть, конечно, и исключения, но в основном это временное состояние, которое, к сожалению, бывает порой очень долгим. Все середняки, с которыми мне довелось разговаривать, внутренние готовы к движению вперед. Их профессиональное и общественное чувство обеспокоено. Так что слово за организаторами производства, коими для комсомольцев и молодежи являются комитеты комсомола.

ЧТОБЫ
ПОБЕДИТЬ
В КОНКУРСЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
МАСТЕРСТВА.
НАДО УМЕТЬ
СОБРАТЬ ВСЮ ВОЛЮ,
СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ
ТОЛЬКО НА ДЕЛЕ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Виктор ШЕПЕЛЬ,
доктор философских наук,
профессор Академии общественных наук
при ЦК КПСС

ОСОЗНАНИЕ

— Виктор Максимович, научные словари дают такое определение термину «профессионал»: «человек, избравший что-либо постоянным, основным занятием, превративший это занятие в свою профессию». Но общие формулировки и реальная жизнь вступают подчас в противоречие. Допустим, можем ли мы назвать профессионалом человека, если основное занятие воспринимается им как тяжелая необходимость и выполняется кое-как? В то же время этот самый человек, отбив на службе положенное время, с истинным воодушевлением, по-настоящему профессионально занимается чем-либо, абсолютно не связанным с основной специальностью — ну, скажем, резьбой по дереву. Конечно, никто не возражает против неслужебных увлечений, но при условии профессионального исполнения того дела, за которое получаешь зарплату. В данном же случае ситуация ненормальная: в основной профессии — дилетант, в «хобби» — профессионал. В чем же причины этого противоречия и что такое профессионализм в более широком, чем дают словари, плане?

— Одна из самых глубинных потребностей человека — стремление к самовыражению, к проявлению своих внутренних сил. Могут напомнить слова Карла Маркса: «Меня определяют и насилуют мои собственные потребности, насилие надо мной совершает не нечто чуждое, а лишь моя собственная природа, являющаяся совокупностью потребностей и влечений». Как видите, процесс открытия и утверждения своего «я» всегда непростой и даже болезненный.

Обращаясь к молодежи, мы часто поучаем: трудиться надо добросовестно, производительно, качественно и так далее. Да кто против?! Слова-то вроде правильные, но как часто они натываются на глухую стену невосприимчивости! И происходит это не только оттого, что агитируем примитивно. Я уверен, мы совершаем большую ошибку, обращая все внимание на очевидные, не требующие особых разъясне-

ний стороны труда и упуская из виду другой важный аспект: не развиваем способность находить в труде самовыражение. А оно человеку так же необходимо, как зарплата, недаром говорят, что «не хлебом единым...». Совершенно естественно, когда, не получая удовлетворения от основного занятия, не умея выразить себя в главном, человек подсознательно пытается дать выход своим внутренним силам в чем-то другом, хотя бы в той же резьбе по дереву... Если попытаться сформулировать кратко, я бы назвал профессионалом только того, кто осознанно овладел данной специальностью и так же осознанно влюблен в нее. Тогда перед ним не встает вопрос: в чем бы так выразить себя?

— Можно научить правильно класть кирпичи. Но как научить любить это дело?

— Слово «учить» здесь не совсем подходит... Каждый работник обладает своим личностным потенциалом — задатками, способностями, склонностями. Найти их, выявить и утвердить в человеке — вот необходимое условие, чтобы каждый стал мастером в своем деле. Ибо стать профессионалом невозможно, не получая морального удовлетворения от труда, не имея личной заинтересованности в нем. Любовь к профессии базируется на гармонии личных склонностей, интересов человека с точкой приложения сил, которую он избрал. Чтобы человек полюбил свое дело, надо помочь ему правильно найти его.

— Иначе говоря, подготовка профессионала должна начинаться еще до начала самостоятельной трудовой жизни?

— Совершенно верно. Но хотя в области профориентации вроде бы немало делается, тем не менее и сегодня до 30 процентов выпускников школ не имеют определенных представлений о сущности рабочих профессий. А сколько процентов имеют представления чисто умозрительные? Случай-

ность выбора ведет к разочарованию и, как следствие, высокой текучести кадров среди молодежи, проработавшей на предприятии год-два. Молодой человек мечется от одной крайности в другую (сегодня — повар, завтра — шофер), а время-то уходит, вот что обидно. Схватывает «верхушки» разных специальностей, ни в одной не поднимаясь над дилетантским уровнем. Катастрофы, правда, может не быть, человек в конце концов обретет себя. Но нельзя забывать о последствиях затянувшегося инфантилизма: отношение человека к деятельности имеет определенные «этажи» ее осознания, и долгая жизненная неустойчивость обуславливает неоправданную задержку на самом нижнем «этаже», примитивное мироощущение. В 20—22 года быть учеником по очередной специальности — это, согласитесь, несолидно. Дело опять же в том, насколько деятельность соответствует потребностям и интересам человека, то есть имеет какой-то личностный смысл.

Но, надо заметить, даже интересная, привлекательная работа может вызвать отвращение, если она никому не нужна. Экзюпери писал, что киркой работают и каторжники и изыскатель. Однако каторга не там, где работают киркой, а там, где удары кирки лишены смысла, где труд не соединяет человека с людьми. Можно убить внутренний интерес к делу, если подростка, склонного, скажем, к токарной профессии, заставить точить втулки, не объяснив, зачем они нужны.

Но можно сделать и иначе — так, как практикуется на московском заводе «Чайка», выпускающем электродвигатели. Это не обычный завод: на нем под руководством опытных рабочих трудятся старшеклассники. «Школьный» завод, как и любой другой, имеет твердый план, то есть школьники не «балуются трудом», они наравне с кадрыми рабочими включены в цикл создания важной продукции. А это ведет к более глубокому осознанию своего места в жизни, своей значимости, к более серьезной самооценке.

Есть интересный опыт в Краснодарском крае — там во многих школах

созданы первичные организации ВОИР. Школьников активно привлекают к разработке тех проблем, которые волнуют предприятия. К сожалению, этот опыт в других местах распространен мало. А жаль. Я убежден, что наиболее перспективная форма профориентации — не популярные лекции, а включение ребят в творческие дела, в настоящую заводскую работу.

Другая сторона проблемы касается профессионального отбора — выявления расположенности молодого человека к конкретному виду деятельности. Здесь одного желания, интереса мало. Человек только тогда сможет выразить себя в профессии, когда работа соответствует его природным характеристикам, позволяет проявить личностные качества. Исследования показывают, что всех людей можно условно разделить на три категории: пригодные к работе по данной профессии, в определенной мере пригодные и непригодные. Было бы неразумно, даже негуманно требовать от людей высокого профессионализма, если они направлены на работу, не соответствующую их психологическим, физиологическим характеристикам. Однако этой проблемой на промышленных предприятиях почти не занимаются. А ведь отсюда проистекают неудовлетворенность работой, потеря веры в свои силы, уход от общественной жизни.

Должен отметить, что не только глубинные процессы влияют на выбор

Вот это и есть истинный профессионализм — делать красиво даже простые вещи. Если высококвалифицированным специалистом управляют чисто эгоистические стремления — материальная сторона дела, престиж, личная выгода, — о позиции его труда говорить не приходится.

Профессионализм очень тесно смыкается с такими нравственными категориями, как совесть и долг. Конкретно это проявляется в том, что у такого работника обострено чувство ответственности за результаты своего труда перед коллективом. Есть у него и социально-психологические признаки: профессионалом можно считать только того, кто умеет общаться с людьми, учиться у них и отдавать им все полезное: знания, навыки, опыт. И еще: профессионал не тот, кто сам о себе так думает, а тот, кого другие считают профессионалом. Иначе говоря, профессионализм определяется не личным, а общественным мнением.

Я не хотел бы противопоставлять профессионализм квалификации: одно от другого неотделимо. Что касается повышения квалификации, тут есть достаточно испытанная система — школы передового опыта, различные курсы, учебные комбинаты. Но профессионализм, как видите, нечто большее, чем высокая квалификация. Чтобы получить квалификацию, необходимы знания и опыт. А чтобы стать профессионалом, кроме этого, необходимо определенное воспитание.

— Многие потенциальные способности работника раскрываются лишь при определенных условиях труда. Это естественно: поскольку каждый человек как личность индивидуален, постольку и разнообразно воздействие на него условий труда. Я не хочу говорить об очевидных вещах: станок должен быть настроен, снабжение бесперебойно, рабочее место удобно — это само собой разумеется. Но вот пример, когда условия по общепринятым меркам хорошие, а действуют негативно.

Фрезеровщик обрабатывает детали. Перед ним груда заготовок, которая постоянно пополняется. Правда, хорошо, что нет перебоев? Но не тут-то было. Фрезеровщика постепенно начинает раздражать эта неумещающаяся груда, подавлять бесперспективность усилий. Все это сказывается и на производительности труда и на качестве.

На другой день изменяют порядок подвоза заготовок — теперь они поступают небольшими партиями по мере необходимости. Создался естественный ритм в работе, а ее периодическая завершаемость повысила настроение фрезеровщика. Показатели по итогам смены это подтвердили. Вот конкретный результат работы психологов. Хозяйственные руководители важного резерва не замечали, поскольку он лежал вне поля их деятельности.

Вы можете возразить, что качество работы профессионала не должно зависеть от настроения. Но человек все

— Профессионализм не определяется образовательным уровнем подготовки, но находится в прямой зависимости от него. Это не значит, что иметь обширные знания не обязательно. Современное производство наглядно демонстрирует: неучу здесь делать нечего. Но я хочу подчеркнуть другое: сложность не в том, чтобы получить знания, а в том, чтобы научиться творчески прилагать их к делу. Причем совершенствование «технологии» творческого применения знаний — процесс бесконечный. Не станет профессионалом тот, кто сказал себе: ну, все, я достиг потолка, и дальше идти некуда... В какой-то мере в самом понятии «профессионализм» заложен некий парадокс: с одной стороны, и в двадцать пять лет можно считаться признанным профессионалом, с другой — к этому званию надо продвигаться всю жизнь. Остановка равносильна отступлению, поэтому настоящий профессионал находится в вечном движении...

— А всегда ли нужна высокая квалификация, личный профессионализм, если конвейерная система, операционное разделение труда порой сводят работу к довольно разнообразным и несложным приемам?

— Противоречие кажущееся. Надо учитывать общую закономерность развития производства — сокращение сроков его научно-технического обновления. Всего лишь двадцать лет назад нормативный срок обновления оборудования на наших предприятиях составлял семнадцать лет. Сейчас он сократился до десяти, а в ведущих отраслях — до пяти лет. Поэтому современному рабочему приходится постоянно сталкиваться с новой техникой, новыми технологическими процессами. От того, насколько он усвоил предыдущее оборудование, зависит его переход к более совершенному.

Кроме того, общеизвестно, что развитие производства характеризуется неуклонным наращиванием интеллектуальных и снижением физических усилий в общей структуре труда работника. Практически это сказывается в необходимости постоянно обновлять профессиональные знания и, что так же важно, требует прилагать эти знания в самые короткие сроки. Не случайно профессиональные качества рабочего сегодня характеризуются его способностью быстро ориентироваться в новых производственных условиях. Если раньше в профессиональной подготовке ведущую роль имели устойчивые стереотипы — прощ говоря, навыки, привычка, — то нынче требуется нечто иное: способность к динамичной смене навыков, замена конкретных знаний новыми, прогрессивными.

...Быть профессионалом — это порой очень мучительно. Чем глубже человек овладевает профессией, тем больше ему свойственно чувство самокритичности, чувство обостренного самознания, сомнения: идет ли он в ногу со временем? Но, несмотря на это, ничто не дает такой радости, как органичное сочетание потребностей и возможностей человека, как самовыражение личности в профессии, чувство удовлетворения от своего признания в коллективе.

Беседу вел корреспондент «Смены» Владимир АНИСИМОВ.

АЯ ВЛЮБЛЕННОСТЬ

профессии, на отношение к ней. Иногда это «мелочи», которые тем не менее обладают сильным психологическим воздействием. Одна из таких мелочей — неудачное название профессии. Для ветеранов это зачастую не имеет большого значения. Кроме того, жизненный опыт их убедил, что главное в профессии — ее общественная полезность. Иное восприятие у молодого человека. Подумайте, сможет ли молодая девушка с гордостью сказать, что она работает чesальщицей, вальщицей или тряпильщицей? Ей может нравиться работа, коллектив, но потенциально она готова порвать с ним, как только представится случай. Настроение «временности» не располагает к стремлению глубже познать профессию.

Название профессии — как визитная карточка человека. Но есть еще очень много названий, которые никак не отражают технической оснащенности труда, его общественного значения, общеобразовательной и профессиональной подготовки работников. Удручающие названия отталкивают. Такой морально-психологический фактор тоже нельзя сбрасывать со счетов, поскольку он заметно ослабляет привязанность к работе, затрудняет воспитание профессионализма.

— Но, допустим, все условия соблюдены — тяга к делу, природная одаренность... Есть ли гарантия, что в недалеком будущем из подростка получится профессионал?

— В определенной мере — да. Но не профессионал, а специалист высокой квалификации. Это разные вещи. Чтобы стать профессионалом, недостаточно овладеть специальностью. Есть люди, которые могут здорово поработать — чтобы заработать. Отличие профессионала в том, что он всегда напряженно работает и при этом красиво работает. Я бы сказал — одухотворенно.

У Паустовского есть рассказ о печнике, на работу которого люди приходили полюбоваться специально: он создавал поэзию вокруг своего труда.

Но для этого воспитания как раз никаких курсов не существует. Да и возможны ли они? Как подчеркивал русский педагог К. Д. Ушинский, в воспитании определяющая роль принадлежит воспитателю. В условиях производства таковыми являются наставники. Они олицетворяют и высокий уровень владения специальностью и влюбленное отношение к ней.

Но необходимо знать реальные трудности, с которыми сталкиваются эти люди. Их личный профессионализм не передается ученику автоматически. Из общего числа обследованных наставников пятая часть не может найти с учеником общий язык. 35 процентов не получают помощи от хозяйственных руководителей и целых 70 процентов жалуются на нехватку психологических и педагогических знаний.

На ЗИЛе, например, этой проблемой занимается университет наставников. Но такие примеры единичны. И здесь мы вправе предъявить иск комсомольским организациям предприятий. На мой взгляд, именно они должны проявить инициативу, предложить систему психолого-педагогической подготовки наставников, ведь в наставниках больше всего заинтересована молодежь, комсомольцы.

В какой помощи больше всего нуждается наставник? Прежде всего в подробной информации о том человеческом «материале», которым является его воспитанник. Он должен иметь полные данные о физических, психологических особенностях подростка. Не имея таких данных (что бывает чаще всего), наставник вынужден работать на ощупь, искать формы воспитания интуитивно, что далеко не всегда дает нужный эффект. Практическое осуществление этой идеи я вижу в создании на предприятиях социологических и психологических служб.

— Как представить их влияние на личность и коллектив?

же не бездушный автомат. Зачем же испытывать его терпение, если можно лучше организовать труд?

Теперь давайте снова вернемся к природным способностям человека. Да, они имеют огромное значение, но только вкупе с индивидуальным характером личности. Можно привести немало примеров, когда одаренные от природы люди так и не добились серьезных успехов, а те, кого называли «вечными троечниками», впоследствии стали профессорами в своем деле. Главный фактор здесь — разная волевая настроенность. Первым многое слишком легко давалось в школе, а эта легкость имеет и отрицательные стороны: она усыпляет, успокаивает, не позволяет всегда быть в напряжении, не развивает чувства профессиональной дерзости. Трудности же, которые постоянно должен был преодолевать троечник, выработали волю, способность более концентрированно использовать то, что он знает. Однажды проводилось обследование более трех тысяч инженеров, проработавших после вузов около пяти лет. Результат получился довольно неожиданный: бывшие студенты-отличники оказались в профессиональном смысле на ступень ниже своих менее одаренных коллег. В чем тут дело? Отличники «брали» памятью: другие постоянно испытывали как бы сопротивление изучаемого материала. Они привыкли к тому, что без труда им ничего не дается. Я далек от того, чтобы призывать всех учиться на тройки. А этот пример привел в качестве иллюстрации — когда человеку много дано от природы, это иногда предрасполагает к лени мысли, застою. В школе, в вузе многое может пройти незамеченным. На производстве — никогда.

— Все же, вероятно, существует связь между количеством накопленных знаний и личным профессионализмом?

Итак, ваше мнение, дорогие читатели!

Человек среди людей

Рабочий стол писателя, как правило, завален письмами. И за каждым — человек с его проблемами, радостями, печалью. Это письмо выделялось из всей массы: и размером (две школьные тетради) и редкой, почти предельной откровенностью. Такое письмо не оставишь без ответа.

Но я не отвечал долго — просто растерялся. Ни вопроса, ни просьбы о помощи, никакой конкретной надобности. Исповедь, не нуждающаяся в отпущении грехов.

Показал письмо одному умудренному жизненным опытом человеку. Он прочел, помедлил и тихо проговорил:

— Это судьба, а на судьбу не отвечать нельзя.

Скорей всего, он прав. Есть письма, оставляющие нам только одну возможность: прочесть, помолчать и задуматься. Человеку же пишущему — задуматься с пером в руке.

Комментарий к судьбе — странный жанр. Но ведь и письмо необычное. И судьба непростая...

«Уважаемый товарищ писатель!»

У этого моего письма есть предыстория длиною в четыре года. Дело в том, что тогда, четыре года назад, я была растоптана жизнью, потеряла все, что только может потерять человек, — свое доброе имя, дело, к которому стремилась всю жизнь. Меня предали люди, которым я верила безгранично, потом умерла моя мать. В эти страшные дни, когда люди вокруг смотрели на меня как на зачумленную, я даже избегала ходить по улице,

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

ХОЧУ ВАМ

боясь замарать их своей грязью... Я начинала тогда не с нуля, гораздо ниже. И писала Вам письма. Я просила разрешения рассказать о себе. Не знаю, с чего на меня напала такая вежливость, ведь об этом не спрашивают, писателю интересна любая человеческая судьба, пусть даже он будет только знать о ней, никогда не написав об этом ни строчки.

Не получив от Вас ответа на первое свое письмо, сначала почувствовала что-то вроде обиды, потом поняла, что все правильно. На такие письма отвечать нечего. А сегодня пришла «Смена» (№ 15, 1979 г.) с Вашей статьей, с которой, кстати, я впервые не согласна, и Вы дальше поймете почему.

Начинать надо, наверное, с самого начала. Сейчас мне 28 лет, мои родители — врачи — рано разошлись, меня воспитывали бабушки. На стихах и сказках, на старинном воложском выговоре, какой сейчас услышишь только в старых пьесах. Маму я почти не видела, она всю себя отдавала своим больным, работала фактически без выходных и отпусков, потому что в городке не было «скорой» — ее могли вызвать к больному в любой момент. Она вышла замуж вторично, родила братика. Вскоре умерла «младшая» бабушка.

31 августа 1961 года кончилось мое детство. Это налетело как война, только война была общим горем, а это — горем лишь нашей семьи. Прямо на приеме мама упала в обморок, чтобы уже не встать: так и осталась инвалидом первой группы. Чем она болела, никто точно не знает до сих пор. Неврастения, переутомление, потом — депренированное сердце. Мама лежала дома, а вокруг нашей семьи носились слуги. Маму объявили сумасшедшей. Меня оставаливали прямо на улице и гнусно спрашивали о ней. В лучшем случае меня жалели, в худшем — гнали, потому что маме требовались то уколы, то госпитализация, то «скорая» среди ночи, а она всем давно уже надоела. Отчим тоже заболел, обвинил в этом маму, жизнь превратилась в настоящий ад. Я требовала, чтобы отчим оставил нас, и он ушел, забрав сына.

Я любила маму бесконечно, верила каждому ее слову, а она, вольно или невольно, коверкала мою жизнь. Исподволь уговорила меня в 15 лет бросить школу. Думала ли она о моем будущем, не знаю, но отец всегда хотел мне помочь, она же

боялась, что я окончу школу и уеду учиться дальше. От всех наших бед меня спасали только книги (я читала запоем), и в школе, не учив уроков; умудрялась довольно хорошо учиться. Я бредила журналистикой, университетом. Для мамы же это было концом всего, ведь я была ее единственной поддержкой в жизни.

Я бросила школу, но призрак моего отъезда все еще стоял над ней. То, что она боялась этого, я знаю точно, и все ее поступки — факт, но хотела ли она сознательно мне зла на благо себе — я не знаю. Может, просто считала, что так будет лучше для нее. Начались разговоры о том, что она в любую минуту может умереть, оставив меня одну. Мама умела прекрасно убеждать и опять же исподволь подвела меня к мысли о замужестве. Я вышла замуж в 17 лет за первого попавшегося, поверив одним только словам мамы.

Начался новый круг ада. Я жила с мужем, когда мама этого хотела, и выгоняла его, когда она приказывала. Они тихо ненавидели друг друга, а я была между двух огней. Вскоре узнала, что муж мне изменяет, и я, которая с детства любила одного парня, тоже начала бегать к нему. Я была жестокой, не понимая, к чему все это приведет. В конце концов муж бросил меня с двумя детьми, но об этом я не жалею. Жить, не любя, только из страха перед одиночеством, покоряясь судьбе — это страшно.

Мне шел уже 21-й год, когда я взбуктовалась. Друг вспомнила, что мечтала учиться. Надо мной посмеивались, а я поставила перед собой три цели — окончить школу, начать печататься и развестись с мужем...

Стоп! Здесь остановимся — этапный момент. Уже не девочка, даже не девушка со следами неизжитой наивности в трезвых глазах, а крепко хлебнувшая жизни молодая женщина беспретно принимает решение, от которого в корне изменится ее будущая судьба. Жить, не любя, страшно, поэтому — развод.

Известно, что, создавая проект завода, хорошие специалисты столько же времени, сколько на сам проект, тратят на его экономическое обоснование. Выстроит не так и не там — потом ведь не перенесешь готовую машину с Кавказа в Забайкалье или из Ужгорода в Тюмень.

Автору письма, чтобы обосновать свое весьма обязывающее решение, хватило полутора строк. Почему такая краткость и такая смелость?

Да, без любви жить худо. Но ведь Лера решала не за себя одну — за троих. Куда иголка, туда и нитка, куда собака, туда и хвост. Сладко или горько, складно или бестолково сложится Лерина жизнь, беспомощный хвост — двое детей — так и будет мотаться вместе с нею.

Когда-то Лерина мать, исходя из своих интересов и соображений, определила ее будущее. Теперь Лера, исходя из своих интересов и соображений, определила будущее своих детей. Она решала, не они, но отвечать придется коллективно.

Ну и что теперь делать? Обвинить? Осудить?

Нет, не стану. Я хочу не осудить, а понять, почему так получается. Понять, почему с такой готовностью, а то и вовсе с воодушевлением кидаемся мы разваливать семью, едва она дала трещину? Почему не склеивать, а доламывать? Говорят, при распаде семьи женщина страдает больше. Наверное, так оно и есть. Но больше половины разводов — по инициативе женщин. Почему?

Не так уж давно рубашки и блузочки носили до дыр, потом ставили заплатки и снова носили — до новых дыр, до новых заплат. Теперь пускают на тряпки, не дожидаясь первой потертости, просто за модностью. Ибо купить другую не проблема.

Может, и с семьей так поэтому же?

Да, новая жена сегодня не проблема. И муж новый тоже не проблема. Чуть лучше, чуть хуже, но выбор есть. Еще и останется на последующие эксперименты.

Для нас не проблема. А для детей? Увы, отец и мать в наши времена такая же уникальность, как и тысячу лет назад! Незаменимы!

В свое время наши прадеды и прабабки охотно вступали в брак с вдовой или вдовцом, но решительно обходили разведенных; так нынешние кадровики избегают разведенных, уже уволенных однажды за пьянку или прогул.

Мы сегодня к разведенным относимся без пренебрежения. Впрочем, и выхода иного нет: корпус потенциальных молодоженов чуть ли не наполовину состоит из тех, кто однажды уже вкусил райское блаженство

и готов вкусить его вновь под оптимистическим лозунгом «попытка — не попытка».

Но, может, в осторожном обычае наших прадедов был хоть маленький, но резон?

Из года в год мы устно и письменно говорим о необходимости серьезно подходить к выбору спутника жизни. И в сознание прочно впечатывается лотерейно-магазинное понятие «выбор». А ведь человека — и тем более отношения с ним — не столько выбирают, сколько годами строят, как строят дом, — от фундамента до конька на крыше...

Да, но какое отношение ко всему этому имеет Лера, торопливо выпихнутая замуж в семнадцать лет? Разве она в чем-то виновата?

Вероятно, ни в чем.

Тогда при чем тут она? При том, что расплачиваться ей...

Ладно, читаем дальше. Итак:

«...я поставила перед собой три цели — окончить школу, начать печататься и развестись с мужем. Силы дала любовь, но это была безответная любовь. Та грязь, что липла ко мне с малолетства, имела силу и тут. Мой Коля стыдил меня, не говоря уже о том, что мои дети были ему совершенно не нужны. Он унижал меня, я все прощала. Может, потому, что унижения разного рода были мне привычны...»

Он был в армии, когда я совершала свои «геркулесовы подвиги». Приехал и не понял, что я переменялась. Дорогой ценой заплатила за разрыв с ним. Едва не покончила с собой, остановила мысль о детях.

Шел 1973 год. К тому времени я окончила школу, работала, мои материалы появлялись в районной газете каждую неделю. Никогда не забуду свой первый приход в редакцию со стихами, было ощущение, что я вхожу в святая святых. Первый разговор с работниками газеты, ставшими моими друзьями. Мой учитель — Ковалев. От него я училась писать для газеты и любить ее, как он, — на всю жизнь. Я впервые почувствовала себя

нужной и в цехе и в газете. Моими материалами часто вслух восхищались, но самое страшное и желанное было тогда для меня другое — после мужа, который считал мои мечты ерундой, а меня просто «бабой», после Коли, который меня презирал за мое всепрощение, я вдруг ощутила восхищение мужчин.

Я была бесконечно счастлива. Я нашла главное — свое дело. Появились друзья. Директор вечерней школы Мария Николаевна стала для меня самым близким человеком. Она желала мне совсем не того, чего желала моя мама, но никогда ни единым словом не затронула ее интересов. Зато мама, чувствуя, что я отдаляюсь от нее, собирала сплетни о ней! Эти сплетни хлестали, будто плетью, было бы легче, если бы мне в лицо бросали самые тяжкие оскорбления, направленные против меня. Именно тогда я перестала так беспредельно любить свою маму. Раньше я была очень домашним «животным». Теперь меня редко можно было застать дома. Дети росли в садике, на круглых сутках. До сих пор с болью думаю, сколько себя недодала им тогда.

Я работала сверх сил, как когда-то она, моя мама. Собираясь в университет, ходила на подготовительные курсы. Развилась неврастения. Начала лечиться. Дома все чаще выстывали скандалы. Мама начинала меня ненавидеть, говорить кумушкам, которые ее навещали, что, когда вырастет ее сын, она выгонит меня из дома. Отчим увез мальчишку от ее жалости, но она преследовала их своими письмами. Из-за этих писем, угроз, слезной жалости брат возненавидел мать, рос, отбиваясь от рук.

Я жила теперь в двух мирах — домашний ад и мир моей детской мечты, вдруг ставший реальностью. Мама же ненавидела моих новых друзей. Она ненавидела все, что отрывало меня от нее. Она почему-то боялась, что наступит день, когда я отправлю ее в дом для престарелых. Однажды она уходила туда по собственному желанию и вернулась через пару месяцев. Это было еще при муже. Но сама я не отказалась бы от нее никогда, у меня уже выработалась привычка к вечному страданию, я не представляла себе, как это рядом не будет ее, как это люди живут без вечного гнета.

Гнет? Да, пожалуй. Но это гнет нашей порядочности. Это совесть. Между прочим, единственный надежный залог счастья.

Я знала, как несчастлив Ковалев со своей женой — грубой, злой женщиной, работавшей продавщицей, угадывала в его стихах мысли о несложившейся жизни. И еще видела постоянное восхищение в его глазах, и его смущение, и его мальчишескую глупую ревность. Он был для меня воплощением самого дорогого — газеты. Он нес мне то, чего я не знала раньше. Для него я была не просто хорошенькая женщина, а личность. Это ласкало мое самолюбие. Как бы то ни было, мы стали близки.

Сейчас из всей моей сумбурной жизни — только этот свет идет из прошлого. Несмотря на то, что случилось позже, я не могла бы от этого отречься. Это единственное мое бывшее счастье, пусть ворованное, пусть дорого оплаченное... И тогда и сейчас я не могу до конца винить себя во всем. Сейчас, правда, я на многое смотрю иначе. Но тогда было только «любишь — не любишь». Раз нет любви, значит, семья не имеет права на существование. Это не семья, это ложь.

Вот так я думала тогда. Но беда все-таки пришла...

Итак, беда.

А я ловлю себя на мысли, верней, на ощущения, что не очень-то этой фразой и удивлен: пока читал предыдущее, предчувствие этой беды нарастало. Теперь пытаюсь понять: откуда все же возникло это предчувствие? Что в рассказанном выше предвстало и притянуло эту завратную беду?

Пожалуй, вот что. К моменту, на котором мы остановились, Лера, несмотря на молодость, успела вполне или невольно причинить людям немало зла. В основном, пожалуй, невольно — поступала, как считала правильным, резала правду-матку по живому, по судьбам, по нервам. Слабо замечая чужую боль. Но зло, даже невольное, все равно зло.

Это зло, постепенно накапливаясь, и должно было почти неминуемо обрушиться на Леру.

Надо ли говорить, что упорная неприязнь окружающих рано или поздно оборачивается крупной неприятностью, бедой?

Говорят, с совестью труднее жить. Глубочайшее заблуждение. Совесть не мешает, а помогает человеку. Она такой же защитный механизм, как боль. Боль, сигнала об опасности, предохраняет от ожогов, порезов, переломов костей. Совесть спасает от переломов судьбы.

Поэтому во всех случаях и ситуациях развивай и расти в себе совесть. Не можешь быть добрым просто так? Будь им потому, что это выгодно!

А сейчас вернемся к Лериной беде.

«...Жене Ковалева стало известно о наших отношениях, и он сам подтвердил это. Место в газете оказалось для него дорожке меня. Я не верила, пока, поверив, изорвала в клочки все свои материалы, удостоверение внештатного корреспондента, на которое молилась. Думала, что не напишу больше в жизни ни строчки. Хотела уехать, но мама... Что было — не передать. Она опять стала бояться, что я ее брошу. И, чтобы удержать меня, подыскала мне жениха с улицы и слезами, скандалами, бог знает чем принудила меня сойтись с ним. Это может показаться невероятным, но это так. Где моя вина, там моя. Но самым страшным в жизни я опять-таки обязана своей маме. Она говорила, что хороших людей нет, жить одной трудно и потому мне нужен мужчина, защитник. Я поверила ей уже в который раз. Это было хуже, чем ад. Этот негодяй устроился на непьющую работенку, спал днем, а по ночам гонял нас с ружьем и топором, с двумя волкодавами. Сумел запугать, и теперь я не понимаю, как могла поверить в его бредни. Я была не я, а какой-то комок ужаса и безнадежности. Боялась обратиться в милицию, чтобы избавиться от распоясавшегося тузилана. Работать не могла. Этот негодяй сумел растоптать меня. Через полгода совместной жизни, когда однажды

кроме мамы и детей, со мной была и 96-летняя бабушка со сломанной ногой. Ее таскали по перронам демобилизованные солдаты, спасибо им...

Мама к тому времени уже просто ненавидела меня, откровенно и грубо. Отец, которого она порочила передо мной всю жизнь, принял весь табор. В конце концов мы вернулись домой, но что это было за возвращение! Уезжая, мы ведь продали и роздали все вещи. Люди дали кое-что, долго я с детьми стала на полу. Вернулся контейнер с тряпками, который мы так и не разгрузили в Черногорске. На работу меня не хотели брать. Маме стало плохо, ее увезли в больницу, но и там она до самой смерти устраивала мне скандалы, я боялась ходить к ней. Самые черные сплетни облепили меня, знакомые шаратались, как от прокаженной.

Мама умерла в тихой агонии на моих руках. Во мне все будто застывало, я не могла даже плакать. Перед смертью, когда мне удавалось посидеть с ней рядом, я смотрела на нее, такую тихую, и думала, что теперь она не сможет уже сделать мне ничего плохого. А потом пришло вдруг сознание: как же это может быть, как вообще я буду жить без мамы?

На похороны собирали деньги всем миром. Вместе с мамой будто умерла и я тоже. Меня пожалели, позвали работать на фабрику. Я вернулась в цех — будто домой после долгих, мучительных странствий. Кругом были люди, которых я уважала и любила, о которых писала когда-то. Многие косылись, но был друг, с которым я могла общаться постоянно, по долгу службы, не боясь запачкать его собой. Это мой сменный мастер. Он знал меня человеком и не верил, что я перестала быть им. Он первым встал на мою защиту.

А защищать меня тогда было очень трудно. Ко всему я тяжело заболела — неврастения плюс троническая ангина. Мне предлагали лечь в больницу. Я не могла оставить детей и страшно мучилась, постоянно боялась упасть прямо в цехе. Почти

СКАЗАТЬ

Да, но это что же получается? Наказание за грехи? Мистика, суеверие! И могу ли я, человек с высшим образованием, проповедовать такое...

Постараюсь объяснить, почему человек с высшим образованием и стопроцентный атеист вполне может верить в наказание за дурные дела — наказание не загробное, а здешнее, земное.

Наша просвещенная эпоха не случайно внимательно присматривается к легендам, приметам, суевериям и даже волшебным сказкам. Ведь за многими из них стоит вполне реальный человеческий опыт. Легендарную Троию давно нашли, легендарную Атлантиду ищут. Скандинавские саги читают как исторические документы. Допотопным приметам находят строго научное обоснование.

Допустим, наказание за грехи — суеверие. Но почему оно возникло? Почему пережило века? Видимо, лишь потому, что регулярно подтверждалось практическим опытом. Потому, что цепкий ум народа уловил, а память поколений сохранила эту распространенную последовательность: сперва плохой поступок, а следом за ним — беда.

Возьмем для примера историю первого Лериного замужества и первой любви. Лера унижала и выгоняла мужа, Коля унижал и в конце концов прогнал ее. Случайна ли такая последовательность?

Думаю, нет. И причиной тому, вероятно, не только и не столько «грязь, что липла ко мне с малолетства», сколько инстинкт самосохранения. Коля видел, как Лера обращалась с мужем, и не хотел очутиться на его месте. Больше того, отчетливо понимал, что в отношениях с Лерой, какой она тогда была, слабость показывать опасно — вот и демонстрировал силу, как умел.

Но и зло, причиненное дальнему, зло, окружающим неизвестное, так сказать, анонимное, практически безнаказанное, — оно тоже не проходит даром. Оседая в характере, манерах, принципах человека, оно начинает исподволь менять его натуру. Словно срабатывают некие душевные тормоза — на сухой дороге незаметно, но в дождь... Порой человек годами живет, не делая окружающим зла. Но внутренне он к нему готов, и окружающие эту готовность ощущают.

Во многих коллективах есть люди, которых стойко не любят, не умея внятно объяснить неприязнь: не нравятся, и все. В фундаменте этого «не нравятся» чаще всего и лежит способность человека причинить другому зло, непременно прорывающаяся в мелочах, оговорках, усмешках, интонациях.

он явился с ножом убивать меня, мы с детьми выпрыгнули из окна второго этажа, пока он ломал дверь, и вот тогда он был осужден на два с половиной года. Я настолько боялась его, что тайком написала на один текстильный комбинат в Сибири, оттуда пришел вызов, и мы решили, бросив все, ехать. Сейчас это дико вспомнить».

Страшная история — и очень жестокий урок.

Когда человек становится зверем, оправдать это нельзя ничем. Но объяснить надо.

Вину негодяя, травившего двух женщин и детей, разбирать не будем — в ней уже разобрался суд. А вот Лерина вина в происшедшем была? Думаю, была.

Ни к какому человеку — даже очень плохому — нельзя относиться потребительски, как к средству. Нельзя хотя бы потому, что это дает ему моральное право точно так же, как к средству, относиться к нам.

Этот, с ружьем и волкодавами, был призван на вполне определенное место — мужчины и защитника. Он был нужен не сам по себе, не как человек, имеющий самостоятельную ценность, а как средство, функция.

К сожалению, нет под рукой источника — перескажу цитату своими словами:

«Есть женщины, которые, просыпаясь, думают: как бы добиться, чтобы муж сегодня сделал мне что-нибудь хорошее? И есть другие, которые думают: что бы хорошее сделать мне сегодня мужу?»

Примерно так писала о своей матери Лив Нансен, дочь знаменитого полярного исследователя.

Я понимаю кричащую нелепость этой параллели. И все-таки пусть нашей человечности хватит на всех. Это ведь нужно не только посторонним — нам тоже...

«...Меня будто преследовал злой рок. Из огня да в полымя. Убежала от одного негодяя — и в Черногорске, маленьком сибирском городке, нарвалась на другого. Не было денег, были золотые серьги. Соседка нашла покупателя, который решил, что меня, нуждающуюся, он может использовать в своих грязных, темных делишках. В ужасе сбежала и оттуда. Что сохранилась наша квартира, мы не знали. Билеты до Астрахани, где живет мой отец, купить не смогли. Остановились в Куйбышев. Я боялась людей, шаратались от них. В дороге видела всякое, но вынесла убежденность, что добро в людях все-таки сильнее, раз мы не потерялись, не умерли с голоду, доехали. А ведь

ничего не зарабатывала, постоянные справки, дни за свой счет. На фабрике меня жалели, а по городку шли две волны слухов. Одна — что я симулирую болезнь, другая — что я спиваюсь и не хочу работать. Странное этого последнего оскорбления я не могу себе представить. На улице меня встречали подозрительные типы, напрашивались в гости, вечерами ко мне стучались. Одна женщина еще при маминой жизни, не разобравшись, побежала жаловаться на меня в милицию. К счастью, оказалась человеком, сама же потом, разобравшись во всем, меня защищала.

Очень красивый совет у Вас в статье: не отвечай злом на зло. Я не умела и не умею осадить сволочь, которая издевается надо мной совершенно откровенно. Это мое малодушие послужило поводом для одной из сплетен. Соседка хотела «пристроить» мне своего сына-полудебила, а когда поняла, что не выходит, пришла вечером, я как раз лежала с температурой 39°, и заявила, что меня, дескать, хотят лишить материнства. Это была самая страшная ночь после Черногорска, а может, и страшнее той».

Когда в первый раз читал Лерино письмо, во мне не было ничего, кроме сочувствия, жалости и жгучего ощущения чужой боли, даже часть которой невозможно принять на себя. А теперь, когда читаю в четвертый раз, да еще с пером в руке, — анализирую, ищу закономерности. Мало того — саму же Леру то и дело виню в жесточайших несчастьях, свалившихся на нее. И самому от этого неловко.

Но что делать? Я не противник жалости. Она на свете тоже нужна. Она как обезболивающая повязка при ожоге — смягчает беду и дает силы выжить.

Но от новой, даже аналогичной беды жалость не предохранит. Тут только анализ — трезвый, объективный, порой, увы, болезненный анализ. Хочешь научиться играть в шахматы — досконально разбирай именно проигранные партии.

Ну, вот хотя бы сейчас. Ведь это Лере только кажется, что соседка ответила ей злом на добро. Нет, ответила злом на зло. «Хотела пристроить мне своего сына-полудебила» — как жестоко и едко сказано о горе матери, о несчастье, которое исправить нельзя. Понимаю, это Лера говорит мне, а не соседке. Но ведь отношение такое существует, существовало и наверняка в какой-нибудь мелочи прорвалось. Лера походила ковырнула чужую боль, соседка в ответ постаралась ужалить покрепче. Теперь Лера пишет,

что не умеет осадить сволочь, и жалеет об этом. Вот и пошел разрастаться ком злости, затеялся бой, в котором победителя не будет...

«...Под утро, в полуборочном состоянии, неузнаваемая от слез, свалилась, но так и не могла спать. Дождалась восьми часов, пошла в фабком. Я не знала за собой вины, но уже ждала от людей чего угодно. Разумеется, все оказалось выдумкой. Спасибо секретарю парткома Приваловой, успокоила меня. Я почувствовала поддержку, стала смотреть чуть смелее на людей. Редактор газеты, видно, тоже пожалел, сказал, что я могу печататься снова. Но со своей старой репутацией я не могла идти к людям от имени газеты — сначала я должна была вернуть себе человеческое достоинство. Доработалась до того, что попала рукой в станок, и опять пожалели, перевели временно на легкую работу. Но тогда я уже была не одна: девушка-пианистка, подруга детства, вновь одарила меня своей дружбой. Я приходила в ее уютную комнату, и она играла мне.

Через пять месяцев я, немного окрепшая, вернулась в цех. Хотя находились еще такие, что походя меня оскорбляли, я чувствовала, что рождаюсь вновь, совсем другим человеком. Я не могла идти еще к Марии Николаевне и писать в газету, но айсберг внутри меня таял. Все происшедшее казалось далеким, случившимся не со мной, а с какой-то другой глупой девчонкой. Я была одна, но одиночество не страшило. Возилась с детьми, своими и чужими, много читала классиков, писала без конца.

Что-то случилось со мной небывалое, таинственное. Я стала вдруг сильнее себя, сильнее своих болезней, сильнее оскорблений и сплетен. А потом вдруг будто небо разверзлось, будто удар молнии поразил — поняла. Стала работать, как десять лошадей. Сначала стиснула зубы, боясь упасть, потом привыкла, только еще мучил страх, что тот хулиган вернется и исполнит свое обещание — убьет. Постепенно и страх прошел, только думала: не смерть страшна, а отвратительно умирать по воле и от руки негодяя. И вина перед детьми не давала покоя — я накуролесила в жизни, а им оставаться сиротами. И считала дни до его приезда...

А приехал — не моргнула глазом. Ушло все, исчез и он. Написала юмореску, отнесла в газету. Напечатали. Думала, увижу, заплачу. Нет, будто она-мела, ушла на кухню, прижала к лицу страницу и сидела, как каменная. Только шептала: «Моя газета...»

Летом пошла к Марии Николаевне. Сочла себя вправе и на это. Она встретила меня так, что внутри все заплакало, зашепело: «Мама!» Она приказала мне идти учиться, и я пошла, поступила в текстильный техникум, хоть и не верила, что поступаю. Мария Николаевна стала опять другом для меня. Это так важно, когда кто-то верит в тебя сильнее, чем веришь ты сам. И слово «мама» снова зазвучало сначала в моих дневниках, потом надписью на подарке... Она не очень здорова, и когда ей бывает больно, я готова отдать многое, чтобы принести эту боль на себя. Я так остро чувствую свою любовь к ней, что иногда становиться страшно, горечь подступает невыносимая: почему я не могла так любить свою родную маму? А ведь было же время, когда я ее любила так же, но она сама убила эту любовь. Когда плачут дети на могилках своих матерей, я завидую им, потому что не могу плакать о маме. Во мне осталась только жалость: жаль ее неудавшейся жизни... Она и брата искалечила. Из него получился алкоголик. Ему 22 года, а он уже конченый человек. Привез из Хабаровска женщину, мать двоих детей. Ей тоже 22 года, она влюбилась в него без памяти, бросилась за ним, а здесь стала ненужной. Уехал к отцу, обманув нас обеих, и уже восьмой месяц она здесь, стала мне сестрой — вместо брата. Трудная сестренка, друзья возмущаются: брось, мол, с ней возиться, но я же вижу, что у нее хорошая душа, а лихорадочные поиски личного счастья — так мы все его хотим...

Я перескочила через два года в своем рассказе. Итак, я поступила в техникум, стала понемногу печататься. Почти каждый новый мой день — победа! Трудно, здоровье подорвано, но у меня есть друзья и Мама. Значит, пока эти люди рядом, я все могу. Через полгода получу диплом и тогда сделаю газету, чтобы поступить в университет. Недавно в газете опубликована подборка стихов — это мой праздник.

Сбылась давняя мечта — я начала читать стихи со сцены. Было страшно выйти навстречу людям, которые слышали обо мне столько гадостей, но вышла, увидела, что людям интересно то, что я читаю, — и страх прошел. Верю, своей горе-снохе, смогла помочь. Она получила комнату, привезла детей. И еще много-много всего

хорошего, радостного, доброго случается каждый день.

Иногда думаю: неужели же это я, недавний гадкий утенок, живу так счастливо и полно? Дети подросли, непростые, но хорошие, пока мы друзья с ними. Только бы хватило сил и дальше идти к своей цели, только бы всегда были рядом мои друзья, только бы чувствовать, что я нужна людям. Как я падала вниз — я написала подробно. А как вернулась к людям — этого не рассказать враз, это не единичное событие. Это шло изо дня в день, достигалось терпением и трудом, победами над страхом, болезнями, слабостью, отчаянием. Теперь уже я стала собой до конца, пройдя через грань, когда прошлое, не имея больше права на существование, умерло, и на развалинах его началась другая жизнь.

Вот, пожалуй, и все. История окончена, по крайней мере на сегодняшний день. Не пойму одного — почему не отправила Вам письма, когда мне нужна была помощь, когда мне было страшно жить? Да и теперь пишу снова — зачем? Тогда вроде гордость мешала — я хотела вырваться сама, без посторонней помощи. А теперь, когда все позади, просто захотелось рассказать, мне нужно это. Именно Ваше слово нужно в ответ. Рано или поздно, ко мне придёт что-то свое, единственное. Мария Николаевна. Мама. И журналистика — раз и навсегда. Я хочу делать то же, что делаете Вы. Писать о том, что считаю правильным и важным, становиться необходимым кому-то. Не ради себя, а ради другого человека. Люди делали мне много зла, но раз я живу сейчас и радуюсь жизни, и люблю, и пишу, значит, все-таки добро сильнее. И я в долгу у всех, кто мне помог. А отдать долг смогу только тогда, когда стану настоящим журналистом.

Прошу Вас, ответьте мне! Теперь уже не нужно спешить на помощь, я все выдержала сама. Просто Вы один из тех людей, которым я очень верю...

Вероятно, все нормальные люди даже в страшной сказке предпочитают счастливый конец. Мы с автором письма не исключение. Но давайте не будем предаваться торопливому оптимизму и спокойно проанализируем предложенный Лерой промежуточный «хеппи-энд».

О друзьях и любви говорить вряд ли стоит. Впервые, об этом Лера написала слишком кратко. А во-вторых, любовь при всем своем могуществе не палочка-выручалочка, не Емелина щука, по велению которой любые хотения тут же исполняются сами собой. Она, скорее, мощный катализатор, резко ускоряющий движение всех наших благих дел. Но чтобы любовь трудилась не вхолостую, необходимы эти самые дела. Поэтому поговорим о работе, о желанной профессии, которая, как правило, не светит так ярко, как любовь, но зато — опять-таки в отличие от любви — верно сопровождает нас всю жизнь.

Выйдет ли из автора письма журналист? Разумеется, настоящий журналист, а не унылый газетный работник. Я почти убежден — выйдет.

У Леры есть чувство стиля, есть слово, а без этого нельзя, как камешку невозможно без кирпича. Есть совесть — главный рабочий инструмент журналиста. Есть яростная тяга к любимому ремеслу: доказательством тому не столько возвышенные слова о профессии — на декларации все мы мастера, — сколько количество вдохновенно и ответственно исписанных страниц. Пока я думал над этим письмом, Лера прислала еще четыре, каждое на несколько тетрадок — и ни следа торопливости, необязательности, душевной халтуры. И наконец, прожитая Лерой тяжелейшая жизнь, полная ошибок, страданий и кошмаров — прекрасная профессиональная школа. Ибо то, что инженера или шофера гнет и коржит, журналиста учит — помогает понять чужую заботу, чужую боль, тайные закономерности чужой жизни.

Пожалуй, у Леры есть все, чтобы стать настоящим журналистом. А, как показывает практика, именно любимая работа в наименее напряженные моменты жизни часто оказывается нашим непотопляемым поплавком, драгоценным запасным парашютом. Просто — помогает выстоять и выжить. Поэтому Лерина уверенность в том, что впереди у нее достаточно солнечно, кажется мне не самозаклинанием слабого человека, а продуманным и трезвым выводом из реальных жизненных обстоятельств.

А закончить этот странноватый комментарий к человеческой судьбе мне хотелось бы словами самой Леры — словами горькими и самоотверженными:

«Если будете писать обо мне, очень прошу Вас, напишите то, чего я не сумела: как это страшно. Не бойтесь ударить меня, пусть моя судьба спасет кого-то. Я не хочу, тысячу раз не хочу, чтобы кто-то где-то когда-то повторил меня. Не хочу!»

Тут уж, мне кажется, комментировать нечего.

А

это, значит, ваш пост?

Я подошел к перилам, ограждающим дощатый помост, и осмотрелся. Сверху парк культуры выглядел лесным массивом, на больших и малых полянках которого светлячками двигались огни аттракционов. Вдали огненным кольцом медленно крутилось колесо обозрения. В стороне от главной аллеи, помеченной густой цепочкой огней, стоял освещенный прожекторами фюзеляж списанного самолета, издали похожий на серебристый футляр от гаганской сигары.

— Это моя башня из слоновой кости, — сказал Головня. И я не понял, сказал он это в шутку или всерьез.

Кроме столика и шезлонга, в котором продолжал сидеть Леонид Осипович, на вышке был еще запирающийся на всякий замок ящик и внушительных размеров клетка. Внутри клетки с подпорки на подпорку с мелодичностью заводной игрушки прыгал щегол. Сверху на прутьях лежала ветка каштана.

Последив за моим взглядом, Головня постучал по боковой стенке клетки.

— Он у меня головастый, но щебечет строго по расписанию — утром. Ни днем, ни ночью из него звука не выжмешь.

— Трунк-трунк, — прыгал в клетке щегол. — Трунк-трунк.

— Вот и ветку для него срезал, чтобы чувствовал себя, как на воле. Мы, люди, любим имитировать, причем все что угодно, даже свободу...

Он открыл ящик, вытащил оттуда спиртовку, турку, жестяную банку и два чистых стакана.

— Извините, кофейных чашек у меня нет.

— А что вы собираетесь делать?

— Непонятно? — Головня зажег спиртовку. — Сымитируем ресторан «Седьмое небо». Неужто кофе не желаете?

Так всегда. Когда времени мало, тебе недвусмысленно дают понять, что спешкой ничего не добьешься, не задашь даже парочки казенных вопросов. Что поделаешь? Мы неторопливо живем, растим детей, работаем, но вот является следовательно и за полчаса хочет узнать и понять, как мы жили, как растили детей, как работали. Незавидный труд, и мы же поверить, чашки дармового кофе нам перепадает нечасто.

— Не откажусь, — сказал я.

Леонид Осипович наполнил турку водой, поставил ее на огонь.

— Нравится вам здесь?

— Нравится.

— Могу поменяться, — предложил он. — Или не хотите?

— Не хочу, — признался я.

— Ну да, у вас же работа престижная, я не учел.

— Вам, Леонид Осипович, некого винить за то, что пришлось сменить «престижную» должность на «непрестижную».

Головня, как говорится, и бровью не повел.

— Вас надо понимать так, что вы знаете о моем прошлом и ваш визит не случайность? — спросил он.

— Очевидно, так.

— Ну что я могу вам сказать? Комплекса вины у меня нет, не рассчитывайте. — Он сидел на корточках у спиртовки и из-за плеча поглядывал на меня. — Наказание я отбыл, вину искупил, вывод для себя сделал. Если же вы пришли из профилактических соображений — могу обрадовать: приговор по своему делу считаю справедливым, к взысканию испытываю отвращение. Верьте или не верьте — говорю чистую правду.

— Почему же, охотно верю.

— Меня и освободили досрочно. За ударный труд и примерное поведение. А что в сторожа пошел, так из желания быть подальше от... — Он запнулся.

— Не стесняйтесь, от людей, что ли?

— И от людей тоже, — согласился он. — Меня, между прочим, здесь мыслителем зовут. Знаете, почему? Люблю о жизни порассуждать. Это ведь и бывшим зекам не запрещено. Хотите знать, почему я забрался на эту вышку? Могу рассказать.

Он предложил мне свой шезлонг. Я отказался, и он уселся сам.

— Вот вы неглупый с виду человек, скажите мне, что вы имеете там, внизу? — Он показал себе под ноги. — Бешеный темп? Тесноту на улицах и в кабинетах. Давку на транспорте. Спертый, загазованный воздух. Вы задыхаетесь от обилия информации, от трудностей, неразрешимых проблем, но продолжаете суетиться, терпеть скандалы на работе и дома, обманывать и быть обманутыми. А здесь? — Он обвел рукой вокруг себя. — Почему Леонид Головня, человек не без способностей, бывший

Продолжение. Начало №№ 10—12.

преподаватель вуза, в душе поэт, нашел свое место здесь, под открытым небом? Да потому, что здесь нет никакой нервозности, практически никакого начальства. Покой, тишина, свежий воздух и птичий голос. И так почти круглый год. Налаженный быт, немного комфорта — и в результате не жизнь, а благодать. Или я неправ?

— Продолжайте. — Мне было интересно, чем закончится этот монолог.

— Многие, очень многие, сами того не понимая, танутся к такой жизни, — развил свою мысль Леонид Осипович. — Там, в духоте контор и учреждений, в городской толчее и тесных квартирках, люди мечтают о желтых листьях, о росистой траве, о рассветах, которые видят практически только по телевизору. Абсурд! Волшебная коробка со светящейся дырой заменяет им все, в том числе и общение с живой природой. В один вечер, не сходя с места, они успевают побывать и в Африке и в Лувре, успевают поучаствовать в перестрелке с бандитами и объясниться в любви, промокнуть под дождем и умереть от жажды в пустыне. Жалкое существование. Или вы думаете иначе?

Дискуссия не входила в мои планы. Я промолчал. — Мое счастье, что я понял это и нашел в себе силы начать новую жизнь. Чему вы улыбаетесь?

— Вы не производите впечатления счастливого человека, — ответил я. — только и всего.

— Возразите по существу, и я докажу, что вы ошибаетесь!

Головня жаждал спора. Наверное, все же соскучился по обществу, которое так решительно отвергал.

— Почему бы вам в таком случае не ходить беском или по крайней мере без галстука? — спросил я.

Рисунок
Валерия
СМИРНОВА

МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ

Николай ОГАНЕСОВ

ПОВЕСТЬ

НА

КАЧЕЛЯХ

— Не надо впадать в крайности. Представьте лучше, что вам захотелось крикнуть. Да-да, крикнуть что есть мочи, во все горло.

— Странное желание.

— Странное, согласен, но вдруг оно все-таки возникло? Если я сделаю это на улице или в учреждении, мне немедленно вызовут «Скорую помощь». Правильно?

— Правильно.

— А здесь? Здесь я могу делать все, что хочу. — Он тут же поправился: — Естественно, если мои действия не будут носить криминальный характер.

— Существенная оговорка. — Ему все-таки удалось втянуть меня в спор. — Если вы не шутите, то вам место на необитаемом острове. Но даже там своим криком вы распугаете птиц, которых, как я понял, вы любите больше, чем людей.

— Моя вышка лучше любого острова.

— Тогда объясните мне, почему там, внизу, как вы выразились, все же предпочитают спешить на работу в переполненном транспорте, нервничать, если что-то не ладится, предпочитают любить и ссориться, бороться с теснотой и загазованностью воздуха?

— Из глупости, из-за ограниченности, — поспешил вставить он.

— Причина намного проще: то, что вы называете суетой, там, внизу, мы называем жизнью.

— Чепуха! Вы с удовольствием поменялись бы со мной местами! — воскликнул Головня.

— Иллюзия, Леонид Осипович, иллюзия. Все, что вы здесь понаговорили, не выдерживает никакой критики. Вам хочется быть сторожем? Будьте им, но не упрекайте при этом общество, которому обязаны хотя бы тем, что оно дает вам возможность исполнить свое желание.

Мои слова, кажется, задели его. Головня нахмурился и нагнулся над спиртовкой. Дождавшись, когда закипит вода, он кинул туда три ложки молотого кофе.

— Ладно, оставим это, — примирительно буркнул он. — Не будем спорить.

— Не будем, — согласился я.

— Только не думайте, что вам удалось меня переубедить.

Из турки вверх поднялась пышная коричневая пена.

— Готов. — Леонид Осипович осторожно перелил кофе в стаканы. — Пейте и расскажите заодно, зачем вам понадобился бывший взяточник Головня.

Я отхлебнул из стакана.

— У меня всего несколько вопросов. Вы знаете о смерти Вышемирского?

— Ах, вот оно что! — На его лице отразился непритворный интерес. — Да, сегодня в газете прочел некролог. Хотел завтра на похороны сходить, да передумал.

— Почему?

— Особой любви к покойнику я не испытывал.

— Это почему же?

— Мог помочь, а не помог... Возможности у него были большие. Ходатайства там всякие, порука, общественный защитник. Мало ли... Его слово много стоило. Да что вспоминать... Зла я на него не держу...

— Леонид Осипович, я побывал на кафедре. Там многие говорят о некоммуникабельности профессора, о его нелюдимости.

— Как вам сказать? Мне не приходилось быть с ним в неофициальной обстановке, вне работы, но вряд ли он был очень общительным человеком. Чего-то ему и вправду не хватало, мягкости, что ли. Или обаяния. Не знаю. Черствый он был, сухой.

— А ваши с ним отношения?

— Сугубо служебные. Это не значит, что плохие. Несколько раз мне приходилось обращаться к нему за помощью. И он помогал, где советом, где нужные материалы подбрасывал — у него богатая библиотека. А в общем, конечно, сухарь. Одержимый работой сухарь. Сознательно он это делал или само собой получилось, но между ним и остальными преподавателями существовала какая-то дистанция, граница, через которую никто не переходил. Особенно теплых отношений, насколько я знаю, он ни с кем не поддерживал.

— С сыном его не приходилось сталкиваться?

— Нет.

Допив свой кофе, Леонид Осипович спрятал стакан в ящик.

— Вы знаете, какую роль сыграл в вашем деле Сергей Сергеевич Черпаков?

— Конечно. Он написал на нас с Калашниковым в прокуратуру. Выступал свидетелем на суде.

— Излишне спрашивать, какие чувства вы к нему испытываете... — начал я, но он не дал мне досказать.

— Ни злости, ни обиды. Я не испытываю к нему никаких чувств. Поступок его одобряю, но питать к нему особую нежность, согласитесь, с моей стороны было бы смешно.

— Вы с ним встречались после освобождения?

— Нет. И не хотел бы. Слышал краем уха, что он пишет диссертацию.

— А с Вышемирским?

— Тоже нет, — ответил Головня и добавил: — Люди у меня здесь не бывают, вниз я только по острой необходимости спускаюсь.

Мне не хотелось поощрять его к новым открытиям, и я поспешил задать следующий вопрос:

— Мне говорили о некой Клавдии Степановне. Вы не знаете, в каких отношениях состоял с ней Вышемирский?

— Слушайте их больше, сплетня это.

— Но вы помните эту женщину?

— Очень слабо. Собственно, она в то время только поступила на работу в институт. Помню, что одевалась строго, со вкусом, держалась независимо... Нет, больше ничего сказать не могу. И вообще: Вышемирский и женщины — понятия несовместимые. Все на кафедре знали, что он очень любил свою жену, а после ее смерти ничто, кроме работы, его не интересовало.

— Так ли?

Близко посаженные глаза Леонида Осиповича заблестели от любопытства.

— А что, есть другие данные? — Приняв мое молчание за положительный ответ, он воскликнул: — Ну и ну! Поистине: и на солнце есть пятна! Неужто...

— Других данных пока нет, — охладил я его пыл.

— А-а! — разочарованно протянул Головня. — Я-то думал! Если данных нет сейчас, то, я полагаю, их и не будет... Или вы думаете иначе?

— Я думаю: там видно будет.

— Тоже верно. — Он тут же потерял интерес к этой теме. По-моему, и ко мне тоже. — Жизнь преподносит и не такие сюрпризы.

Головня замолчал. Глаза его затуманились, взгляд устремился в густую темень за пределами площадки. Он будто забыл о моем присутствии, и

только пальцы его медленно перебирали мятый шелковый галстук.

— Закончить карьеру на сторожевой вышке,— послышалось с шезлонга так тихо, что я сначала подумал, не ослышался ли.— Кто мог подумать! Касьянов заведует кафедрой. Малиновский в Москве науку двигает. Черпаков почти доктор наук... Мне бы сейчас как минимум кандидатом быть, лекции студентам читать, материал собирать для докторской, а я здесь... круглый год облака считаю... Ошибка, сплошная ошибка... Вся жизнь — ошибка...

— Еще не поздно,— негромко в тон ему сказал я.
— Не поздно? — автоматически переспросил Головня.

— Бросайте свою вышку, Леонид Осипович.

Он вздрогнул, посмотрел на меня, и губы его вытянулись в кривой улыбке:

— Бросать, говорите?! Да я работаю в двух местах. И заколачиваю не меньше вашего Черпакова! Один мой знакомый в трех местах работает по совместительству. Смотрителем подземных переходов. И получает, между прочим, больше двухсот! Или этого мало?!

— Ну, если для вас все дело в деньгах...

— А в чем? В престиже? В самовыражении? В гражданской активности и общественном долге? Да мне плевать на все это! Здесь я чувствую себя во сто крат счастливее и спокойнее! Здесь я ни от кого не завишу!

— Концепция подземного человека?

— Какого человека? — не понял Головня.

— Вашего знакомого. Того, что работает сразу в трех переходах.

— А чем он хуже вас? — с обидой в голосе спросил Леонид Осипович.

— Просто интересно: он что, так и живет под землей?

— Неостроумно.

В это время снизу послышались голоса: на втором этаже бывшего пожарного депо начались занятия хорового кружка. После короткой паузы раздался высокий, чистый голос маленького певца:

Летите, голубы, летите,

Для вас нигде преграды нет...

Звуки плыли над землей, уносились вверх и растворялись в теплом неподвижном воздухе.

— Слышите! — Головня театрально взмахнул руками.— Слышите! Не хочу никаких споров! Свобода! Птички и детские голоса! Одиночество! Вот все, что мне нужно!

Он вздернул волосы, отчего они разлетелись длинными путаными прядями, вскочил на ноги и взвыл, задрав голову к небу:

— Смысл, в чем смысл нашего брэнного существования?.. Для чего мы пришли в этот мир?..

Голос певца смолк. Стало слышно, как прыгает в своей клетке щегол: «Трунк-трунк. Трунк-трунк. Трунк-трунк...»

Головня снова опустился в шезлонг, под свою пыльную настольную лампу, и обхватил ладонями голову. Мне показалось, что и сам он и вся его сторожевая вышка находятся в огромном черном ящике. Меня вряд ли он видел: я стоял вне освещенного лампой пространства. Вокруг было темно и пусто.

Так вот оно какое, одиночество, к которому он так стремился. На секунду я представил себя на его месте, и мне, честно говоря, стало жутковато.

Не попрощавшись, я стал спускаться на землю.

Глава 4

СРЕДА, 26 СЕНТЯБРЯ

1

Накануне мы с Зиной вернулись поздно. Стараясь не разбудить дочь, я перебрался на кухню и долго еще перечитывал рассказы Юрия. Спать лег, когда стрелки перевалили далеко за двенадцать.

А под утро мне снился сон. Мы с женой сидим на лавочке в парке, а вокруг, как водится в приличных снах, творилось что-то малообъяснимое: светило солнце, но было темно, из ничего возникали и исчезали в никуда люди. Призраки не призраки, а так, знакомые лица. Мимо по аллее спешил куда-то Сергей Сергеевич Черпаков. Следом вразвалку, с отсутствующим выражением, прошествовал Корякин. Олег Станиславович Маркин шел под руку с уборщицей из института. Они о чем-то оживленно беседовали, время от времени кивая вверх. Я поднял глаза и увидел планирующего над нашими головами Леонида Осиповича. Он самозабвенно хохотал, схватившись за бока, и почему-то был одет в козлиную шкуру, вылитый Робинзон Крузо. За плечами его плавно двигались большие, сколоченные из досок крылья. Я сразу догадался, что мастерил их Корякин. Только собрался объяснить

это Зине, как рядом с нами неожиданно оказался Андрей. «Ты неправ», — зачем-то сказал я, но он слышал это или делал вид, что не слышит. Раскрыв портфель, начал вытаскивать из него картины Юрия Вышемирского. Я узнал Медузу Горгону, охотников на лис. «Ты забыл про них, Володя», — сказал Андрей, — а ведь Юрий писал только своих одноклассников. Посмотри: это вот Шелчок, это девушка с длинными волосами, а это Мендозо. Жалко, у меня нет времени, я бы доказал...» «Умный ты мужик, Андрей, а занимаешься ерундой», — хотел сказать я, но к нам подошел Маркин. «Сегодня похороны Ивана Матвеевича — вы не забыли? — заговорщически зашептал он мне на ухо. — Я принесу букет желтых роз, а Юрий, знаете ли, обязан проводить отца в последний путь». В это время Головня начал пикировать вниз. Сквозь его демонический хохот послышался чей-то голос: «Он обязательно придет». Кто говорит, я посмотреть не успел. Разбудил телефонный звонок. Пока поднялся с постели, трубку на том конце провода повесили, и звонки прекратились. Это было похоже на продолжение сна: и там и здесь я умудрился что-то упустить.

В квартире пусто. Минут десять, как успел отзвонить будильник, а я даже не слышал. Зина ушла на работу, дочь — в школу. Пора было собираться и мне.

Пока я брлся, приводил себя в порядок, голова была занята перевариванием зрелища, которое подбросило мне подсознание. Как там у Гойи в «Капричос»? Сон разума рождает чудовищ. Это точно.

Зато в кухне во время завтрака появилась вполне здравая мысль: если кто-то из знакомых Юрия знает и скрывает от нас место, где он находится, о дне похорон отца по всем человеческим законам он ему должен сообщить. Значит, есть надежда, что сегодня Юрий появится в поле нашего зрения.

С этой мыслью я откусил первый кусок хлеба с маслом.

2

На коротком утреннем совещании оба мои помощника доложили о проделанной работе. Оказалось, утром домой ко мне звонил Сотниченко. Ему не терпелось рассказать о результатах встречи с Федором Перевозкиным.

Тот оказался крупным румяным мужчиной с рыжими во все щеки бакенбардами. Работал часовщиком.

— Меня, считай, все Красино знает, — сказал он инспектору. — У нас всего-то одна мастерская, а я первый часовщик.

Каминные часы он опознал сразу. И по стертой надписи, и по стрелкам, и даже по номеру, выбитому на внутренней крышке. Как он запомнил многозначное число, осталось тайной, но факт остается фактом: Перевозкин его назвал.

— Часики! Мои часики! — вскрикнул он высоким, почти женским голосом. — Это же они, мои трубадуры! Мои фирменные часы с трубадурами! Два года их ищу. Все-таки есть справедливость на белом свете.

Он любовно смотрел на круглый циферблат, украшенный тонким узором стрелки, бугристый корпус из желтого металла и на двух архангелов, которые, раздув щеки, беззвучно и, наверное, не один десяток лет трубили в свои изящные трубы. Это их мало смысливший в ангельских чинах и странствующих лириках Федор Перевозкин называл трубадурами.

— Мои часики! — не успокаивался он и поглядывал на Сотниченко, приглашая порадоваться за компанию. — Понимаете, был я как-то в командировке. Захожу в комиссионку, вижу — стоят шикарные вещи — сейчас таких не делают. Я прямо глаз оторвать не мог. Купил за восемьдесят рублей, все командировочные просядил. И считаю, дешево. Цена чего низкая была? Механизм испорчен; и часовая стрелка отсутствовала. А уж после ремонта я бы их и за сто восемьдесят не отдал! Ну, привез их домой, — продолжал Перевозкин, — почистил, неделю вручную детали вытачивал, еще неделю стрелку делал. А потом в витрине выставил. А как же, реклама — двигатель торговли! Первое время люди валом шли поглядеть, по выходным дням у мастерской собирались. Сейчас-то у нас в Красино народу не густо и развлечений раз-два и обчелся, а если честно, так, кроме клуба строителей и кинотеатра, нет никаких. Завод строится — гигант отрасли, но пока строители на отшибе живут. Дома, правда, начали строить — блочные девятиэтажные, как в большем городе. Так что скоро и цирк свой будет, а то и театр...

— А с часами как же? — напомнил Сотниченко.

Перевозкин глубоко вздохнул:

— Недолго они у меня простояли. Подлец один на

моих глазах разбил витрину и утащил моих трубадуров. Два года назад это было.

— И вы видели вора?!

— В том-то и дело! — Перевозкин хлопнул себя по колену. — Не так, как вас сейчас, но видел. Работал я допоздна, засиделся над швейцарским механизмом — сложный попался случай. Вышел поздно, около одиннадцати. Я ведь холостой, спешить некуда. Запер дверь на контрольный замок. Отошел, может, метров на сто — сто пятьдесят, слышу — звон. Вроде стекло разбили. У меня сердце екнуло, будто подсказал кто: «У тебя это, Федя, в мастерской». Оглянулся — вижу: по другой стороне улицы в мою сторону бежит высокий парень в светлом плаще, что-то за пазухой держит. На улице, как назло, ни души. Кинулся я через дорогу, а он меня увидел и еще быстрее припустил. Бегун из меня, сами видите, какой — вес не позволяет. Не догнал, короче, не успел лицо рассмотреть. Запомнил. Ну, вернулся к мастерской. А там — витрина вдребезги, и трубадуры моих словно ветром сдуло. Позвонил в милицию. Приехали, составили протокол, даже оварчуку привели. Но куда там — его и след простыл... Эх, знать бы мне, кто этот подлец! У нас в Красино вроде таких не водится. Люди все на виду. Если б свой украл — давно наружу вышло, да и лица подходящего во всем поселке нет.

— Чем же особенное лицо у него было?

— Разве расскажешь. Обычное лицо, просто запомнилось. Ух, бандюга!

— Как же вы его разглядели?

— Он, гад, оглядывался, когда убегал от меня. Лицо Перевозкина раскраснелось от волнения. — А на улице фонари горели. Ведь чуть не догнал его, с полметра оставалось. Обидно!

— Ну, хорошо, а если бы увидели его сейчас — узнали бы?

— Из тысячи бы узнал!

3

— Очень он за часы свои переживал, Владимир Николаевич, — закончил свой рассказ Сотниченко.

— Придется еще немного потерпеть.

Я привел в порядок план следственных и оперативно-розыскных действий, уточнил задание каждому и отпустил помощников.

За окном светило солнце, небо было ярко-голубым, без единого облачка. Хорошо бы выйти, подышать свежим воздухом, но были еще дела и здесь, в милиции, и в прокуратуре.

Освободился только через полтора часа. Надо было ехать на художественный комбинат, где работал Юрий Вышемирский, но прежде я решил побывать на улице Доватора. Не знаю, что тянуло меня туда, но предчувствие, что поездка не окажется напрасной, не обмануло — на конечной остановке автобуса внутри павильона на скамеечке сидел Олег Станиславович. Увидев меня, он заулыбался, закивал головой и показал на место рядом с собой.

— Владимир Николаевич, дорогой, как хорошо, что я вас встретил. — Он сделал слабую попытку подняться навстречу. — Вот, приехал специально, чтобы узнать, откуда тронется похоронная процессия: из дома или из больницы. У меня нет вашего телефона, ни позвонить, ни спросить не у кого. Пришлось отпрашиваться на работе. И вот досада: вышел из автобуса — сердце схватило. Прижало, знаете ли, и не отпускает.

— Может быть, «Скорую» вызвать?

— Нет-нет, благодарю. — Маркин прижал руку к груди. — Пустяки. Сейчас пройдет.

— Какое же у вас горе, Олег Станиславович? — спросил я, присаживаясь рядом.

— Горе? — удивился он.

— Сердце бьется ровно до тех пор, пока в голове не поселится горе, — напомнил я. — Ваш афоризм.

— Ах, да, — он слабо улыбнулся. — Возраст, знаете ли, такой, что малейшее волнение мгновенно сказывается.

— Понимаю, — посочувствовал я.

— Смерть человека, которого знал много лет, всегда несет с собой массу отрицательных эмоций. — Маркин оставался верным себе: безупречные обороты речи были его слабостью. — А как ваше самочувствие? Судя по детективной литературе, у вас беспокойная работа.

— Спасибо, на здоровье не жалуясь.

— А юный наследник? Не нашлся?

— Пока нет.

Мне захотелось нарушить идиллический строй нашего разговора и придать ему хоть какой-то смысл.

— Зачем же вы обманули меня в прошлый раз, Олег Станиславович? — спросил я.

— Я? Вас? — Он даже отодвинулся, чтобы лучше рассмотреть выражение моего лица: не шучу ли. — Владимир Николаевич, как можно?! Ни сном, ни духом, поверьте!

— Вы сказали, что были мало знакомы с Юрием, а это неправда.

Растерявшись, он даже не поинтересовался, откуда мне это известно.

— Но что вы, право... — Он втянул голову в плечи, отчего клинышек его бородки лег на грудь. — Тут какое-то недоразумение!

— Недоразумение?

— Я не думал, что несколько случайных встреч можно истолковать как знакомство накоротке. Вы что-то путаете, Владимир Николаевич, при всем моем уважении к вам...

— Где же вы с ним встречались? — спросил я.

— В музее. Где же еще. Надеюсь, вы не забыли, что я там работаю. Юрий приходил к нам.

— Зачем?

— Странный вопрос. Вы меня удивляете. Зачем посещают музей? Посмотреть выставку, экспозицию. Он приходил не ко мне лично.

— Но вы с ним беседовали, общались?

— Конечно, он же сын моего старого друга.

— И о чем вы с ним беседовали?

— Я спрашивал, как чувствует себя Иван Матвеевич. Ну и, разумеется, обменивались впечатлениями о выставках, беседовали о живописи.

— Он говорил вам, что пишет картины?

Маркин поморщился.

— Говорил.

— И показывал их вам?

Он приложил руку к груди и мученически зажмурил глаза.

— Нет, не показывал, — простонал он.

Я почувствовал, что хватил лишку.

— Вам плохо, Олег Станиславович?

— Да, знаете ли. Снова схватило. — Он оперся о мою руку. — Я с удовольствием отвечу на любые ваши вопросы, Владимир Николаевич, но...

— Конечно, конечно...

Олег Станиславович приподнялся со скамейки, и я поддержал его под локоть. Увидев подъезжающую машину с зеленым огоньком, он попросил: — Пожалуйста, очень вас прошу, остановите такси.

Я выполнил его просьбу, помог сесть в машину и перед тем, как захлопнуть дверцу, напомнил:

— Не забудьте, Олег Станиславович, в субботу комиссия по оценке коллекции.

«Бедняга, — подумал я, когда такси отъехало. — Так и не узнал, откуда двинется похоронная процессия. И я хорош — довел человека».

С того места, где стоял я, дом Вышемирских был виден как на ладони. Вернее, не весь дом, а его фасад и забор.

Осмотревшись и не заметив ничего подозрительного, я перешел через дорогу, прошелся вдоль забора, заглянул в окна. Никого.

«Доверять, но проверять», — решил я и постучался в калитку соседнего дома. Никто не отозвался. Наверное, Корякина не было дома. Это избавило меня от лишних хлопот. Я вошел. Дворик был пуст. Заглянул в сарай — тоже никого. Я прикрыл калитку, разбежался, подпрыгнул и, уцепившись за край стены, разделавшей два участка, подтянулся.

Не хотел бы, чтоб в этот момент меня видела жена или дочь, хоть на этот раз получилось лучше, чем в понедельник. Я взобрался наверх, искорябав при этом пальцы. Локти мгновенно стали белыми от мела и пыли, а на колени я побоялся смотреть. Прислушался. В саду Вышемирских не шелухнулся ни один лист. Я немного выждал и перепрыгнул на ту сторону.

Форточка в кухню была открыта. На то, чтобы просунуть руку, подцепить шпингалеты и открыть окно, у меня ушло чуть больше минуты. После этой несложной процедуры дорога в дом была открыта. Оставалось воспользоваться ею.

«Все свое свободное время следователь Скаргин посвящал искусству», — вспомнил я напоследок эпиграфию собственного сочинения и влез в кухню, оттуда мне беспрепятственно удалось пройти в комнату профессора. «Вот тебе, бабушка, и скрытый пост. Ну, помощнички, доберусь я до вас!»

Прихватив с письменного стола шариковую ручку — вещественное доказательство своего посещения, тем же путем я вернулся на улицу.

4

Автобус надрывно гудел, вздрагивая своим металлическим туловищем. Подъем давался ему нелегко. Транзисторный приемник в кабине водителя сбился с волны, и по внутренней трансляции вперемешку с отдельными словами слышался треск и раскаты несуществующего грома.

На гребне подъема он остановился. Казалось, что двигатель не выдержал борьбы с наклоном дороги, с жарой и заглох, одолев последние, самые трудные метры. С шипением открылись, потом закрылись двери, и только когда автобус перевалил через вершину и начал ходко катиться под уклон, разом

заговорили пассажиры, водитель настроил свой транзистор, в щели касс-автоматов дружно покатились пятаки.

Ехать было далеко. Я смотрел в окно на клонящееся к закату оранжевое солнце и вспоминал встречу с бригадиром Песковым на художественном комбинате. Встречу, которая выявила одну немаловажную деталь в деле Вышемирского.

— Сеня, — представился он после того, как узнал, кто я и по какому делу пришел на комбинат. — Хотите посмотреть цех?

Он повел меня между рядами столов, за которыми работали преимущественно молодые ребята. В углу несколько человек в белых халатах возились с большим ярким панно.

— Мы готовим образцы. Потом они поступают в массовое производство. К нам хотят попасть многие — работа интересная... А это — место Вышемирского. — Он подвел меня к столу, отделанному светлым пластиком. На нем лежала прямоугольная дощечка, расписанная маслом: березовая роща и садящееся за горизонт оранжевое солнце.

— Этот пейзаж он не успел закончить...

«Две неподписанные картины: одна дома, другая на работе. Не многовато ли?» — подумал я.

Мы вышли из цеха во внутренний двор, присели у фонтанчика с питьевой водой.

— Сегодня второй день, как его нет на работе, — сказал Песков.

— Вас это не удивляет? — спросил я и тотчас по какому-то неуловимым признакам, может быть, по выражению глаз понял, что разговора, состоящего из стандартных вопросов и ответов на них, у нас не получится.

— Знаете что, давайте я попробую рассказать сам, — предложил он. — А потом, если у вас останутся вопросы, вы спросите.

Я не возражал, и Песков начал с того, как совершенно случайно несколько лет назад с компанией ребят попал в гости к Вышемирскому. Послушали музыку, посмотрели его картины. Сидели недолго, люди подобрался разные, малознакомые, и до сих пор Песков не мог толком сказать, кто из них был приятелем Вышемирского. Собрались уходить. Юрий пошел провожать, и так получилось, что, когда все разошлись, они с Песковым остались вдвоем. Разговорились...

— Не пойму я, Юра, почему бы тебе не заняться настоящим делом?

— Что ты имеешь в виду?

— Твои эксперименты. Несерьезно это... Шел бы лучше к нам в бригаду, на комбинате художники нужны. Техникой ты владеешь, цвет чувствуешь хорошо, подучишься немного — будешь настоящим специалистом.

— Не агитируй. Я ведь картины пишу так, от нечего делать, в свободное время.

— А в несвободное чем занимаешься?

— Литературой балуюсь. Пишу рассказы.

— И получается? — спросил Песков.

— Вроде да.

— Жаль, а то шел бы все-таки, а?

— Чего я у вас не видел! Игрушки раскрашивать и ребенок умеет.

— При чем тут игрушки? У нас продукция разная: и маслом пишем, эмали выпускаем, чеканку.

— А как тебе вообще мои картины? — По тону вопроса Песков догадался, что на протяжении всего вечера его новый знакомый, как черепаха под панцирь, прятался за бравадой, хотел выглядеть уверенным, в то время как изнутри его точила какая-то тревога, и еще он почувствовал, что Юрий нуждается в поддержке, но не имеет ее.

— Как ты пишешь, мне понравилось, а вот что пишешь, извини, нет. Они у тебя эффектные, броские, мимо них не пройдешь, но, старик, этого мало, требования к настоящему творениям искусства намного выше. Ты дурачишься, и это можно понять, но когда-нибудь придется заняться делом всерьез, и спрос станет побольше. По себе знаю... Если в литературе ты тоже так, ничего из этого не выйдет. Согласен?

— Не знаю, — задумчиво ответил Юрий. — Может быть, ты и прав.

Песков был ненамного старше, возможно, поэтому Юрий вопреки обычной для него нерешительности смог быть с ним откровенным. Провожая друг друга от дома до остановки и обратно, они еще долго спорили о жизни, о литературе, о живописи. Взгляды не совпадали, они то и дело переходили на крик, но, как это часто бывает, расстались почти друзьями. И тот и другой не сомневались, что встретятся снова, но прошел день, другой, за ним еще и еще... Около двух лет прошло, прежде чем они встретились во второй раз. И снова свел случай.

Песков с группой дружинников дежурил на одной из центральных улиц города. У пивного ларька они услышали шум. Подошли. При виде дружинников спорщики поспешно разошлись. У длинной деревянной стойки остался только худенький высокий

паренек. Это был Вышемирский. Он узнал Пескова, пошатнувшись, сделал шаг навстречу.

— Сеня, друг! Сколько лет!

— По какому поводу ты так набрался? — спросил Песков, отведя его в сторону.

— Исключили меня, Сеня! Вылетел из института. — Он коротко хохотнул. — Поздравляй со вступлением в новую жизнь!

— За что исключили-то?

— За неуспеваемость. Три деида получил. — И, обращаясь скорее к какому-то невидимому, внутреннему своему собеседнику, чем к Пескову, он сказал: — Красиво отчислили. Родной отец принципиальность проявил, приказ об отчислении подготовил. Он ведь у меня профессор! Может, слышал? Книжки умные пишет, а сам, сам... — Стало заметно, что Юрий не на шутку расстроен. — Как ты считаешь, Сеня, отцам положено рассказывать сказки? Нет, ты скажи, положено? А если нет, то кто за них это должен делать?

Песков не знал, что сказать, но Вышемирский, похоже, и не ждал ответа.

— Положено, я точно знаю. — Он отвернулся. — Каждый отец должен рассказать хоть одну сказку. Иначе какой же он отец! — Мысли его сделали неожиданный скачок. — Мне уже двадцать три, понимаешь? И жизнь не простила мне ни одной ошибки. Ни одной! Я расплачиваюсь за каждую, расплачиваюсь сам. До сих пор. Даже за самую первую. А ведь я мог их не делать, Сеня! Мог, но делал, делаю и, наверное, буду делать...

Пескову искренне хотелось поддержать Юрия, успокоить, но как это сделать, он не знал.

— Слушай, старик, возьми себя в руки, ты же взрослый человек, — сказал он, но слова его произвели на Юра обратное действие.

— И ты туда же! — Вышемирский через силу рассмеялся. — Он ведь тоже считает меня взрослым. Вся жизнь хотел, чтобы я скорее стал взрослым, поменьше надоедал ему. А я назло ему остался мальчишкой. Да, мальчишкой, который любит кататься на качелях. Назло всем вам: тебе, ему, всем...

Песков записал номер своего телефона и дал его Юрию, но уже тогда понял, что Вышемирский не позвонит. Позже он часто вспоминал о Вышемирском и, чтобы избавиться от укусов совести, искал и находил все новые, как ему казалось, веские причины, оправдывающие его невмешательство.

— Все мы в таких случаях бываем дьявольски изобретательны, — сказал мне бригадир, задумчиво глядя, как из питьевого фонтанчика упругой струйкой бьет вода. — Я убеждал себя, что он взрослый, самостоятельный человек, что я сверх всякой меры загружен общественной работой. Тогда это звучало убедительно, сейчас — как лепет младенца. Год назад мы снова встретились. Внешне он совсем не изменился. Сказал мне, что временно работает почтальоном, изредка пишет картины. Я понял, что у него по-прежнему не все благополучно. Приходи, говорю, к нам, найдем тебе работу по душе. Он пообещал подумать. Через неделю пришел. Зачислил я его в бригаду. Работа ему понравилась, я это заметил сразу, но вот с ребятами он сходилась трудно. Со мной тоже не откровенничал. Держался обособленно, друзей так и не завел. Иногда удавалось втянуть его в разговор о работе, о живописи, но как только речь заходила о чем-то, имеющем отношение к нему лично, он замыкался.

Песков посмотрел на часы, давая понять, что наше время на исходе.

— Вы спрашивали, удивило ли меня отсутствие Юрия? Да, удивило. Надо было видеть его год назад и сейчас. Он сильно изменился. В лучшую сторону. Не люблю громких слов, но, по-моему, у него появился какой-то интерес к работе, к жизни, что ли. Юрий противоречивый, сложный человек, но, мне кажется, он начал привыкать к нам, а мы к нему. — Песков поднялся. — И вот что я вам еще скажу: произошло какое-то недоразумение. Рано или поздно он вернется на комбинат. Это мое личное убеждение.

Я поднялся вслед за ним. Спрашивать вроде было не о чем.

— У Вышемирского была девушка? — спросил я.

— Кажется, да. Несколько раз его встречала какая-то девушка. Мы вместе выходим после работы, и я видел, как она ждала его на углу.

— Давно это было?

— Первый раз я обратил на нее внимание еще весной.

— Опишите ее, — попросил я.

— Я видел ее издали, — ответил бригадир и после секундного колебания добавил: — Блондинка. Лет девятнадцать. И в руках цветы. Каждый раз полевые ромашки...

5

— Остановка «Минутная», — объявил водитель автобуса. — Прошу подготовиться к выходу.

НАПУТНОЕ

«НАПУТНОЕ — все, чем человек напутствуется, снабжается на путь, в дорогу», — объясняет Даль. Вместо греческого «пролог», вместо книжных «введение», «предисловие» он, как всегда, предпочитает народное речение. «Толковый словарь живого великорусского языка» — дело жизни Даля — открывается «Напутным словом».

«Человек рожден на труд», — писал Даль. Труд — смысл жизни, цель и оправдание ее, повторял он. И в подтверждение, по обыкновению своему, приводил пословицу: «Дерево смотри в плодах, а человека в делах».

«Пришла пора подорожить народным языком», — определял Даль смысл и цель своей жизни, предлагая современникам и потомкам «склад запасов» живого русского языка, как ходит он устно из конца в конец по всей нашей родине.

Мы должны изучать речь народа и усвоить ее, «как все живое усваивает себе добрую пищу и претворяет ее в свою плоть и кровь», — вот о чем радел Даль в течение всей своей многотрудной (то есть и непростой и исполненной многими трудами) жизни; слово «радеть» он толкует — усердствовать, желать всей душой.

Особое волнение, которое испытываешь, когда берешь в руки именно Далев Словарь, вызывается этой удивительным образом сохранившейся в нем народностью: каждое слово является здесь «на своем корню», питается «соками», на которых оно возросло (к чему составитель особенно стремился), за каждым словом непостижимо встает картина народной жизни, люди, создавшие это слово, метко и выразительно пускающие его в дело.

Ныне Словарь Даля менее всего справочное издание: многое в нем — и в словнике и в толкованиях — порядком устарело; впрочем, еще работая над Словарем, его создатель думал не о прикладном, не о подсобном его значении. Даль говаривал: если его Словарь понадобится человеку, чтобы «отыскивать встреченное где-либо, неизвестное ему русское слово», то «один этот довольно редкий случай не вознаграждает бы ни трудов составителя, ни даже самой покупки словаря».

Всякая встреча с «Толковым словарем живого великорусского языка» приносит радостное удовлетворение, поскольку одновременно и питает и пробуждает интерес к родному слову. Интерес в том многозначном его смысле, который Даль толкует и как заимчивость, и как пользу, и как значение, важность дела, и, наконец, как сочувствие (первозданный смысл слова «сочувствие» Даль определяет: «чувствовать согласно»).

СЛОВА И ПОНЯТИЯ

В «Фаусте» Гете Мефистофель, насмеялся над юнцом студентом, учит его облекать в слова бессодержательную речь, возводить теории «из голых слов». Студент, однако, осмеливается возразить: «Да, но словам ведь соответствуют понятия».

Даль называл себя «сборщиком» слов, но, собирая слова, он никогда не забывал о понятиях, за ними стоящих. Более того: десятки тысяч слов, которые знал Даль, были для него ценны не сами по себе, но тем множеством понятий, оттенков понятий, которые соответствуют каждому слову.

Понятие, определял Даль, — то, «что сложилось в уме и осталось в памяти, по уразумению, постижении чего-либо». Чем глубже уразумение, постижение жизни, тем больше понятий,

выраженных словами, складывается в уме и остается в памяти.

Можно сказать — «сани», но можно — «розвальни», «дровни», «салазки», «кибитка»: в конце концов все это «зимняя повозка на полозьях», как определяют слово «сани» почти все словари. Но «розвальни», «дровни», «салазки», «кибитка» живут в уме и памяти, не только объединенные общим понятием о средстве передвижения по зимней дороге: каждое из этих слов связано еще с целым кругом понятий, совершенно ему не родственных, но составляющих вместе с ним цельную жизненную картину, образ.

Одно дело:

«Зима!.. Крестьянин торжествуя на дровнях обновляет путь...»

Другое:

«Вот бегают дворовый мальчик, В салазки жучку посадив...»

Третье:

«Бразды пушистые взрывая, Летит кибитка удалая...»

Даль видел в языке важную часть «воспитания внутреннего» «нравственного образования»: язык должен приучить человека к пелен к своей почве, срастить с духом, бытом и жизнью народа. Познание жизни, формирование чувств может начинаться и нередко начинается со слова. Человек, для которого существуют понятия «розвальни», «дровни», «салазки», душевно богаче того, кто знает лишь «сани» вообще. Еще богаче тот, для кого слово — образ.

В Словаре Даля рассказано и про крестьянские дровни, и про маленькие городские сани — козырьки, и про обитые лубом дорожные пошевни, и про ручные санки — салазки, именуемые также чунки, и про крытые повозки — болочек и кибитку. Из Далева Словаря узнаем устройство саней и названия главных частей их. Тут же пословицы и поговорки, вроде: «Не в свои сани не садись», или «Каковы сами, таковы и сани», или «Телега дом собирает, а сани разоряют», где телега, сани — образ лета и зимы (парная повозка «Телега хлеб в дом возит, сани — на базар»). Тут же загадка: «Сани бегут, а оглобли стоят» — река и берега. Принятые речения, например: «санный путь — зимний». Производные слова: среди них саник — мастер, работающий сани или дровни. И другое значение того же слова саник, старинное (для Даля старинное!) — «санный конь»: пояснение: «при тогдашних (!) дорогах зимой всегда ездили гусем, к чему лошади должны быть приучены».

Слово — понятие — образ — картина. И в каждой картине новый круг образов, понятий и соответственно слов.

«Сани с верхом — болочек или кибитка».

«Кибитка — гнутый верх повозки, крыша на дугах, а также — вся телега или сани с верхом, крытая повозка». «Кибитку» находим в гнезде при слове «КИБИТЬ», которое в старину означало дугу, выгнутое на пару дерева для лука. Тут же — рассказец в несколько строк: «Кибить всегда бывала цельная, но каждая половина ее называлась рогом и была подложена козлиным рогом, подзором; на концы рогов сверху надевались модяны, брусочки с зарубками, для накладки очков тетивы...» и т. д.

...Морозным мартовским днем 1819 года Владимир Иванович Даль, в ту пору только что выпущенный из Морского кадетского корпуса мичман, ехал санным путем в кибитке к месту службы, на Черноморский флот. Для этого ему предстояло пересечь Россию с севера на юг, от Петербурга до Николаева. Сани легко катились по снежному полю. Ветер гудел, мел снег низом. Ямщик, закутанный в тяжелый тулуп, попускал лошадей, через плечо поглядывал на седока. Тот жался от холода, поднял воротник, сунул руки в рукава: новая, с иголочки, мичман-

ская форма греет плохо. Ямщик ткнул кнутовищем в небо, пробасил, утешая:

— Замолаживает...

— Как это — замолаживает?..

— Пасмурнеет, — объяснил ямщик. — К теплу.

Даль вытащил из кармана записную книжку, карандаш, подул на закоченевшие пальцы, вывел старательно: «ЗАМОЛАЖИВАТЬ — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии значить заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью».

Было это под Новгородом, у Зимогорского Яма.

Даль до конца дней сохранял тетрадку с этой первой записью, ставшей почти легендарной. Он объяснял: «На этой первой поездке моей по Руси я положил бессознательно основание к моему словарю, записывая каждое слово, которое дотеле не слышал».

Известно, таким образом, когда, где и с чего начался «Толковый словарь живого великорусского языка». Известно также, что более чем полвека спустя, в 1872 году, в Москве, где окончил он жизнь и труд жизни, Даль перел смертью подозвал дочь и попросил: «Запиши словечко...» — готовилось второе, «исправленное и значительно умноженное по рукописи автора» издание Словаря, которое самому автору увидеть уже было не суждено. В эти полвека с лишним Даль, если вывести «среднюю цифру», при двенадцатичасовом рабочем дне едва не каждый час записывал и объяснял одно слово.

О ПОЛЬЗЕ ЦЕПЛЯТЬ ЗНАНЯ

Мать Владимира Даля, руководившая его первоначальным образованием, часто повторяла: «Надо зацеплять всякое знание, какое встретится на пути; никак нельзя сказать вперед, что потом пригодится». Способность и любовь зацеплять знания жили в Дале смолodu, судьба предоставляла ему все новые возможности для «приложения сил».

Даль получил образование в Морском кадетском корпусе и на медицинском факультете Дерптского университета.

Он служил офицером на флоте Черноморском и Балтийском, военным врачом в сухопутных частях, участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 годов, был при осаде крепостей Силистрии и Шумлы, отличился в сражениях под Кулевчами и на реке Камчик, вместе с русской армией перешел через Балканы и вновь отличился при взятии Сливно и Адрианаполя. Позже он участвовал в польской кампании 1831 года и в неудачном Хивинском походе 1839 года.

Сохранились любопытные ученые труды Даля-медика, свидетельства его разнообразной и успешной практики (подчас самоотверженной — во время эпидемии чумы и в свирепствование холеры), сохранился приговор строгого судьи — великого Пирогова, аттестовавшего Даля хорошим хирургом («ловким оператором») и ценившего его научную мысль.

Долгие годы посвятил Даль чиновничьей деятельности — на разных ступенях служебной лестницы и в разных концах отечества: в Оренбургской губернии, считавшейся в ту пору «границей оседлой России», и в самом центре империи — Санкт-Петербурге, на Волге — в Нижнем Новгороде. Чинами его не обходили — дотянул до штатского генерала, наградами тоже жаловали: Даль поспеивался: «За Тульчин — чин, за Брест — крест, за долгие терпенье — сто душ в награждение». Были у Даля и чин, и крест, даже тысяча десятин (без душ), всемирно известнейшие пожалованных в далекой Оренбургской губернии, которыми он, однако, не воспользовался. Но Даль-чиновник старался отмечать и это свое поприще добрыми, справедливыми

ВА

трудами. Не случайно, конечно, важные господа говорили о нем осудительно: «Несносно честный и правдивый». Герцен же отмечал, что Даль в рассказах и очерках, отлично зная предмет «изнутри», отточенным пером разил «вампира русского общества — чиновника».

В течение сорока лет Даль выступал в литературе под собственным именем и под псевдонимом Казак Луганский. Полное собрание его сочинений, изданное в 1897—1898 годах, состоит из десяти томов (почти четыре тысячи страниц текста), в которых напечатано 145 повестей и рассказов, 62 короткие истории из сборника «Солдатские досуги», 106 коротких историй из сборника «Матросские досуги», статьи, очерки, но далеко не полно. «Каждая его строчка меня учит и вразумляет», — отзывался о Дале-писателе Гоголь. Среди тех, кто высоко ценил его творчество, были Белинский, Тургенев, Некрасов.

Даль много колесил по России, несколько раз пересекал ее с севера на юг и с запада на восток, объехал Прибалтику и Белоруссию, Молдавию и Украину, Приуралье и Поволжье, Башкирию и Казахстан. Всюду, где ему случалось жить и бывать, он неизменно вел наблюдения как этнограф, натуралист, статистик. Он, между прочим, был автором известных в его время учебников «Ботаника» и «Зоология». 19 сентября 1845 года в Петербурге, на квартире Даля, состоялось первое заседание Русского географического общества, — Даль стал одним из его членов-учредителей. Задолго до того, как сделались широко известны языковедческие занятия составителя Словаря, Академия наук «в изъявление уважения к заслугам» Даля совершенно в иных областях знания избрала его членом-корреспондентом по отделу наук естественных.

Даль понимал толк в земледелии и торговле, коневодстве и рыболовстве, возведении домов и судостроении; он сконструировал и навел плавающие мосты через полноводные реки — Вислу и Урал. Он знал многие ремесла — по собственному его признанию, с детства любил «копаться над какой-нибудь ручной работой»: умел сколотить табурет и выточить на станке шахматы, соорудить модель корабля и изготовить тончайшее украшение из стекла.

Впрочем, во всем этом — в умении узнавать новое, менять профессии, в легкости передвижения в ту пору, когда люди предпочитали служить надежно и жить оседло, в остром «чувстве языка» — было, должно быть, немало наследственного. Отец Даля, Иван Матвеевич (согласно формуляру, «из датских офицерских детей»), смолodu много учился, знал древние и новые языки и был из уважения к его учености и многоязычию выписан в Россию придворным библиотекарем; однако несколько лет спустя почел необходимым получить врачебное образование, после чего «управлял медицинской практикой» в Гатчинской волости и Петрозаводске, на угольных ломках Лугани, где и родился будущий составитель Словаря, и в Николаеве на Черноморском флоте. Мать Даля давала уроки по всем дисциплинам, включая математику и черчение, а также переводила — она свободно владела пятью языками.

В «Напутном» к Словарю Даль писал, что «разнородность занятий и службы», а также «наклонность ко всем ремесловым работам» «ознакомили его по языку и по понятиям с

АЩУМШР ЦАЛЪ

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

бытом разных сословий и состояний, наук и знаний».

Современников, встречавшихся с Далем, привлекала простота и (лучшего слова не подберешь) ясность его поведения, определенность суждений, желание помочь людям — без покровительства, ласковость — без слащавости, сдержанность в речах и совершенная точность в делах.

Он любил простой уклад жизни («днем работать, а ночью спать»), простую одежду («не на кафтане честь, а под кафтаном»), простую пищу («наедаться досыта одним блюдом»).

В скупой автобиографической заметке, подводя итоги, Даль писал: «Во всю жизнь свою я искал случая поездить по Руси, ознакомился с бытом народа, почитая народ за ядро и корень, а высшие сословия за цвет и плесень, по делу глядя, и почти с детства смесь нижегородского с французским мне была ненавистна».

СТРАНИЦЫ ЖИВОЙ ЖИЗНИ

Наверно, современники Даля, с ним знакомые, соболезновали ему, узнавая о перипетиях его жизни, о переломах в его судьбе: люди в то время не были склонны к серьезным переменам на однажды избранном пути, к частым и дальним передвижениям. Наверно, и сам Даль, случалось, о том сетовал, но, кажется, если не осознавал полной мерой, то **чувствовал** необходимость, **предназначенность** для него именно такой выпавшей ему судьбы.

Даль колесил по России, менял профессии, встречал на своем пути тысячи людей, а с ними — тысячи слов, и не отвлеченно названных, но слов, произнесенных к месту, употребленных в деле, слов-образов.

Сидел бы он в тихом пропыленном кабинете, листал толстые книги в кожаных переплетах, выписывал бы слова на розовые и желтые карточки, могло случиться — и Словаря бы не было: Далева — наверняка.

Что мог бы Даль, просидевший всю жизнь в тихом кабинете, рассказать, допустим, о конских мастях? Что черную лошадь называют **вороной**, а рыжую — **гнедой**? Но в «Толковом словаре» более подусотни наименований мастей: тут и **подвласая**, и **игреняя**, и **соловая**, и **розовая**, и **голубая**, и **изабелловая**, и **фарфоровая**, и **чанкираль**. Чтобы узнать про них, надо было служить в армии, смотреть, как объез-

жают коней в казацких станицах, тереться между цыганами, толкаться среди барышников в ярмарочной толпе. И ни в одной даже самой увесистой книге не вычитал бы кабинетный Даль таких необычных имен очень простой вещи — лодочного весла: **потесь**, **бабайка**, **слопец**, **лопастина**, **навесь**, **гребок**, **стерно**. Чтобы услышать их, надо

было служить на флоте, проводить часы с корабельными мастерами, плавать с рыбаками по Яику. И чтобы уверенно написать в Словаре (гнездо «ЛОЖКА»): «Деревянная ложка (главный промысел Нижегородской губернии Семеновского уезда) обрубаются из баклуши топориком, теслится теслою, острагивается ножом и режется кривым резаком, а черенок и коковка на нем точатся пилюкою, от руки. Ложка бывает: **межеумок**, простая, русская, широкая; **бутырка**, **бурацкая**, такая же, но толще и грубее; **боская**, долговатая, тупоносая; **полубоская**, покруглее той; **носатая**, **остроносая**; **тонкая**, вообще тонкой, чистой отделки. **Белая**, т.е. некрашенная, из первых рук идет 9—18 руб. ассигнациями тысяча, основная и березовая, кленовая крашенная до 75 руб. ассигнациями тысяча», — чтобы написать такое, непременно надо было побывать в этом самом Семеновском уезде, побеседовать с мастерами, прицениться к товару у местных торговцев и у перекупщиков на Нижегородской ярмарке...

Обживаясь в Оренбурге, Даль купил дом «со всеми угодьями и ужожами», как сообщал он столичным знакомым (ухожи, по Далеву толкованию, «домашние, хозяйственные строения, опричь жилого дома»), завел мастерскую («просторный покой»), поставил там письменный стол, шкафы книжные, верстак, токарный станок — поселялся надолго, но спустя годы, уже на новом месте, вспоминал со смехом, как один казах, с которым он подружился в степи, дарил ему верблюда:

— На что он мне, — сказал я.
— Да ведь есть у тебя дом (кибитка, юрта)?

— Есть.
— Так он будет таскать его.
— Дом мой не складной, а стоит на одном месте.

— И век так будет стоять?
— Покуда не развалится.
— Послушай, возьми верблюда, попробуй перенести дом свой на новое место — будет веселей!

Какое счастье, что Даль умел легко переносить дом свой на новое место, что жизнь Далева — не кабинетное затворничество, не заполнение и разборка карточек, хотя и толстые книги перелистывались, и карточки заполнялись и разбирались, вот только кабинета не было — Даль любил работать на людях. Страницы живой жизни стоят за страницами Далева Словаря.

Пути-дороги Далева подчас неожиданны, повороты иногда круты, но вопреки геометрии («Прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками») пословица учит: «В объезд, так к обеду, а прямо, так, дай бог, к ночи». Даль толкует пословицу: «укорачивая путь, часто плутают». Прямой (по Далю) — это еще «правый, истинный, настоящий», или — чудесное объяснение — «самый он». Непрямой геометрический путь Далева был **самый он**: всего точнее, всего истиннее он вел Далева к цели.

ПО НАСТОЯЩЕМУ ПУШКИНА

Огромные запасы слов накопил Даль во время русско-турецкой войны. Солдаты были крестьяне со всех концов России, они принесли с собой в армию свои слова. «Соберешь вокруг себя солдат из разных мест, — вспоминал Даль походные привалы, — да и начнешь расспрашивать, как какой-то предмет в той губернии зовется, как в другой, в третьей; взглянешь в книжку, а там уж целая вереница речений».

Тетрадок и записных книжек в походе набралось так много, что ни в один чемодан не уместались. Даль запаковал слова в тюки и навьючил ими верблюда. В одной из стычек верблюд попал в плен к неприятелю; Даль был в отчаянии, но, к счастью, казаки вскоре отбили горбатого зверя, груженного бесценной поклажей.

Даль не мог не искать применения своим запасам. Когда записей собирается столько, что их без верблюда не увезешь, вряд ли возможно, подобно пушкинскому Скупому рыцарю, удовлетворяться лишь сознанием своего богатства. Даль жаждал открыть свои сундуки современникам и потомкам, щедро одарить их накопленными богатствами, искал способ, который помог бы ему сохранить свои запасы и передать их людям.

«За словарь свой Даль принял за настоящее Пушклина», — записал со слов самого Далева издатель «Русского архива» П. И. Бартенев. В Словаре находим толкование: «НАСТАИВАТЬ... усиленно просить, домогаться чего, требовать неотступно, приказывать и наблюдать за исполнением».

Даль познакомился с Пушкиным осенью 1832 года. Поводом для знакомства была книжка сочиненных Далев русских сказок. «Пушкин по обыкновению своему засыпал меня множеством отрывчатых замечаний, которые все шли к делу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякого у нас на уме вертится и только что с языка не срывается. «Сказка сказкой», — говорил он, — а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать, надо бы сделать, чтобы учиться говорить по-русски и не в сказке... А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!» — вспоминал Даль первую встречу с поэтом.

«Пушкин живо интересовался изучением народного языка, и это их сблизило», — писал Бартенев со слов Далева.

Даль принял за Словарь по настоянию Пушкина: имеем право предположить, что в беседах с Пушкиным родилась мысль о словаре как наиболее удобном и действенном способе сбережения накопленных слов и речений, что Пушкин усиленно просил, домогался, требовал, чтобы Даль работал над Словарем, наблюдал по возможности за исполнением.

Идея Словаря могла явиться уже в первой беседе, поздней осенью 1832 года, или во время нескольких новых встреч в первые месяцы следующего, 1833-го, или, наконец, в сентябре 1833 года в Оренбурге, куда будущий составитель Словаря отправился служить и куда Пушкин прибыл, путешествуя по следам Пугачева. В Оренбурге Даль и Пушкин провели несколько дней неразлучно и, судя по малочисленным и отрывистым сведениям, касались в беседах сокровенных творческих впросов.

В конце 1836 года служебные дела привели Далева в столицу, Пушкин не раз навещал его, жадно знакомился с собранными сокровищами. Впечатление от последних встреч, наверно, более всего и высказалось впоследствии в исполненных чувства и содержания нескольких строках «Напутного слова»: «А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладою он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений — я не раз бывал свидетелем».

Роясь в бумагах Далева, Пушкин нашел незнакомое слово — «выползница». Даль объяснил: так называют шкуру, которую сбрасывают с себя змеи. Пушкин пришел в восторг от этого слова. Вскоре он пришел к Далю в новом сюртуке. «Какова выползница! — сказал он, звонко смеясь. — Ну, из этой выползницы я не скоро выползу. В этой выползнице я такое напишу!» А через несколько дней Даль сидел у постели смертельно раненного Пушкина и старался облегчить его последние страдания — «друг Даль», «брат Даль», «доктор Даль» (так говорили самые близкие к Пушкину люди,

так сам Пушкин говорил). Именно Даль провел с поэтом его последнюю ночь, именно его просил Пушкин за несколько минут до кончины:

— Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше!

Приоткрыл глаза:

— Мне было пригрезилось, что я с тобою лезу вверх по этим книгам и полкам, высоко — и голова закружилась...

И снова:

— Ну, пойдем же, пожалуйста, да вместе!..

На память о Пушкине достался Далю черный сюртук с дырочкой от пули против правого паха — **выползница** — и перстень с зеленым камнем, о котором Даль говорил: «Как взгляну на него — хочется писать». Но подлинной памятью о великом друге стал для Далева начатый по его настоянию «Толковый словарь».

ОДИН МОЖЕТ СЛОЖИТЬ КОСТЕР

«В последнее время у нас заметна стала особая любовь к исследованию своего, родного и народного...» Так начиналось обращение к читателям «Отечественных записок», в котором редакция от имени Далева просила «помочь ему в общем деле и снести хотя по лепте с брата, отчего можно бы не только разжиться убогом, но и десятирицей разбогатеть боготому», — присылать слова, а также пословицы, поговорки, сказки, описания обычаев и обрядов, игр, быта домашнего и семейного, особенностей занятий и промыслов. Это составит, объяснял Даль, «одно целое этнографическое сокровище».

Это сокровище для Далева всего дороже: ради него искал Даль и записывал, исследовал и толковал десятки тысяч ходящих по всей Руси великой слов. Он говорил, что слова нужны ему «столько же для изучения языка, сколько и быта народного». В отчетах и докладах, с которыми ему случалось выступать, он не просто обнародовал накопленные запасы, но показывал, как в словах и речениях раскрывается та или иная сторона народной жизни. Именно эта мысль ляжет в основу Словаря. «Его можно читать, как книгу», — изумленно говорили о «Толковом словаре» современники Далева, не привыкшие к такому чтению. Один из первых исследователей Далева труда писал: «Словарь Далева — книга не только полезная и нужная, это — книга занимательная: всякий любитель отечественного слова может читать ее или хоть перелистывать с удовольствием. Сколько он найдет в ней знакомого, родного, любезного и сколько нового, любопытного, назидательного! Сколько вынесет из каждого чтения сведений драгоценных и для житейского обихода и для литературного дела».

Даль называл своих корреспондентов «доброхотными дателями» (иногда — «датчиками»: это слово, кстати, в течение ста с лишним лет ни в какой другой словарь, кроме Далева, не вошло; лишь недавно в новом своем — научном — значении оно попало в словарь «новых слов»). Среди «датель» были люди известные — писатели, ученые, но были и ничем не прославившие себя учителя, студенты, чиновники, офицеры, газетчики, гимназисты. Вначале Даль благодарил некоторых через журналы поименно, но в «Напутном», предпосланном Словарю, поблагодарил сразу всех: «Назвать я мог бы только немногих, упустив в свое время записывать для памяти, что и от кого получено. Из сотни имен я теперь не мог бы вспомнить и десятка... Надеюсь, что такое упущение с моей стороны никого не заставит пожалеть о сделанном добром деле». Одному из таких помощников Даль объяснял убежденно: «За труд Ваш в словаре не смею и благодарить: Вы

работаете для дела, как и я, и каждому из нас придется своя доля признательности общей». Мысль, изреченная Далем, очень дорога: собирание и сбережение «сокровища» — дело общее и дело доброе.

Даль свое убеждение докажет на деле — из подвижника-собирателя он способен самоотверженно превратиться в бескорыстного «доброхотного дателя». В 1856 году к нему обратится издатель русских народных сказок Александр Николаевич Афанасьев: у Далева собрано около тысячи сказок, а запасы Афанасьева иссякают. Словарь Далева не окончен, сборник повестей им составленный, тоже пока не увидел света, а тут объявился молодой «удачник» (Даль его в глаза не видел, имени и отчества не знает), и на тебе — отворил сундуки. Но Даль не думает о славе, он радует о деле общем, радуется за сказку: «Предложение Ваше принимаю с удовольствием... У меня собрано сказок несколько стоп... Как успею разобрать их, так и доставлю... Почестей не нужно мне ровно никаких... Передаю Вам собрание мое, не связывая Вас ничем...»

Записи народных песен (около трехсот) он подарил собирателю Петру Киреевскому, богатое собрание дубочных картин отослал в Публичную библиотеку.

До нас дошли имена немногих, правда, корреспондентов Далева, того дорожке — дошли указания места, откуда присланы слова. Из них явствует, что слава Далева-собирателя далеко пошла: поистине «знают и в Казани, что люди сказали», и не в одной Казани, а в губерниях Тверской и Курской, Новгородской и Саратовской, в Уфе, Иркутске, Ставрополе, Перми, Тобольске, а также в Арзамасе, Вышнем Волочке, Шенкурске, Чердыни и вовсе неведомых Василе и Лесках...

Даже самое смелое воображение не сразу постигает, что Далев Словарь — труд одного человека. Даль же смолоду, с первых шагов, почитал работу над Словарем не только своим, собственным делом — оттого просил помочь, но не требовал, оттого «датель» именовал «доброхотными», оттого, получая посылки со словами и речениями (многие из которых и без того знал или наверняка узнал бы), не только подарку радовался, но тому прежде всего, что «полка прибыло», что еще кто-то принес лепту в общее доброе дело. Признание его дела общим — вот что для Далева всего главнее. Оттого и взывал: «Один в поле не воин, и головина одна в чистом поле гаснет, а сложи костер, будет гореть. Что может сделать один?..» Один может сложить костер. Не посылки дороги — они вместе составляют несколько сотых, от силы десятую часть помещенных в Словаре слов: Даль в душах людских зажигал огонь — вот что все-го дорожке.

ЦЕНА СЛОВА

Ни у кого не было столько слов, сколько у Далева. В 1847 году появился «Словарь церковнославянского и русского языка», составленный отделением Академии наук. В нем 114749 слов. Далю предложили продать академию его запасы. Ему давали по 15 копеек за каждое слово, пропущенное в академическом словаре, и по 7,5 копейки за дополнение и поправку. Даль ответил: «Возьмите все мои запасы безвозмездно и меня возьмите — за небольшое жалование буду вместе с вами трудиться над словарем». Не согласились. Сочли приличнее торговаться словами по пятиалтынному за штуку. Даль рассердился: отослал в академию тысячу слов и тысячу дополнений, на конверте написал: «Тысяча первая». В академии исполнились — значит, будет и вторая, и третья! Запросили Далева, много ли у него таких добавлений. Он стал считать: ну, к примеру, на букву «В» — 3450, на «З» — 7230, на

«К» — 4200, на «Н» — 9280, всего же наберутся десятки тысяч. В академии прикинули и решили денег больше не тратить. Сохранился документ: Далю выплатили 157 рублей серебром, но просили «приостановиться дальнейшей посылкой» собранных им слов.

В ту же пору Даль имел случай убедиться, что слово в самом деле стоит куда дороже пятиалтынного. Печально известный «Комитет для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений», рассматривая рассказ Даля «Ворожейка» о плутнях мошенницы, обокравшей простодушную крестьянку, обратил внимание на заключительную фразу: «Заявили начальству — тем, разумеется, дело и кончилось». Эти слова были поняты как «намеки на обычное будто бы бездействие начальства», о чем комитет счел нужным доложить самому государю. Последовала царская резолюция: сделать Далю строгий выговор и объявить, что «подобное не дозволяется никому», а лицу должностному «еще менее протитительно». Министр внутренних дел, у которого Даль управлял канцелярией, призвал его к себе и, по свидетельству осведомленного современника, «выговорил ему за то, что, дескать, охота тебе писать что-нибудь, кроме бумаг по службе, и в заключение предложил ему на выбор любое: писать — так не служить, служить — так не писать».

«Времена шатки, береги шапки», — часто приговаривал Даль в ту пору: был год 1848-й, год европейской революции; император Николай I призывал «обращать самое бдительное внимание на собственный край». Министр, выговаривая Далю от высочайшего имени, пенял ему не за одно лишь словечко «разумеется», но припомнил также еженедельные Далевы «четверги», на которые собирались писатели и ученые (хотя знал, что ничего предосудительного на «четвергах» не было), припомнил записки, которые вел Даль (хотя о содержании их был осведомлен). Даль собрания прекратил, записки уничтожил. Выбор был предпринят: каково жить литературным трудом, Даль хорошо знал, а «у меня за стол садятся одиннадцать душ», — писал он однажды, прося гонорара, когда туго стало с деньгами. Надо было тянуть лямку до пенсии — он попросил назначения подалше от столицы: в Нижнем Новгороде освободилось место управляющего конторой.

СБОРНИК НАРОДНОЙ МУДРОСТИ

Работая над Словарем, Даль составил одновременно сборник «Пословиц русского народа». Объем его громаден — 30 130 пословиц и поговорок. Из чужих сборников, объяснял Даль, взято всего около пятой части речений: большинство собрано «по наслуху, в устной беседе». Главнейшим источником своего сборника Даль называет «живой русский язык, а главное, речь народа».

Даль отказался от размещения пословиц по алфавиту. «Расстричь их и расположить в азбучном порядке может всякий писарь», — посмеивался он. Собранные тысячи он разделил по содержанию и смыслу. Сто семьдесят девять тем: «Родина», «Народ», «Вера», «Правда», «Достаток», «Горе», «Человек», «Вселенная», «Закон», «Бедность», «Дом», «Семья», «Дети» и т. д. Даль хотел открыть читателям выразившийся в пословице «народный быт вообще, как вещественный, так и нравственный», хотел, чтобы читатели могли сделать «вывод, общее заключение о духовной и нравственной особенности народа, о житейских отношениях его».

Именно поэтому Даль не считал себя вправе выбирать из общего «склада запасов» одни пословицы и отбрасывать

другие: он всю жизнь повторял, что почитает народ за корень, верил народу беззаветно, слышал в собранных речениях мнение народное.

Стоит ли удивляться, что история напечатания «Пословиц русского народа» растянулась без малого на целое десятилетие. Суждения цензоров и рецензентов, духовных и светских, академических и чиновных, Даль обобщил в «Напутном» к своему труду: «Нашли, что сборник этот и не безопасен, посягая на развращение нравов». В отзывах и в самом деле читаем: Даль «смешал назидание с развращением», священные тексты «кощуннически соединил с пустословием народным», поместил «изречения, опасные для нравственности народной», и вообще — «народ глуп и болтает всякий вздор». Далев же труд есть «памятник народных глупостей» (а Даль-то полагал, что мудрости народной!). Он писал в «Напутном»: «Мы собираем и читаем пословицы не для одной только забавы и не как наставления нравственные, а для изучения и розыска, посему мы и хотим знать все, что есть». Когда сборник был все же разрешен к печати, Даль поставил на титульном листе эпиграфом: «Пословица несудима».

ПОДВИГ

Первое издание «Толкового словаря живого великорусского языка» появилось выпусками (всех выпусков — двадцать один) с 1861 по 1867 год. В Словаре приведено, растолковано (словарь не оттого назван толковым, что мог получиться и бестолковым, шутил Даль, а оттого, что «объясняет подробности слов и понятий им подчиненных») и снабжено примерами около двухсот тысяч слов. Расположение слов, приемы толкования их, характер примеров — все было ново, все найдено самим Далем, все подчинено его желанию пробуждать и укоренять в нас живую любовь к живому русскому слову.

Словарь он завершал уже в Москве, в большом старинном доме на Пресне, где поселился со всеми чадами и домочадцами (Даль был дважды женат; у него было пятеро детей — сын и четыре дочери), бесконечными родственниками, которые брались неведомо откуда, с гостями-постояльцами, которые, случалось, заживались на годы. Рабочий стол Даль поставил в зале, где разрешалось громко разговаривать, шуметь, смеяться — уединения он и к старости не полюбил: «Хотя тесно, да лучше вместе. В тесноте люди песни поют, а на просторе волки воют». Он появлялся в зале рано утром, усаживался за стол, клал по правую руку красный фуляровый платок и табакерку, изготовленную им самим из березового капа, и поглядывая в окно на тихий дворик, заросший бузиной и шиповником, принимался за дело. Он наказывал домочадцам: «Если у нас в доме случится пожар, то вы не кидайтесь спасать какое-либо имущество, а возьмите рукопись Словаря вместе с ящиками стола, в которых она находится, и выносите на лужайку, в сад».

Завелся в доме внуки — Даль любил смотреть на их возню. Он отрывался от Словаря, писал для малышей крохотные повестушки, обрабатывал народные сказки, подбирая песни, загадки, пословицы. Он верил, что «молодому поколению предстоит сильная борьба за правду».

На закате жизни Даля его портрет написал художник Перов. Даль, одетый в темно-коричневый с вишневым оттенком халат, сидит неподвижно в глубоком, старинном кресле; борода, седая, мягкая, как бы стекает со впадных щек; под четко очерченными бровями очень ясные, много знающие и чуть удивленные глаза. Руки спокойно сложены, но не кажутся бездельными, незанятыми; пальцы длинные и тонкие, но кисть крепкая и жесткая, — Даль и в старости не забросил токарного станка, мастерил ларцы,

пристрастился вырезать рогатые мотовила для наматывания пряжи. В кресле Даль не отдыхает — работает: он думает.

Даль понимал, какой огромный труд взвалил на свои плечи. «Помощников в отделке словаря найти очень трудно, и правду сказать этого нельзя и требовать: надо отдать безмездно целые годы жизни своей, работая не на себя, как батрак», — писал он. Но писал, не сетуя: Словарь был его дело, нужное всем.

Историк Погодин пекся о славе Даля: общество, принимая его труд, ничем не вознаградило того, кто жизнью пожертвовал для этого труда, «Даль есть московская знаменитость; его надо отыскивать русским путешественникам и показывать иностранцам». А «московская знаменитость» Даль держал между тем корректуру, то есть читал и правил отписки с набора. Над Словарем типографским наборщикам пришлось потрудиться: много непривычных слов в тексте, часто приходилось менять шрифты — Даль просил для наглядности главное слово в словарном гнезде набирать прописными буквами, производные слова жирным курсивом (искося), толкования слов прямым светлым шрифтом, примеры светлым курсивом и т. д.; на протяжении нескольких строк шрифт иной раз менялся четыре-пять раз. Обычно читают две или три корректуры, но в словаре не должно быть ни одной опечатки, и Даль держал четырнадцать корректур! Четырнадцать раз подряд с величайшей тщательностью, цепляясь за каждую букву, за каждую запятую, прочитал четыре с лишним тысячи страниц плотного текста (вздохнул: «Для одной пары старых глаз работа и впрямь тяжела и мешкотна»). Еще выходят в свет лишь первые выпуски, а Даль уже находит в своем труде «пропасть неисправностей» — собирает дополнения, исправляет упущения, уточняет толкования. Его превозносят — он шутит: «Меня теперь шестом не достанешь». И просит строгих критических суждений: снисходительность показывает небрежение к труду. Жалуется, что стар, немощен, но до последнего дня не оставляет работы; бормочет любимую прибаутку: «А когда досуг-то будет? А когда нас не будет», — пока суд да дело, успел подготовить для второго издания около пяти тысяч поправок и дополнений. Даль был нешумлив, не желал «блеска и грома»: в участии и одобрении «каждый труженик нуждается не ради тщеславия, а ради поддержки сил, требующих убеждения, что труд пошел на общую пользу». Когда в частном письме среди деловых замечаний и житейских размышлений он вдруг прорывается: «Я полезу на нож за правду, за отечество, за Русское слово, язык!» — ему верить.

Всего дороже было для него ощущение этой общей пользы, им принесенной. «С глубоким почтением я преклоняюсь перед сотворенным Вами вечным памятником о себе; перед Вашим терпением, лишениями и неколебимой стойкостью, которые Вы принесли в дар Отечеству. Вы не остались в долгу в этой жизни, но заплатили десятилетиями за все, что получили в ней», — писал Далю читатель «Толкового словаря», провинциальный чиновник. И несколько лет спустя, услышав о смерти Даля, почти то же написал Иван Сергеевич Тургенев: «Он оставил за собою след: «Толковый словарь» и мог сказать: «Ехегі поупментум»».

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАСЛУГИ

«Толковый словарь живого великорусского языка» стоял в кремлевском кабинете Ленина среди самой необходимой справочной литературы — на этажерке-вертушке рядом с письменным столом, всегда под рукой.

По воспоминаниям В. Д. Бончу-Бруевича, Владимир Ильич постоянно и очень внимательно изучал Словарь, интересовался «поговорками и пословицами, которые там были приведены», читал Словарь как увлекательную книгу и «высказывал свое восторженное отношение перед разнообразием эпитетов и другими образными выражениями русского языка».

«Стоило только при Владимире Ильиче произнести какое-либо незнакомое ему русское слово, как он немедленно учинял допрос: «Откуда вы взяли это слово, правильно ли вы его употребляете...» И неизменно рылся в известном словаре Даля, высоко расценивая его авторитет...» — рассказывал Г. М. Кржижановский.

Н. К. Крупская вспоминала: «Чтобы понять, какая образность близка крестьянину, Владимир Ильич, между прочим, особенно внимательно читал и изучал словарь Даля, настаивал на его скорейшем переиздании».

Владимир Ильич Ленин писал о Далевом Словаре: «Великолепная вещь, но ведь это областнический словарь и устарел. Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками, от Пушкина до Горького...»

Словарь классического русского языка?..»

«Скорейшее переиздание» труда Даля, таким образом, не только не исключало, но предполагало обязательное создание словаря современного («настоящего»), литературного («от Пушкина до Горького») русского языка. Именно такой словарь, в котором слова литературного, общеупотребительного, «классического» языка не были бы тесными словами областными, крестьянскими, профессионально-ремесленными, стал необходим в эпоху борьбы за всеобщую грамотность народа. Именно такой словарь стал необходим Советскому государству.

ПЕРЕДНИЙ ЗАДНЕМУ МОСТ

Время бесконечно рождает слова. Но оно же и убивает их, обрекая на забвение. Словарям не просто угнаться за временем.

Составители словаря-справочника «Новые слова и значения», изданного в 1971 году, выявляя слова, которые употребляются в советской прессе и литературе, но отсутствуют в имеющихся толковых словарях, обследовали источники, относящиеся ко второй половине 60-х годов, и обнаружили три с половиной тысячи новых, не вошедших в толковые словари слов и значений.

Даль любил повторять: «Передний заднему мост» — движению вперед нет конца, новые поколения продолжают дела минувших.

Даль старался для «более даровитых и ученых тружеников, которым уже легче будет дополнять, чего недостает, найдя одну часть дела готовую».

Многих «простых» нынешних слов у Даля, понятно, нет, как нет многих значений, толкований, ныне более принятых, чем те, которые приводит Даль. Мы многое узнаем из Словаря Даля, но мы знаем многое, чего не знал Даль. Мы хранили слов и представлений, которые пришли в мир после Даля. Мы продолжатели его дела, те, о ком Даль писал с надеждой и верой: «Найдутся люди, которые родятся и образуются под влиянием и при сподручности других и более счастливых обстоятельствах, нежели мы, и попытки их будут удачнее».

Нас не может не волновать подвижничество Даля: сила подвига зовет к подражанию, Чехов не случайно писал о «благородной заразе подвига».

И это облагораживающее человека чувство причастности к великому делу не оставляет нас, когда мы читаем Словарь Даля.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ

Мария БОГДАНОВА.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты
«Смены»

ихонько, чтобы не заметила мать, выбрался Гермес из пеленок, выпрыгнул из колыбели и прокрался к выходу из грота. Там он увидел черепаху и, поймав ее, сделал из панциря и трех веток первую лиру, натянув на нее сладкозвучные струны...

Так повествует миф о возникновении далекого предка наших струнных инструментов...

И флейта — один из древнейших духовых — тоже имеет свою легенду. О ней пишет римский поэт Овидий... Однажды Афина отломилла самшитовую ветвь, и в ее божественную голову пришла идея просверлить в полом самшите отверстия. И возникла флейта. Но «в волнах зеркальных» увидела богиня, как раздулись при игре щеки, «лицо исказив». И в гневе отбросила флейту богиня. Ее подобрал сатир Марсий, научился на ней играть, и «вскоре искусством своим чваниться стал он среди нимф».

Так первые открытия, сделанные человеком в мире музыки, обретали в воображении людей величественное и чудесное обличье мифа. Гений первого мастера и первого исполнителя еще не мог быть соотнесен в сознании с каким-то одним, земным человеком, таким, как все.

А вот имя того, кто создал в XIX веке саксофон, вошло даже в само название инструмента. По замыслу бельгийского мастера Адольфа Сакса, он должен был соединить в своем звучании свойства деревянных и медных духовых музыкальных инструментов. Сакс применил совершенно новый принцип построения. Весь корпус он сделал из металла, а клапанный механизм и трость (наконечник из одной тростниковой пластины, прикрепленной к мундштуку, по форме напоминающему птичий клюв) он заимствовал у деревянных духовых (гобоя и кларнета). Так родился поразительный по своему звучанию музыкальный инструмент. Начав свое существование в военно-духовых оркестрах Франции, саксофон обнаружил такое богатство окрасок и тембров, что вскоре зазвучал в оперных и симфонических оркестрах. Этому инструменту подвластна передача самых разнообразных чувств и настроений — от безудержного веселья и экстравагантного юмора до трагизма и романтического настроения. А когда в начале XX века появились джазовые ансамбли, то яркость и экспрессивность звучания сделали саксофон «королем джаза».

Среди духовых он, пожалуй, самый популярный у молодежи инструмент. А на Московском комбинате по производству музыкальных инструментов его внедрил в производство один из старейших мастеров, Борис Иванович Демин. «Без этого красавца, — говорит он, — семейство инструментов нашего духового цеха не было бы таким уважаемым и ценным».

По специальным лекалам вырезаются из латуни заготовки для прямого и кривого колена саксофона. Соединившись при сборке, они примут своеобразную изогнутую форму, напоминающую букву S, на конце возникнет конический

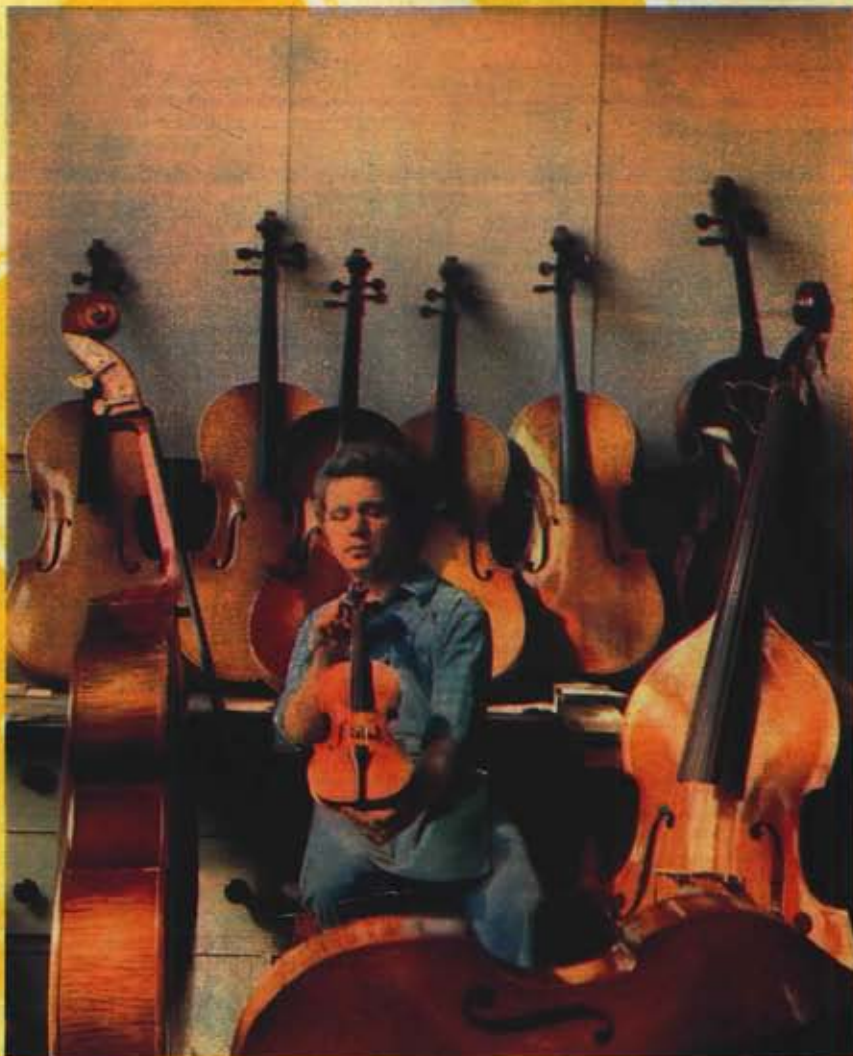
раструб, похожий на маленький колокол. Подчиненный этой форме столб воздуха и есть та «струна» инструмента, колебания которой рождают звук. Качества его зависят от того, насколько точно и аккуратно будут совершены первые операции, силой и огнем покоряющие металл. А тем временем на токарных и револьверных станках вытачивается множество мелких деталей, которые, как маленькие улитки, облепят при сборке весь инструмент от мундштука до раструба. Сборка и пайка, вероятно, самая кропотливая и тонкая работа при создании саксофона. Конструкция его сложна, одних только клапанов, меняющих высоту основного тона, около двадцати. В движение их приводят рычажки, собрать которые тоже своего рода ювелирная работа. «Как бы ни развилась техника, — говорит мастер Демин, — только руки смогут хорошо выполнить сборку, пайку и подгонку». Та-

ЮВЕЛИРНАЯ РАБОТА НАСТРОЙЩИКА ТРЕБУЕТ ТЕРПЕНИЯ И УПОРСТВА.

«ШЕЙКА» ИНСТРУМЕНТА ДОЛЖНА БЫТЬ СОВЕРШЕННА, ЧТОБЫ СОВЕРШЕНЕН БЫЛ ЕГО ГОЛОС.

ская цель имеет для него вполне реальную значимость.

...Подмосковье. В небольшом живописном поселке «Правда» расположен институт, в лабораториях которого более десяти лет ведутся работы по усовершенствованию производства различных музыкальных инструментов — от баяна до электрооргана. Здесь решается, где и как можно заменить ручной труд машинами, как объективно, на научной основе оценить тонкие, трудноопределимые качества музыкальных инструментов, что может помочь работе настройщика... Здесь ищутся пути разрешения той задачи, о которой говорил молодой мастер Саша Рябец: как сделать, чтобы скрипка с фабричной маркой была не хуже скрипки с личным клеймом прославленного мастера? Возможно ли это?

Одна из последних научно-технологических тем, разработанных институтом, говорит: да. Был найден

ЭТИ СТРУНЫ ПОКА ЕЩЕ МОЛЧАТ, ХРАНЯ БОГАТСТВО ЗВУКОВ...

БУДУЩЕЕ СКРИПКИ ЗАВИСИТ ОТ МАСТЕРСТВА РУК ЕЕ СОЗДАТЕЛЕЙ.

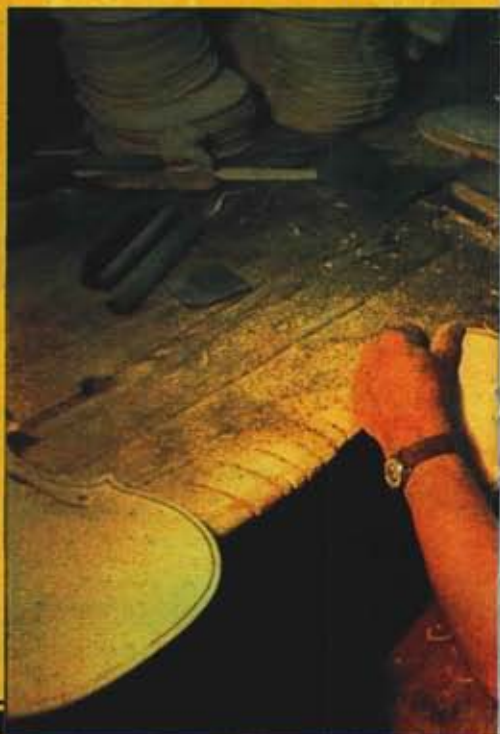
кие же слова мы могли бы услышать и в цехе смычковых инструментов. Да, только руки мастера способны превратить простой еловый брусок в изящную скрипичную шейку.

Рождение скрипки похоже на рождение цветка. Вот почки — заготовки (их называют делянки), теперь из них намечаются лепестки — деки, потом появляются и бутон — деки слегка выгнулись и по две, обвитые ободком (обечайкой), стали уже похожими на скрипку, какой мы привыкли ее видеть.

Рука молодого мастера оглаживает

шейку скрипки, проверяет тщательность отделки. Сейчас к ней будет пригоняться гриф — черная пластина, вдоль которой протянутся струны к колкам. Пригонка грифа к шейке требует большой аккуратности и точности исполнения. И от нее во многом зависит дальнейшая жизнь инструмента, его голос.

— Добиться того, чтобы наша фабричная скрипка звучала не хуже «Страдивари» — ну, чем не задача. — Саша Рябец, молодой мастер, улыбается, но видно, что эта, в общем-то, фантастиче-

ИНСТРУМЕНТЫ

мастер кропотливой и тонкой работой крохотным рубанком. Им выстругиваются лишние доли миллиметра в десятках мест на небольшом тельце деки.

Когда это будет достигнуто, дерево возьмет под легким ударом определенную ноту. Какую? Мастер Серов хитро улыбается и убирает свое детище в шкаф: «Настройка — мой секрет».

Личный секрет мастера? Такое возможно, пожалуй, только на столь уникальном производстве, как изготовление скрипок.

Не по скупости, не по душевной скардности хранил великий Антонио Страдивари тайны создания скрипки. Даже на закате дней он не открыл их и своим детям. Жадный, хоть и гениальный старик? Но ведь достигнуть совершенства в скрипичном деле, создать свою уникальную скрипку можно, только сделав самостоятельные открытия.

ло Амати. У него Антонио узнал значение точного распределения толщин дек, научился вырезать эфы — звуковые отверстия в виде латинской буквы Z, понял, как правильно следует выстругивать вроде бы незаметные и в то же время столь важные детали, как дужка и пружина. (Дужка — небольшая дощечка, приклеивающаяся к внутренней стороне верхней деки. И от того, как выполнена эта маленькая и невзрачная деталь, зависит звучание всего инструмента. А тонкая пружина, соединяющая верхнюю и нижнюю деки, это ведь тоже как бы волшебная палочка: где и как она коснется обеих дек — так и будет звучать скрипка.)

Антонио Страдивари пришел к Амати мальчиком «на побегушках», а через несколько лет его скрипки заиграли так же, как и у самого мастера Николо.

«Страдивари под Амати», — говорили

В ассортиментном зале Института музыкальных инструментов центральное место занимает пианино. По праву. Ведь этот инструмент — наиболее популярный, ни один другой не сравнится с ним в том, как широко и разнообразно используется он в нашей жизни. В этом зале собраны почти все экземпляры фортепианных фирм Советского Союза. Здесь и «Лирика», и «Заря», и «Красный Октябрь», и «Сюита», и «Ноктюрн»...

Все они сделаны на основе трех моделей, разработанных в институте. Легкость и плавность контура, соразмерность и лаконичность форм отличают их от первых черных, громоздких, похожих друг на друга пианино отечественного производства. Для новых моделей был разработан в лабораториях института целый ряд усовершенствований, касавшихся и корпуса, и струн, и механизма современного пианино. Но то, что составляет основу, суть этого молоточкового музыкального инструмента, изобретенного в начале XVIII века итальянским мастером Бартоломео Кристофори, осталось неизменным. Это прежде всего способ извлечения звука. До удара молоточком о струну, который впервые применил великий итальянец в своем «Гравичембало коло пиано е форте», звук извлекался либо тангентом (металлической пластинкой), либо... вороньим пером. Прикосновение тангета к клавиатуре вызывало левучее, нежное, но тихое звучание. Поддевая струну вороньим пером в клавиатуре, создавали звук ясный и звонкий, но не такой выразительный, как на клавиатуре. У того и другого предшественника фортепиано были свои страстные и верные приверженцы — как среди музыкантов, так и среди любителей.

Соперничая между собой, эти два инструмента пользовались каждый своим «оружием». Клавиатурный брал блеском и силой звучания. Клавиатур — выразительностью и певучестью.

Но как соединить в одном инструменте прекрасные качества, столь досадно поделенные между двумя «соперниками»?

Мастера изобретали самые разные хитроумные приспособления. Попробовали даже извлекать звук... смычком. Им служил обтянутый мягким материалом вал, который приводился во вращение педалью, а, нажимая клавишу, музыкант притягивал к этому валу струну.

Но только молоточек, изобретенный Бартоломео Кристофори, дал звуку струны силу и нежность, громкость и певучесть. Пиано и форте стали доступны звучанию этого инструмента.

Но изобретение итальянского мастера не оценили ни его соотечественники, ни музыканты других стран. Сильный тон фортепиано, еще недостаточно совершенного в то время, казался грубым.

Столь признанный и любимый сейчас инструмент должен был пройти долгий путь борьбы за ведущее место среди своих собратьев.

Ведь выйдя из салонов и музыкальных гостиных на сцену больших залов, фортепиано обратило свой голос к огромной аудитории. И ему уже нужны были более мощные «голосовые связки». Стали удлинять струны, чтобы сделать их громче. Но даже королевское фортепиано — рояль, крыловидная форма которого наиболее совершенна, не давало необходимой силы звука. Пробовали увеличить натяжение струн,

**ПРОЙДЯ «ОГОНЬ И ВОДУ»
В ЦЕХАХ ФАБРИКИ,
МЕТАЛЛ СТАЛ
ЗВОНКИМИ ТРУБАМИ.**

**ПОСЛЕДНЯЯ
РАБОЧАЯ «ДОВОДКА».**

способ формования скрипичных дек из тонких древесных пластин на прессах. При этом акустические свойства инструмента не только не ухудшаются, а, наоборот, становятся лучше. Структура древесины при такой обработке не нарушается, волокна ее, несущие звуковые волны, не пресекаются. Кроме того, расход дорогостоящей древесины значительно сокращается. Случается же, что двух зайцев убивают разом!

«Но вот настройка дек, — утверждают мастера, — это даже самым фантастическим машинам никогда не будет доступно».

Настройка дек? Две деревянные пластины овальной формы с выемками по бокам — они тоже проходят настройку, как и струны.

В руках легкая и нежная на ощупь дека. Ее бледно-желтая поверхность татуирована цифрами — 2,8; 3,2; 2,7. Это замеры толщин. Их должен добиться

Ученики Страдивари постигали в его мастерской основы скрипичного дела. Но была в его доме одна комната, куда не заходил никто, кроме самого мастера.

...Тяжелая, обитая войлоком дверь закрывает вход в нее. На единственном высоком окне — плотный занавес. Столы уставлены колбами и ретортами. На стенах висят таблицы вычислений и измерений. Здесь хранит великий итальянец секреты своего мастерства. Он тоже был когда-то учеником. Работал у знаменитого кремонского мастера Нико-

тогда о его работе. Настал момент, когда была пора уходить из мастерской учителя, чтобы создавать инструменты, которые могли бы зваться только его именем — Страдивари.

И вот, достигнув глубокой старости, найдя секреты единства и гармонии всего существа скрипки, ее формы, материала, лака, Страдивари сохраняет свои знания в тайне. Можно ли его судить за это? Секреты чужого мастерства не делают другого великим мастером, подражание никогда не приносит ценных плодов.

а оно уже и так исчислялось сотнями килограммов. Дерево выдержать большей нагрузки не могло. И тут на помощь пришел металл. Раму, которая держит струны, сделали чугунной, и это позволило натягивать струны силой свыше двадцати тонн!

Но претензии музыкантов этим не ограничились. Та предельная беглость игры, которую могли достичь на роялях старой конструкции, оказалась недостаточной. Слишком много времени уходило на то, чтобы, дождавись, когда клавиша после удара вернется в исходное положение, можно было вновь на нее нажать. Как же избавиться от этого тягостного для музыканта ожидания?

Решения столь трудной задачи искали многие механики. Найти его удалось французскому фортепьянному мастеру Себастьяну Эрару лишь в 1823 году. Он назвал свое изобретение «двойным ходом с репетицией». Это было чрезвычайно сложное устройство, позволившее музыканту многократно извлекать звук, не поднимая каждый раз клавишу до конца. Это открытие стало поистине ключевым в рождении нынешних клавишных инструментов.

Любовь к инструменту и честолюбие, жажда открытий и требования музыкантов побуждали фортепьянных мастеров к поискам все новых усовершенствований. Среди них одно принесло инструменту наибольшую популярность. Был сконструирован новый молоточковый механизм, позволивший сохранить все удобства и качества игры на рояле при вертикально стоящей раме. Так возникло звучное и небольшое по размеру пианино. Сегодня это самый распространенный музыкальный инструмент.

На Московском комбинате музыкальных инструментов, где мы с вами уже побывали, пианино марки «Лирика» изготавливают в двух больших цехах. Там бок о бок работают столы и наладчики, сборщики и настройщики... Металл и дерево, тонкий ручной труд и механизмы в своем единстве создают совершенный музыкальный инструмент — пианино. Труд рабочих разделен по операциям: приклейка деки к футору, приправка чугунной рамы, накладка струн...

Но ответственность за выпускаемый инструмент ощущается каждым. У любого фортепьяно есть свой паспорт, в котором пометается, кто выполнял ту или иную операцию. Лучшие мастера имеют свое личное клеймо. Самой кропотливой и тонкой работой, пожалуй, считается в цехе регулировка механики и клавиатуры. После сборки клавиш, молоточков и множества других мелких деталей в единый механизм нужно отрегулировать его так, чтобы он работал слаженно и четко. Специальным ключом выравниваются в одну непогрешимую линию клавиши и молоточки. При этом важно добиться плавной и легкой работы всей механики. После регулировки пианино проходит настройку. Но это только первая из четырех, которые предстоят инструменту. После первоначальной — снова регулировка. И опять настройка. Потом пианино «отдыхает», «расслабляется», и через некоторое время — опять настройка. Последняя, четвертая, проходит в звуконепропускаемых кабинках. Несколько часов уходит на настройщика, чтобы отладить один инструмент. Предельно точно должны соблюдаться интервалы в полтона у всех нот, которые «берет» пианино. Уловить малейшую фальшь в звучании — задача, посильная лишь тренированному, безукоризненному слуху.

Но вот закончена и эта работа. Инструмент готов начать свою жизнь в мире музыки.

Нынче комбинат изготавливает не только простые «пианино-труженики», несущие

на себе тяжесть первых музыкальных опытов учеников, долгих и трудных «разучиваний» студентов и разнообразных по качеству и жанру музицирований любителей. Здесь уже начали изготавливать и королевское фортепьяно — концертный рояль «Москва». Он был разработан в Институте музыкальных инструментов специальной группой, которую возглавлял директор института Анатолий Михайлович Горлов.

«Ведь может же своих «Стенвеев» российская земля рождать» — это должны были доказать специалисты. Эталон скрипки — «Страдивари», за эталон рояля взят инструмент фирмы «Стенвей». Была тщательно изучена его механика, материалы, которые применялись в различных частях инструмента, снят и проанализирован спектр звука каждой из его струн. На основе этих данных и опыта других лучших фирм была разработана отечественная модель концертных роялей. Их пока изготовлено немного. Последний из них — «Москва» — получил высокую оценку профессиональных музыкантов: «Наконец появился свой прекрасный концертный рояль!» Таких инструментов давно не хватает. Те, чтокупаются за границей, очень дороги, да их и недостаточно для нашей огромной страны.

«Хорошо бы наладить серийное производство «Москвы» — вот пожелание тех, кто смог познакомиться с русским соперником «Стенвеев».

Это трудно. Нет достаточного опыта, надо осваивать новую технологию. Тщательность и точность изготовления, сборки и подгонки всех частей механизма должны быть на самом высоком уровне.

А редкие, ценные материалы? Взять хотя бы одну деталь инструмента — клавишу! В серийном производстве ее покрывают пластмассовой пластиной. Белая, легкая, дешевая... Но то, что годится для массовой продукции, никак не подходит для инструмента концертного — королевского фортепьяно. Здесь нужна слоновая кость. Именно она, окультуривается, придает клавиатуре ту «теплоту и удобство», которые столь необходимы чутким рукам музыкантов.

Молочной белизны мерцают клавиши рояля «Москва», покрытые слоновой костью... Кроме нее, нужны черное дерево, граб, бук, красное дерево... Драгоценная древесина. Но в этом деле лишь только качество рождает качество, количеством тут не возьмешь.

На выставке музыкальных инструментов, состоявшейся в 1979 году на ВДНХ, рядом с классическим концертным роялем стоял совершенно иной инструмент. На тонких ножках, с приборной доской и множеством кнопок, ящичками динамиком — современное детище научно-технических поисков лаборатории электронных инструментов Правдинского института. Его звук непривычен, для некоторых — странный, но... современен. Он один может исполнять роль многих музыкальных инструментов. Правда, ему далеко до «реализма». Но, может быть, «своеобразие» электрооргана станет самым большим его достоинством? Может быть, будущее музыки, как утверждают его приверженцы, за электронными инструментами? Ведь диапазон звуковых волн, которые можно синтезировать на них, неограничен. А скептицизм многих окажется таким же неадекватным, как и у тех, кто в век клавишных отвергал «высочку» — фортепьяно. Время рассудит.

Во всяком случае, хочется верить, что из наших дней тоже дойдут до потомков инструменты, о которых они скажут: «Прекрасные тогда работали мастера...»

ВТОРОЙ ТУР

(Продолжение. Начало см. в № 12 журнала.)

Белые начинают и дают мат в три хода (2 очка).

Ход белых. Какой путь ведет их к победе? (2 очка).

Письма на второй (и все последующие!) тур нашего заочного соревнования посылайте в адрес редакции только после получения своего конкурсного учетного номера. Его нужно обязательно указывать на обеих открытках, в которых сообщаются решения заданий этого тура. Запомните, пожалуйста, что срок отправления открыток (согласно почтовому штемпелю вашего отделения связи) истекает лишь 20 сентября 1980 года.

С УДАЧНЫМ ФИНИШЕМ!

Определены результаты шахматного конкурса, который «Смена» провела во второй половине прошлого и в начале нынешнего года. С решениями конкурсных заданий редакция получила почти 18 тысяч писем из разных районов СССР и из социалистических стран.

3447 любителям шахмат, принявшим участие в этом конкурсе и выполнившим классификационные нормативы, жюри выслало справки о присуждении спортивного разряда.

В группу победителей вошли 40 читателей, приславших правильные ответы на все позиции и набравших по 80 очков из 80 возможных. Жюри особо выделило конкурсную работу Валерия Кобеца, конструктора Института ядерной физики Сибирского отделения Академии наук СССР (на снимке).

Отлично финишировали также следующие товарищи: Назым Алиев, студент (Баку), Анатолий Бешенцев, сотрудник ТАСС (Владимир), Иван Бондаренко, инженер (г. Жданов), Борис Боронин, инженер (Москва), Валерий Борзых, работник треста (г. Балхаш), Михаил Германов, учитель (Курганская область, село Чаша), Марс Гумаров, водитель (Одесса), Сергей Иванченко, инженер (Свердловск), Виктор Карамышев, нефтяник (Уфа), Иван Коваленко, инвалид Великой Отечественной войны (Кишинев), Константин Колодкин, строитель (Ульяновск), Дмитрий Красиков, энергетик (Ростов-на-Дону), Эдуард Кулоян, инженер (Ереван), Владимир Кустов, начальник карьера, и Владимир Цвеклинский, автоэлектрик (Магаданская область, пос. Полярный), Геннадий Леонов, энергетик (Курган), Юрий Матусевич, кандидат технических наук (Московская область, г. Раменское), Иван Медведев, учитель (Мордовская АССР, село Вадово-Селищи), Алексей Мельник, токарь (г. Киров), Рафид Мингазутдинов, инженер (Зеленодольск), Ильдар Митюков, школьник (Кировская область, село Карино), Владимир Мосейчук и Валерий Томницкий, инженеры (Житомирская область, пос. Городница), Юрий Пасуев, строитель (Ржев), Анатолий Посный, инженер (Нижний Тагил), Василий Прокофьев, врач (г. Калинин), Валерий Рыцков, школьник (Якутская АССР, пос. Черский), Фома Роголев, пенсионер (г. Калтан), Евгений Романов, шифровщик (Сыктывкар), Александр Рудинский, рабочий (Ленинград), Ирик Садыков, инженер (г. Джизак), Олег Сухов, инженер (г. Чирчик), Алексей Тихтило, оператор (Полтавская область, пос. Новые Санжары), Владимир Трофимов, врач (Псков), Владислав Утков, электрик (Свердловск), Николай Чистяков, слесарь (Омск), Геннадий Чумаков, слесарь (г. Калинин), Сергей Юшманов, рыбовод-ихтиолог (Москва), Анатолий Яковлев, инженер (Челябинск). Указанные товарищи отмечены специальными дипломами «Смены» и премируются.

Редакция и жюри с удовольствием поздравляют читателей, отличившихся в этом конкурсе, благодарят всех принявших в нем активное участие и приглашают желающих выйти на новые шахматные старты «Смены»!

Приводим краткие ответы на конкурсные позиции.
I тур — 1. Фe8 Крc5 2. Фb5X; 1. Ld6 ed 2. Фg8 Крe5 3. Ф:d5X. **II тур** — 1. Фd8 Кра2 2. Лc4x; 1. c4+ Кр:a5 2. Фb3 Фf7+ 3. Крe2 Фh5+ 4. g4 Ф:g4+ 5. Крf1 Кра6 6. Фa4+ Крb6 7. c5+ Кр:c5 8. Ф:g4±. **III тур** — 1. Лb7 Крd5 2. Фa2+ Крd6 3. Ke4x; 1. h8Ф Лh2+ 2. Крg5 Л:h8 3. g7+ Кр:g7 4. f6+ Крh7 5. Крh5=; 1. ... Крh5 2. Крf5 a3 3. e4 c3 4. Лc4 c2 5. Лс8 c1Ф 6. Л:с1 a2 7. Лd1 b5 8. Лc1 b4 9. Лd1 b2 10. Лd8=. **IV тур** — 1. Крf8 Лc5 2. Фe4+ Крf6 3. Cd8x; 1. ... g4 2. hg+ Крg5 3. Лb3 Крf4 4. g5 Крg3 5. g6 Лe2 6. Лb1 Лh2+ 7. Крg1 f2+ 8. Крf1 Лh1+ 9. Крe2 Лb1 10. g7 f1Ф; 1. Крd2 Крg3 2. Кр:d3 Кр:h3 3. Cd6 Крg2 4. f4 h4 5. fe Кd8 6. e6 К:e6 7. Крc4 h3= **V тур** — 1. Kh4 K:h4 2. Фc3+ Крe2 3. Фe3x; 1. Кc8+ Крb8 2. a7+ Кр:c8 3. Ка6+ Крd7 4. Сb5+ Крe6 5. Сc4+ Крf5 6. Cd3+ Крg4 7. Ce2+ Крh4 8. g3+ Крh3 9. Cf1+ Крg4=. **VI тур** — 1. Лe3 Кр:d4 2. Лe6+ Крc4 3. Фd3x; 1. b7 Лb8 2. Крe2 Л:b7 3. g6 a3 4. Лd1 a2 5. Ла1 Ла7 6. Крf3 Крg6 7. Кр:g3 Крf5 8. Крf3 Крe5 9. Крe3 Крd5 10. Крd3 Крc5 11. Крc3 Крb5 12. Крb3=; 1. ... Л:h5 2. g7 Л:g5 3. Лg4 Л:g7 4. Л:g7 e2 5. Лe7 e1Ф 6. Л:e1 C:e1 7. f4 Cc3 8. Крb8 Крc6 9. Кра7 Крb5 10. Крb7 Крc5 11. Кра6 Крd4 12. Крb5 Крd3 13. f5 Крe4 14. f6 C:e4 15. b4 Ce7 16. Крc4 C:b4=. **VII тур** — 1. Лb3 Крe6 2. e5 Кр:e7 3. Лb8 Крe6 4. Лe8x; 1. ... Cg3+ 2. Кр:g3 Фe5+ 3. f4 h4+ 4. Крh2 Ф:f4+ 5. g3 hg+ 6. Л:g3 Лe7 7. Лg2 Л:d4 8. Фc2 Лde4 9. Фf2 Лe5 10. Фb2 Л:g3 11. Фf4 5. Л:g2+ 12. Кр:g2 Л:e5=. **VIII тур** — 1. Cd1 Лd6 2. Лe2 Лf6 3. cb Лh6+ 4. Кр:h6 Крg4 5. Лe4x; 1. b5 Kb3 2. b6 Ka5 3. b7+ K:b7 4. Кc6 g4 5. Крf2±; 1. ... Крg3 2. Кf6 Ka3 3. Ke4+ Кр:f3 4. Кc3 g4 5. d5 g3 6. d6 g2 7. Ke2 Kc4 8. Kg1+ Крf2 9. Кр:c4 Крg1 10. d7 Крf1 11. d8Ф g1Ф 12. Фd3=. **IX тур** — 1. Лf6 Крe5 2. Фc4 Кр:f6 3. Фe6x; 1. ... b2 2. 0—0+ b1Л3. Л:b1+ Кр:b1 4. Крh2 Крc2 5. Крh3 Крd3 6. Кр:h4 Крe2 7. Крg4 Крe3=; 1. Фc7+ Крg2 2. Лb2+ Ф:b2 3. Фc2+ Крg3 4. Ф:g6+ Крh2 5. Фd6+ Кр:b1 6. Фg3 Фg2 7. Фf4 Лh2 8. Фg4 Крh1 9. Фf3 Крg1 10. Фg4 Лh1 11. Фf4=. **X тур** — 1. Кc2 d4 2. Kb4 d3 3. Л:d3 Крc4 4. K:c6 Крb7 5. Kd8+ Крc8 6. c6 Лb7 7. cbx; 1. ... g3 2. Cg6+ fg 3. Лh5+ gh 4. Фа7 Крg6 5. Фb6+ Кc6 6. Ф:c6+ Крf5 7. Фc5+ Cd5 8. Ф:d5+ Крg4 9. Фd7+ Кр:h4 10. Фd4+ Крh3 11. Ф:b4 f2 12. Фb1 g2x. **XI тур** — 1. Фf1+ Лg1 2. Ф:h3 Лg2 3. Фd3 Ca8 4. Ла2 Лg8 5. Л:a8 Лh8+ 6. Крg7 Лh7+ 7. Кр:h7 Крg2 8. Ла2+ Крg1 9. Фd1x; 1. ... h1Ф 2. Фg8+ Лf8 3. Ce4+ Ф:e4 4. Фd5+ Лb7 5. Ф:e4 Лf6+ 6. Кра5 c3 7. Фe8+ Кра7 8. Фe3+ Лf6= **XII тур** — 1. Крe7 Cg1 2. Крd6 Лf2 3. Крc5 Лf3+ 4. Крb4 Ce3 5. Кра3 Ce5x; 1. Лf2 Крb7 2. Лe2 Кра8 3. Крf2 Крb7 4. Крe1 Кра8 5. Крd2 Крb7 6. Крc3 Кра8 7. Лd2 Крb7 8. Лd4 Кра8 9. Крb4 Крb7 10. Кра5 Кра8 11. Лd8+ Крb7 12. Фb6+ abx; 1. ... Крd7 2. Крf6 C:c5 3. e8Ф+ Кр:e8 4. h7 Ce7+ 5. Крg7 Cf8+ 6. Крg8 Cg7 7. Л:g7 Kf4 8. h8Ф Лh3 9. Лh7 Лg3+ 10. Лg7 Лh3 11. Лe7+ Кр:e7 12. Фe5+ Ke6=.

ПРОЗА

Из дня вчерашнего —
в день нынешний

...Начну с цитаты. «Я держу в руках пожелтевшие от времени тетради в самодельных переплетках. Это дневники моих предков: прапрадеда, прадеда и деда. Каким-то чудом были они написаны, таким же чудом сохранялись столетия и протянули живую нить из прошлого...» Этими словами начинается новая книга известной советской писательницы Агнии Кузнецовой «Под бурями судьбы жестокой...» (Пермское книжное изд-во, 1979 г.). И в них, в этих словах, сокрыт психологический смысл, иначе говоря, принцип, которому подчинена книга.

Не годится быть «Иваном, не помнящим родства» — надо знать, обязательно знать историю не только своей земли, страны, народа, но и историю своей собственной фамилии, рода, знать, кто твои предки, чем они жили, чем дышали, что заботило их, тревожило, интересовало... В этом заключен один из законов развития человека. Новая книга Агнии Кузнецовой — пример проникновения в историю ее собственного рода. И одновременно это интересное повествование, рассказывающее о жизни крепостной России прошлого века, о быте и нравах знати и — параллельно — дворовых и рабочих людях, о талантливых самоучках, каким был прадед писательницы Петр Кузнецов, об окружающем Пушкина и его жены Наталии Николаевны Гончаровой. Петр Кузнецов не единожды видел ее, разговаривал с ней и был пленен ее красотой.

Был Петр талантливым человеком, художником, врачом-самоучкой. Травмами лечил людей, помогал избавиться от тяжелых болезней и благодаря своему природному дару, уму и таланту сумел откупиться у своих хозяев, именитых Строгановых, — получил волю за десять лет до отмены крепостного права.

Документ, в котором зафиксировано: «Я — генерал-лейтенанташа, графиня Наталья Павловна, дочь Строганова, отпускаю вечно на волю крепостного моего дворового человека Петра Яковлевича Кузнецова, с женою Олимпиадою, дочерью Федорова, и сыном Николаем», — сохранился и по сей день.

Одновременно с чертами, абсолютно реальными, Петр Кузнецов — литературный герой. Написан этот образ зримо, выпукло. Так тщательно, зримо выписаны и другие люди, которые жили, действовали в его пору, — и суровый петербургский граф Григорий Строганов, и бывший крепостной, ставший затем управляющим строгановским именем Волегов, и талан-

тливая дворовая актриса мать Петра Кузнецова — красавица Аграфена, и сестра Наталии Гончаровой Екатерина, и старый конок дед Софрон, и многие другие — у всех у них свое собственное «я», свой характер, свои особые, не присущие никому иному черты. Все они соединены незримыми психологическими нитями, и поступки одного человека, одного героя книги взаимосвязаны с поступками другого, даже более того — предопределяют их. Словом, эти люди объединены в литературный ансамбль, как это и должно быть в хорошем прозаическом произведении, составляют единое целое. И вместе с тем они реальные, они имели «место в жизни», они часть «древа», без которого невозможно продолжение истории, продолжение рода, фамилии...

Писательница успешно справилась со сложной задачей и создала книгу умную, нужную, запинающуюся.

Александр МОСКАЛЕВ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сердечность

«Наше понимание нравственности сегодня далеко от упрощенчества и однолинейности, мы — за богатство и полноту, одухотворенность и красоту человеческих взаимоотношений, ... за то, чтобы общечеловеческие нормы нравственности — доброта, человечность, справедливость, правда, благородство, совестливость, чуткость, сострадание — прочно входили в глубь человеческой психологии, становились честью души!» Эти строки взяты из новой книги известного критика и публициста Ф. Кузнецова «Размышления о нравственности» («Советская Россия», М., 1979 г.) и, пожалуй, могут служить как бы заключительным аккордом раздумий писателя, его пытливых наблюдений над жизнью, его философских исследований и обобщений.

Книга Ф. Кузнецова включает четыре раздела, но о чем бы ни говорил писатель — о литературе, о своих ли встречах с земляками, об истории детского дома или школьных сочинениях, — все пронизано, все освещено ленинскими мыслями о нравственности, ленинской, реальной программы формирования новой, коммунистической, истинно человеческой нравственности. Первый раздел так и называется: «В. И. Ленин о нравственности», и, как каждый последующий, он включает несколько статей — критических, публицистических, философских. Анализируя книгу о Ленине, автор концентрирует внимание читателя на образе Владимира Ильича; шаг за шагом подводит писатель к ясной мысли-убеждению: «Коммунизм, их идеология, научная идеология, выражающая чаяние и интересы рабочего класса, дали реальный, а не мечтательный ответ на веками мучивший людей вопрос о духовных и нравственных ценностях человека и человечества». Этой реальностью дышит вся книга, эту реальность

Ф. Кузнецов в изобилии находит в выступлениях, статьях и письмах В. И. Ленина, а потом ею поверяет произведения советских писателей и саму гущу жизни.

Интересно узнать — от главы к главе — автора. Спокойная раздумчивость сменяется гневным обличением проходимца, спекулирующего на памяти о павших героях войны; логическая стройность философской статьи в следующем разделе книги не мешает проявиться какой-то трепетной и незащищенной боли за судьбу детей, оказавшихся во власти «воспитателей» — рукоприкладцев; язвительная доказательность последнего раздела книги — и светлая сердечность главы «Наставники»...

Будто бы наособицу стоит в книге последний раздел «Наблюдения и споры». Самый короткий раздел и, если так можно выразиться, сугубо литературный: очерк о поездке в Малайзию по приглашению Национальной федерации писателей; статья «Конфуз с Метрополем» — о самиздатском литературном сборнике; наконец, открытое письмо пяти американским издателям. Так сказать, локальный разговор о внутрилитературной жизни. Но Ф. Кузнецов преломляет этот разговор через призму тех идейно-нравственных ценностей, о которых ведет речь в предыдущих главах. Рассматривая деятельность и творчество некоторых писателей с партийных, гражданских позиций, он вскрывает фальшь и ложь «пропагандистского супа из замызанного топора»; оценивая дела, слова и поступки группы советских писателей и их зарубежных защитников, называет вещи своими именами: «ведьмина история», «авантюра», «политиканство» и т. д. И локальный разговор о внутрилитературных делах становится продолжением глубоких интересных размышлений автора о нравственности: «Мы достигли такой общественной зрелости, когда становится очевидным: самые высокие и вечные общечеловеческие ценности духа и нравственности, поиски смысла жизни, одухотворенности, чести, правды, добра, борения человеческой совести — это все наше, именно — наше, это ценности реального, то есть социалистического гуманизма, который мы утверждаем всем строем, всем образом нашей жизни, утверждаем и отстаиваем в напряженнейшей идеологической борьбе».

Думаю, не могут быть двояко истолкованы ни эти да и никакие другие слова писателя, сказанные им честно и открыто. В книгу вложено столько сердечной боли, столько убеждения и гражданской обеспокоенности за человека, что они обязательно найдут самый живой отклик у читателя.

Эльвина ШУГАЕВА

ПОЭЗИЯ

Воздух бескорыстен

Даже в самых подробных географических картах не найдешь обозначений ручья, бегу-

щего по оврагам, родника, каких-нибудь холмов или лужаек, этих возвышенностей и равнин русского леса. На картах не найдешь, но на пространствах жизни все имеет свои координаты. Ручей любит журчать, ему вторит родник, с холма виднее теневая лужайка, тысячи и тысячи жизней шелестят, перекликаются, в траве, в просветах березы, и все это бесконечно, бескорыстно впадает в воздушный океан жизни, деятельно участвует в том, что мы называем чистой окружающей среды, чем дышим.

Человек, любящий поэзию, пишущий стихи, не сможет их вырезать на березе, не сможет плюнуть в родник, растоптать муравейник. В этом — защитное дело поэзии, ее реальное участие в реальной жизни. В аннотации к сборнику стихотворений победителей читательского конкурса, который проводился «Комсомольской правдой», «Родник» (издательство «Правда», 1980 г.), в частности, говорится: «В архиве конкурса к моменту его закрытия оказалось более десяти тысяч писем, и долгое время почта еще продолжала приносить конверты с конкурсной пометкой». О чем это говорит? О единственном — о бескорыстии в своей множественности любви человека к поэзии. К поэзии жизни. Школьники и студенты, учителя, строители и шоферы, журналисты и художники, ученые — словом, люди самых разных профессий из Москвы и Ленинграда, из Сибири и Дальнего Востока, из больших и малых городов, из деревень, те, кто, закончив рабочий день, с разной мерой умения, но искренне и самоабвенно стремится выразить именно в стихах все то, что их взволновало, и, видимо, жить иначе не могут. В этом — предопределенность и демократизм, свойственные русской поэзии, порыв к чистоте и совести, удивление «перед красотой и мужеством добра», как сказал шофер из Сургута Петр Суханов, один из пятидесяти трех авторов сборника.

Стихи о войне ветерана войны А. Головкина из Подмоскovie являются как бы фоном-зарывом, тем огромным нейтральным зарывом памяти, в соседстве с которым особенно бережно действует девушка-маркшейдер в стихах Владимира Малькова из Амурской области: «За девчонкой гремели взрывы, шли машины — сносили горы, а она следила ревниво, чтоб березок не тронул город». Хочется отметить очень лирические стихи о родине Николая Никишина из Москвы: «На родине, в тихом овраге у дома, где хрупкое озеро дышит, и где раскрылась кувшинка осеннего грома, и тихо круги разошлись по воде...» Понженски безоглядное стихотворение-чувство Татьяны Лучниковой: «И выходит, прав был тот чудной цыган, что за малость лета зиму отдавал!» — уравновешивается сдержанностью и серьезностью «мыслечувства», которое угадывается в стихах Валерия Фокина из Кирова.

Кстати, и Валерий Фокин и Петр Суханов являются победителями конкурса одного стихотворения, проходящего под девизом: «Пою мое Отечество», который с 1978 года регулярно проводится «Смены». Большие подборки их стихов публиковались на страницах «Смены» при подведении итогов конкурса-78, авторы были рекомендованы журналом на седьмое Всесоюзное совещание молодых писателей; опубликованы и готовятся к печати их новые подборки, в издательствах «на подходе» их первые книги. Так что жизнь убедительно подтверждает свое любимое правило: талант в земле не лежит.

Егор САМЧЕНКО

ПУБЛИЦИСТИКА

Мир ждет
Олимпиаду

Четыре года ждала Москва заветного часа, когда над бетонной чашей стадиона зажжется олимпийский огонь. Ныне, когда время до начала Игр отсчитывается секундами, с особым интересом воспринимаются строки повествующие об этом удивительном зрелище. И вот книга Дмитрия Мамлеева «Олимпиада: воспоминание о будущем» («Советская Россия», 1980 г.), удостоенная диплома Оргкомитета «Олимпиада-80».

«Мне повезло, я был на пяти Олимпиадах», — читаем на первой странице. Невольно вспомнились репортажи, передаваемые специальными корреспондентами «Известий» непосредственно с места событий. Среди них был и Дмитрий Мамлеев. Книга представляет познание неизвестного, хотя и ушедшего сейчас в историю. Читатель попадает в объятия времени, сохранившего атмосферу удивительного праздника спорта. Яркое и доходчиво рассказывает автор о днях Олимпийских игр, предоставляя каждому возможность как бы личного присутствия на этих зрелищах. Простота повествования, познавательность, образность языка и эмоциональность, несомненно, придутся по душе читателям книги.

Спорт — это не только триумф победителя. Это и труд. Каждыйдневный, жестокий, не терпящий ни минуты послабления. На стадионе и доли секунды могут быть решающими. «Соленый привкус имеет радость победы, что сплошь и рядом мгновенная, как удар молнии, — все вокруг озарится, залется сверкающим светом, но лишь на короткий миг...» А завтра победителя ждет снова работа. И если есть силы, он будет преодолевать все препятствия, пока не появится кто-то другой, сумевший перейти существующий ныне рубеж...

Автору довелось встретиться со многими советскими олимпийцами. Быть свидетелем побед. Понять нравственную основу нелегкого пути к вершинам. Юрий Власов, Валерий Брумель, Ольга Корбут, Валерий Борзов, как и другие их товарищи, вошли в историю Олимпиад.

«О спорт, ты — мир!» — эти слова Пьера де Кубертана и сегодня есть девиз современного олимпизма, выступающего на ветрах международной истории. Дух доброжелательности и искреннего товарищества присущ Олимпиадам. «Пусть Москва станет ареной жарких спортивных схваток и ареной дружбы. И если кому не хватит одной пятой секунды на пути к финалу, пусть он будет счастлив осознанием, что участвовал в крупнейшей Олимпиаде нашего времени, которая собралась под знаменем мира». К этим словам автора трудно что-либо прибавить. Они именно «воспоминание о будущем».

Михаил КАРПОВ

МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ

Начало на 20-й стр.

Я отвел взгляд от окна и начал пробираться к передней площадке.

У входа на кладбище маялся Логвинов. Видимо, ждал он давно.

— Опаздываете, Владимир Николаевич. Панихида началась.

— Где Сотниченко?

— Уже там. Юрия пока не видно.

Мы прошли через узкие ворота, у которых висели образцы траурных табличек и приглашение пользоваться услугами соответствующего бюро. На аллею падала густая тень. Под ногами приятно шуршал гравий.

— Значит, говоришь, муха не пролетит? — не выдержав, спросил я.

Логвинов понял, о чем я говорю, но, по-моему, ему не стало стыдно.

— А вы проверку решили устроить? У вас, что, Владимир Николаевич, ручки не было? — невозмутимо спросил он. — Попросили бы — я свою мог одолжить.

— Как это понимать?

Он протянул мне сыроватый еще снимок, и я снова порадовался, что Зина не видела, как элегантно выглядит ее супруг, когда перелезает через чужие заборы. Да и дочь вряд ли пришла бы в восторг от спортивной выправки отца.

— Есть еще, — сообщил он и заинтересовался: — Показать?

— Не надо, — буркнул я. Если у меня и было какое-то желание, связанное с фотографиями, так это чтобы их вообще не было.

Мы прошли мимо маленькой и нарядной кладбищенской церквушки. На ее крыше, рядом с главным куполом, блестела на солнце новенькая телевизионная антенна. Обогнув церковь, мы вышли к заасфальтированному пятачку, где толпились люди.

— Постоим здесь, — сказал я, когда мы подошли настолько близко, чтобы слышать и видеть то, что происходит у могилы.

— ...Иван Матвеевич был строг. Но все мы знаем, что по отношению к себе он был неизмеримо строже. И еще мы знаем, что его требовательность была основана на обостренном чувстве справедливости, верности делу, которому он посвятил всю свою жизнь...

— Кто это говорит? — спросил я.

— Ректор, — ответил Логвинов.

Среди присутствующих, а их было не менее ста человек, были и молодые люди — они пришли прямо с занятиями: с портфелями и сумками, с зажатыми под мышками учебниками, — и более пожилые, те стояли ближе к оратору. В глаза бросалось преобладание черных костюмов, темных галстуков, белоснежных рубашек.

— Смотрите, Черпаков, — шепнул мне Логвинов.

Впереди, рядом с обитым красным материалом гробом, стоял Сергей Сергеевич. Одной рукой он поддерживал венок с траурной лентой, а другой, как всегда, выкручивал пуговицу на своем пиджаке. Глаза его покраснели, было видно, что он изо всех сил сдерживается, чтобы не заплакать. Женщина, стоявшая рядом, наклонилась и сказала что-то ему на ухо. Черпаков кивнул, передал ей венок, взял за руку маленькую девочку с черными бантами в косичках и повел ее в сторону боковой аллеи.

— Здравствуйте, — сказал я, когда они поравнялись с нами.

Сергей Сергеевич вздрогнул от неожиданности.

— Здравствуйте. А я вас не заметил... Это моя дочь — Анечка.

Девочка тряхнула косичками и, улынувшись, дернула отца за руку.

— Ну, папа!

— Простите, вы не знаете случайно, где здесь туалет? — спросил он. — Дочь вот не вовремя...

— Пойдемте поищем, — предложил я и сделал знак Логвинову оставаться на месте.

Втроем мы вышли к окраине кладбища. Девочка ненадолго оставила нас.

— Не стоило брать ее с собой, Сергей Сергеевич, — сказал я. — Ребенок все-таки.

— Оставить не на кого было. — Он рассеянно крутил пуговицу.

— В таком случае пусть лучше здесь побегает. А мы с вами поговорим. Не возражаете?

— Я бабочек половлю, ладно, папа? — издала крикнула девочка.

Черпаков махнул ей рукой и опустился рядом со мной на расщепившуюся лавочку.

— Я вас слушаю.

— Вообще-то послушать хотел я, Сергей Сергеевич.

— Я сказал вам все. В прошлый раз. — Он с тоской посмотрел на резвящуюся в высокой траве дочь — наверное, сейчас он ей сильно завидовал.

— Как же так? А анонимное письмо?

— Письмо? — переспросил Черпаков. — Какое письмо?

— «Товарищ прокурор, — начал я воспроизводить по памяти. — Два преподавателя нашего института, включенные в приемную комиссию, берут взятки за то...»

— Хватит, — остановил меня Черпаков. — Я помню.

Он сорвал длинный тонкий стебелек, сунул его в рот и, надкусив, сплюнул.

— Горько...

Было видно, он не настроен к откровенности. Пришлось, как и в прошлый раз, помочь.

— Не понимаю я вас, Сергей Сергеевич. Вы что же, считаете, что анонимные звонки и письма — лучший способ общения между людьми? Еще в прошлый раз я заметил, что вы человек стеснительный, но не до такой же степени, чтобы не ставить свою подпись там, где ей положено стоять.

— Владимир Николаевич — так, кажется, вас зовут? — уточнил он. — Так вот, Владимир Николаевич, я трус, и вы уже имели случай убедиться в этом. Зачем же всякий раз напоминать...

— Трусостью можно объяснить ваше поведение позавчера. Вы болись признаться, что побывали в доме Вышемирских и видели труп профессора раньше нас. Исключительные обстоятельства не оправдывают ложь, но...

— А взятки — не исключительные обстоятельства?! — взорвался Черпаков. — всю жизнь я сталкиваюсь с исключительными обстоятельствами. Надоело! Надоело! — Он говорил так, словно обвинял меня в чем-то. — Почему именно я услышал разговор тех двух мерзавцев?! Почему именно мне пришлось сообщить о взяточничестве?! Мне тогда предстояла защита диссертации. Вы понимаете, какое это событие в жизни ученого! Вместо того, чтобы думать о защите, я вынужден был заниматься взятчиками. Я боялся, что стану жертвой мистификации, злой шутки, боялся утверждать, не имея настоящих доказательств. Но и молчать я не мог...

Продолжение следует.

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

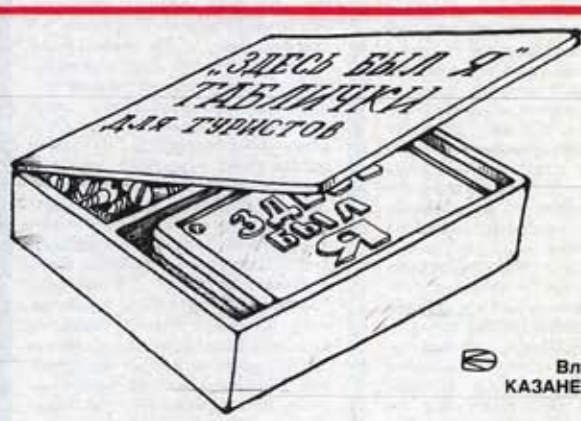
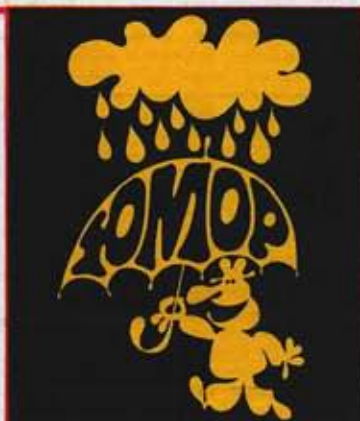
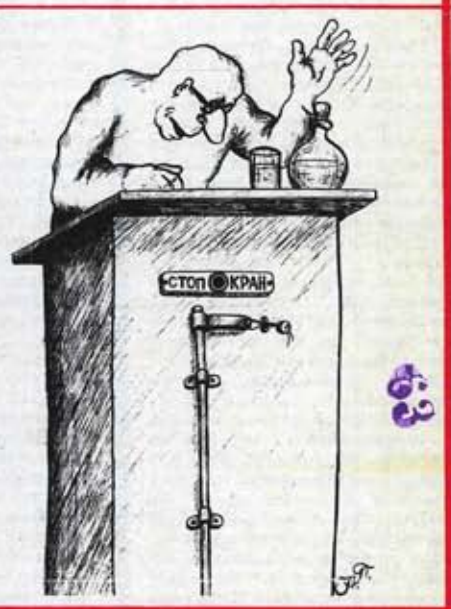

Рисунок Владимира КАЗАНЕВСКОГО

Рисунок Александра МОРЕВА

Рисунок Александра ПАШКОВА

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.05.80. Подписано к печати 03.06.80. А 10055. Формат 70/108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1142000 экз. Изд. № 1517. Заказ № 1958. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Стихи Андрея ДЕМЕНТЬЕВА

Музыка Алексея МАЖУКОВА

*Летние каникулы,
Милые края.
Пахнут земляникою
Губы у тебя.*

*А лето кончилось,
Какая жалость!
Пусть лето кончилось,—
Любовь осталась.*

*Далеко от города
Нас тропа ведет.
Жаль, что лето коротко,
Жаль, что все пройдет.*

*Летние каникулы
Август оборвал.
За твоей лалиткою
Первый лист упал.*

Припев:
*Спой песню на прощанье мне,
Спой песню—сердце ждет.
Пусть в каждом уходящем дне,
Счастливом дне, грядущем дне
Ее напев живет.*

*Мы с тобой прощаемся,
Обещаем ждать.
Будто возвращаемся
В прошлое опять.*
Припев.

ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ

КРОССВОРД

Составил
А. ПРОСТАКОВ
Старый Оскол

По горизонтали:

7. Действующее лицо романа М. С. Тургенева «Накануне».
10. Химический элемент, металл.
11. Герой романа Д. Дефо «Робинзон Крузо».
12. Балерина, дважды Герой Социалистического Труда.
13. Часть речи.
14. Один из героев романа М. Горького «Мать».
15. Областной центр в РСФСР.
18. Повторение слова, выражения в начале стихотворных строк или предложений.
21. Киргизский музыкальный инструмент.
22. Юрист, защитник.
23. Русский духовой инструмент.
24. Сценическая площадка для концертных выступлений.
27. Врач.
28. Частица электромагнитного излучения.
29. Воинское звание.
33. Самоходная тележка.
36. Заранее намеченный путь следования.
37. Город в Ворошиловградской области.
38. Кустарник, лещина.
39. Русский поэт XIX века.
40. Положение, принимаемое без доказательств.
41. Персонаж балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

По вертикали:

1. Главный город государства.
2. Русский композитор, ученый-химик.
3. Полярник, дважды Герой Советского Союза.
4. Разрывной снаряд.
5. Отрезок прямой, ограничивающий геометрическую фигуру.
6. Деталь двигателя.
8. Шахтер, инициатор новаторского движения.
9. Горная система в Азии.
16. Русский пейзажист XIX века.
17. Озеро на Кольском полуострове.
19. Композитор, автор «Гимна демократической молодежи мира».
20. Роман В. Быкова.
25. Договор, соглашение.
26. Музыкальный темп.
30. Ягодный кустарник.
31. Солдат.
32. Прохладительный напиток из фруктов.
33. Авиаконструктор, Герой Социалистического Труда.
34. Молодогвардеец, Герой Советского Союза.
35. Радиоактивный химический элемент.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 12**

По горизонтали:

3. Авторитет.
7. Адаптация.
8. Кабельтов.
10. «Торг».
12. Гира.
13. Томат.
14. Солярий.
15. Мессина.
16. Катод.
18. Полонез.
19. Гандбол.
23. Опера.
26. Венгрия.
27. Стамбул.
28. Трест.
30. Петя.
31. Янка.
32. Константа.
33. Акватория.
34. Влажность.

По вертикали:

1. Атрибут.
2. Статист.
3. Академия.
4. Трефовый.
5. Идеолог.
6. Сопрано.
9. Комета.
11. Гляциология.
12. Гастрономия.
16. Кредо.
17. Драга.
20. «Дереву».
21. Бежемот.
22. Николаев.
24. Стендаль.
25. Пунктир.
28. Тротуар.
29. Танкист.

ВАС ПРИГЛАШАЮТ ДЕТИ

Две тысячи самых интересных детских рисунков, присланных из 75 стран на IV Международный конкурс «Я вижу мир», представлены на выставке в залах Академии художеств СССР. Торжественные залы академии, привыкшие к полотнам известных художников, на этот разместили веселый, красочный мир детского рисунка. Мир особый, полный чудесных красок и буйной фантазии, мир добрый и красивый. В рисунках дети рассказывают о своей стране, о ее людях, о городах и домах, о машинах и животных. И, конечно, о спорте, — ведь конкурс был посвящен XXII Олимпиаде в Москве, а его эмблемой стал веселый и гостеприимный олимпийский Мишка.

«СКАЧКИ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ».
ЛЕВАН АСЛАЯН, 13 ЛЕТ.
СССР.

«СПАРТАКИАДА».
СТАНКА ДИМИТРОВА, 14 ЛЕТ.
БОЛГАРИЯ.

«БАСКЕТБОЛ».
КАНИЗ ЧОУДХУРИ, 15 ЛЕТ.
БАНГЛАДЕШ.

«ОЛИМПИАДА В МОСКВЕ». РАВАЛ ПУШАН, 10 ЛЕТ. ИНДИЯ.

который с разноцветной кисточкой шагает по радуге.

Каждый рисунок — это кусочек жизни, увиденный детскими глазами, понятый детским сердцем. Есть рисунки яркие, как солнце, есть нежные, как утренняя заря. Но какими бы красками ни писали дети, их работы необыкновенно жизне-радостны и светлы. Очень охотно юные художники рисуют свой дом — большой, многоэтажный, на шумной улице, хижину, крытую тростником, или крепко сколоченную избушку в глубине леса. Родной дом, какой бы он ни был, дорог каждому. Как и мама, которая всегда рядом и которая умеет делать такие удивительные вещи. Внимательно приглядываются ребята к жизни взрослых. На рисунках мы видим, как взрослые пахнут землю, собирают урожай риса и

пшеницы, ловят сетями рыбу, строят дома и заводы, осваивают космос.

Детские рисунки никого не оставляют равнодушными. Сколько, например, непосредственности в работах индийских школьников! Как много веселых хороводов на их маленьких полотнах! А на рисунке десятилетней Аниты Шамал шествует праздничная процессия во главе со слоном. Разве можно себе представить Индию без слона!

Неповторимый колорит страны чувствуется в каждом рисунке. Вот лихие наездники в ярких одеждах из Мексики. А вот хижины с острыми крышами и черные ребятишки возле них — это рисунок школьника из Ботсваны. Маленькие финны, живущие в суровом северном краю, любят яркие краски. Шри-Ланка — страна тропическая, жаркая,

но рисунки ее детей тонкие, серебристые, пастельных тонов. В Англии очень популярен футбол, и английский школьник Шуберт Кевин изобразил зеленое поле с игроками на нем, синее небо и зрителей на трибунах. Волейбольный матч на школьной площадке — сюжет рисунка Тани Лайковой из Хабаровска.

Юные художники рисуют фигуристов, хоккеистов, гимнастов, боксеров — ни один вид спорта не остался за пределами детского внимания. И это неудивительно, ведь участники конкурса знали, что их рисунки будут показаны в Москве в дни Олимпийских игр.

Наталья КРАСИЛЬНИКОВА

«СОРЕВНОВАНИЯ ПО ПЛАВАНИЮ».
ЛИЛИАН ДЕ ВИТА, 11 ЛЕТ.
ВЕНЕСУЭЛА.

«ШТАНГИСТ».
СЭНДО МАСАХИРО, 5 ЛЕТ.
ЯПОНИЯ.

«ПАРУСНАЯ РЕГАТА».
ГЖЕГОЖ БЯЗИК, 12 ЛЕТ.
ПОЛЬША.

